

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПАУЗЫ КАК СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ
МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

СООТНЕСЁННОСТЬ ЭПИГРАФОВ И ТЕКСТА В ПОВЕСТИ
А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

МИФОГЕННЫЙ И МИФОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА. РОМАНТИЗМ (ЧАСТЬ I)

2022 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. – д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. – д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. – д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселёва И. А. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. – доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. – д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. – д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. – д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. – д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. – д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru; www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 4. – 132 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology"
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Honored Worker of Science;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is registered in the Federal Service for supervision of legislation observance in the sphere of mass communications and cultural heritage protection (mass media registration certificate No. FS 77 - 73348).

The subscription index of the "Russian Philology" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2022. – No. 4. – 132 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Валипур А., Хакрах Кахнамуи Т.** Дискурсивный анализ паузы как средства выражения субъективных и объективных модальных значений 6
- Воронина Л. В.** Интерпретирующее восприятие, мыслительный мониторинг и коммуникативные сбои в процессе вербализации суждений о цели (в свете лингвистических взглядов У. Л. Чейфа)..... 14
- Диева Т. М., Кумбашева Ю. А., Селезнева Е. П.** О некоторых тенденциях развития русского языка на современном этапе..... 24
- Родионова И. Г.** Научно-популярные тексты о русском языке в журнале для школьников «Костёр»: структура, тематика, языковые особенности 37
- Сарайкин И. В.** Синхронно-диахронный анализ предложно-падежного комплекса *в течение / в течении* болезни: морфосинтаксис и семантика 49
- Цынк С. В.** Оценочные имена прилагательные в публицистике А. И. Солженицына 60

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Джанумов С. А.** Соотнесённость эпитафий и текста в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»..... 72
- Козин А. А., Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н.** Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I)..... 85
- Кульшишева О. М., Ращупкина О. С.** Отражение диалектической противоречивости перестройки сознания крестьянина-единоличника в книге очерков Ф. И. Панферова «В предутреннюю рань» (1927) 95
- Ли Гэнь.** Культурные коды Китая в романе П. Крусанова «Укус ангела» 110
- Яровой С. А.** Кинематографические приёмы в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»..... 118

РЕЦЕНЗИИ

- Леденёва В. В.** Рецензия на издание И. Ю. Гац «Универсальный словарь русского языка для школьников: более 5000 словарных статей». М.: Просвещение, 2021. 640 с. 124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Лагузова Е. Н.** Всероссийская научная конференция с международным участием «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи»..... 127

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- A. Valipour, T. Khakrah Kahnamouei.** Discourse Analysis of Pause as a Means to Express Subjective and Objective Modal Meanings 6
- L. Voronina.** Interpretive Perception, Cognitive Monitoring, and Communication Failures in the Verbalization of Purpose Judgments (In the Light of W. L. Chafe 's Linguistic Views) . . . 14
- T. Dieva, J. Kumbasheva, E. Selezneva.** Some Trends in the Development of the Russian Language at the Present Stage. 24
- I. Rodionova.** Popular Science Texts about the Russian Language in the "Koster" Magazine for Schoolchildren: Structure, Theme, Language Features. 37
- I. Saraykin.** Synchronic and Diachronic Analysis of the Prepositional-Case Form *в течение / в течении болезни*: Morpho-Syntax and Semantic 49
- S. Tsynk.** Evaluative Adjectives for Proper Names in Publicistic Works by A. I. Solzhenitsyn. . . 60

LITERARY STUDIES

- S. Dzhanumov.** Relationship of Epigraphs and Text in A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades" 72
- A. Kozin, N. Litvinenko, I. Lunina, O. Redina.** Mythogenic and Myth-Creating Potential of Images in Foreign Literature of the 19th Century (Part 1) 85
- O. Kultysheva, O. Rashchupkina.** Reflection of the Dialectical Contradiction of the Restructure of the Peasant-Individual Consciousness in F. I. Panferov's Book of Essays "In the Early Morning" (1927) 95
- Li Gen.** Cultural Code of China in P. Krusanov's Novel "Angel's Bite" 110
- S. Yarovoy.** Cinematic Techniques in N. V. Gogol's Short Story "The Fair At Sorochyntsi" . . . 118

REVIEWS

- V. Ledeneva.** Review on I. Yu. Gats's Edition "Universal Dictionary of the Russian Language for Schoolchildren: More than 5000 Dictionary Entries". Moscow, Prosveshenie Publ., 2021. 640 p. 124

SCIENTIFIC LIFE

- E. Laguzova.** All-Russian Scientific Conference with International Participation "Semantics and Functioning of Language Units in Different Types of Speech" 127

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-6-13

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПАУЗЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Валипур А., Хакрах Кахнамуи Т.

Тегеранский университет

1439813164, г. Тегеран, ул. Каргар-э Шомали, д. 15/16, Исламская Республика Иран

Аннотация

Цель. Рассмотреть паузу как просодический элемент в речи и проанализировать различные субъективные и объективные модальные значения, выражаемые паузой. Кроме того, в исследовании предпринята попытка изучить ментальный мир субъекта речевого акта и его коммуникативное поведение. В работе показывается, что речевая пауза иногда оказывает воздействие на способы передачи семантики желания, побуждения, возможности и необходимости.

Процедура и методы. Исследование выполнено на материале пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад». С помощью дискурсивного анализа была рассмотрена речь всех действующих лиц. Были проанализированы отдельные предложения, в которых пауза является средством передачи различных модальных значений.

Результаты. На основе изученного установлено, что пауза с помощью некоторых морфологических языковых единиц, таких как частицы, междометия и др., выражает разные эмоциональные состояния (грусти, удивления, волнения, радости). Более того, в ряде случаев язык тела говорящего рассматривается в качестве паузы в речи. Показано, что пауза помимо интонации является языковым средством выражения объективных и субъективных модальных значений желания, побуждения, возможности и необходимости в русском языке. Доказано, что пауза как суперсегментный элемент в речи влияет на ментальность человека, вследствие чего субъект речевого акта выражает свои внутренние чувства с оттенками желательности, побуждения и стремления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты настоящего исследования могут быть полезными при обучении русскому языку как иностранному, чтобы определить паузу как средство выражения субъективных и объективных модальных значений.

Ключевые слова: дискурс, объективное модальное значение, пауза, русский язык, субъективное модальное значение

DISCOURSE ANALYSIS OF PAUSE AS A MEANS TO EXPRESS SUBJECTIVE AND OBJECTIVE MODAL MEANINGS

A. Valipour, T. Khakrah Kahnamoeei

University of Tehran

North Kargar Street 15/16, Tehran 1439813164, The Islamic Republic of Iran

Abstract

Aim. We study pause as one of the prosodic elements in speech and analyze different subjective and objective modal meanings. An attempt is also made to investigate the mental world of the speaker and his communicative behavior. It is shown that a speech pause sometimes has an impact on the ways of expressing semantic meanings of desire, motivation, possibility, and necessity.

Methodology. The study relies on the method of the discourse analysis of the speech of the each actor in A. P. Chekhov's play "The Cherry Orchard". Some of sentences in which the pause is a means to convey different semantic meanings are analyzed.

Results. It is found that a combination of a pause and such morphological linguistic units as particles, interjections, etc., allows one to express different emotional feelings of sadness, surprise, worry, and happiness. In some cases, the body language of the speaker is considered as a pause in speech. The paper shows that apart from intonation, the pause in the Russian language becomes a linguistic means of expressing objective and subjective modal meanings of desire, motivation, possibility, and necessity. It is proven that the pause as a supersegment element of speech has an impact on the person mentality and, hence, the subject of the speech act conveys his inner feelings with the shades of desire, motivation, and tendency.

Research implications. The results of this research can be helpful in teaching Russian as a foreign language in order to help students distinguish the pause as a means of conveying different subjective and objective semantic meanings.

Keywords: discourse, objective modal meaning, pause, Russian language, subjective modal meaning

Введение

Пауза и её функциональные свойства неоднократно рассматривались в лингвистике. Она содержит разнообразные грамматические и семантические признаки, которые недостаточно учитывались.

Вопрос о дискурсе в настоящее время привлекает к себе внимание большинства исследователей, которые по-разному его определяют. Например, Мишель Фуко [13], один из ведущих лингвистов, обозначил его в качестве совокупности всего высказанного и произнесённого¹. Кроме того, А. А. Кибрик рассмотрел это языковое явление как процесс языковой деятельности и способ говорения [5].

Как правило, с помощью дискурса можно исследовать разные языковые единицы и их особенности. В ходе дискурсивного анализа следует учитывать культурные, исторические, ментальные и коммуникативные факторы [10, с. 66].

При изучении внетекстовых факторов, влияющих на эффективность коммуникации, можно обратить внимание на поступки и ментальность участников речи, т. е. мышление и разум человека определяют его поведение, состояние, знания и способы его интерпретации [6, с. 243].

Язык тела, просодические элементы, такие, как интонация, пауза, высота и сила звука, являются важными внетекстовыми языковыми единицами, с помощью которых можно правильно и глубоко понимать содержание высказывания.

Дискурсивный анализ значений желаний / нежелания и побуждения, выражаемых устной паузой

Пауза, по мнению А. Аргава и других лингвистов, является одним из основных языковых явлений. Она изменяет интонацию и вместе с ней передаёт чувства говорящего [18]. Такие лингвисты, как Х. Бортфельд, М. Гарман и Б. Маквини, квалифицируют паузу как молчание и иногда описывают её как «заполненную паузу», участвующую в речи в сопровождении звуков «аааа...», «ммм...» и некоторых слов, таких как «хорошо...», «другим словом...» [23, р. 44, 123–147; 25; 27, р. 48, 978–985].

По словам Дж.-Н. Фоулин, пауза больше всего чувствуется в речевой деятельности, которая влияет на письмо [24, р. 486]. Речевую паузу можно наблюдать в тех случаях, когда человеку требуется перевести дыхание во время разговора, и в это время слушатель способен понимать и анализировать мысли [22, р. 127–128, 53–69]. Речевая, или устная, пауза сильно зависит от психики человека, его менталь-

¹ См.: Арутюнова Н. Д., Виноградов В. А. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.

ного состояния и степени его подготовленности к чтению или выступлению [7, с. 59]. Например, в следующем предложении говорящий использует устную паузу, чтобы подчеркнуть важность включения телевизора. Сравните: *Давайте не забудем (пауза) выключить телевизор* [7, с. 62]. Однако письменная, или грамматическая, пауза больше всего используется в публичных текстах и создаёт эффект ровной и правильной речи [7, с. 58]. Сравните: *Надо учиться, (пауза) работать и отдыхать* [28, р. 131].

В русском языкознании на основе исследований Н. Ю. Шведовой, Т. М. Синельниковой, Е. М. Хакимовой можно обсуждать паузу как один из просодических элементов в качестве перерыва, используемого иногда для изменения тона или интонации речи. Пауза также даёт возможность говорящему перевести дыхание, а слушателю – анализировать мысли [3; 15, с. 98; 11, с. 192; 14, с. 54]. Кроме того, иногда пауза используется субъектом речевого акта, чтобы он выражал чувства удивления, волнения, радости и т. д. с различными семантическими оттенками. Таким образом, модальность связывается с ментальностью и эмоциональными чувствами говорящего и его отношением к высказыванию [19; 20, р. 79–84; 21; 26].

В русском языке модальность, согласно Н. Ю. Шведовой, включает разные явления, лексически, грамматически и интонационно указывающие на отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности [16, с. 214]. Ясно, что модальность в русском языке подразделяется на субъективное и объективное значения. Под субъективным значением мы понимаем желание, побуждение или целесообразность субъекта действия по отношению к его осуществлению, а под объективным значением мы понимаем состояние, ситуацию и действие, наличие которых иногда является необходимым, возможным, неизбежным, нужным и т. п. [16, с. 373]. Таким образом, подчёркиваем, что субъективное и объективное значения взаимодействуют друг с другом [17, с. 234–

235]. Модальные значения в русском языке выражаются с помощью различных синтаксических и лексико-грамматических языковых средств.

В отдельных случаях, как уже говорилось выше, пауза как один из суперсегментных элементов, соответственно с эмоцией и чувством участника речи в одном дискурсе помимо интонации способна передавать субъективные и объективные значения. Субъективные значения, как правило, являются значениями желательности, побудительности, сомнения, а объективные включают в себя значения возможности, долженствования и необходимости. В таких предложениях пауза используется говорящим в устной форме для выражения своих внутренних чувств волнения, удивления, грусти, радости, страха, сомнения и удовлетворения. Следует подчеркнуть, что позиция паузы в следующих примерах иногда находится на месте знака многоточия, выражающего эмоциональное состояние говорящего. Например: «А, так ты... (пауза) Я без души лето целое всё пела»¹. Это одно из нескольких значений, передаваемых знаком многоточия. Но в данной статье обращаем внимание на эмоции, субъективные и объективные значения, выражаемые паузой.

При анализе психических характеристик человека и его эмоциональных состояний можно различать коммуникативные реакции и поступки участников речевых актов. Например, иногда чувства волнения и удивления человека связываются с его чувством желания или нежелания:

Яша подпеваает.

Шарлотта: – Ужасно поют эти люди... (пауза) Фуй! Как шакалы.

Яша: – Надел ты, дед. (Зевает.) (пауза) Хоть бы ты поскорее подох.

Фирс: – Эх ты... (пауза) недотёпа! (Бормочет.)²

¹ Розенталь Д. Э. Пунктуация и управление в русском языке: справочник для работников печати. М.: Книга, 1988. С. 7–8.

² Чехов А. П. Вишнёвый сад // Az.lib: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0150.shtml (дата обращения: 07.06.2022).

В вышеприведённых примерах пауза в сочетании с междометиями *фуй!* и *эх, ты!* выступает как заполненная пауза, выражающая чувства грусти, нежелания, неприятия. Кроме того, зевание рассматривается в качестве заполненной паузы, передающей значение нежелания.

Дуняша: – Едут! Что ж это со мной... (пауза) похлодела вся.

Лопухин: – Едут, в самом деле. Пойдём встречать. Узнает ли она меня? Пять лет не видались.

Дуняша (в волнении): – Я сейчас упаду... (пауза) Ах, упаду!

Видно, что в каждом отдельном случае в вышеуказанном дискурсе, в предложениях «*Что ж это со мной...*» и «*Я сейчас упаду...*», лексически и грамматически выражаются чувства удивления и волнения. Они заставляют говорящего употребить паузу со значениями желательности и восторга.

Семантика побуждения как субъективное значение выражает побуждение говорящего или субъекта к осуществлению действия. Это значение совмещает в себе ряд семантических разновидностей, таких, как повеление, пожелание и необходимость, т. к. наличие возможного и необходимого действия в одной ситуации побуждает субъекта и его желание к их осуществлению [16, с. 110]. Известно, что пауза, употребляемая в конце побудительного предложения, способна передавать значение волеизъявления. Говорящий при выражении своей просьбы использует паузу, чтобы его собеседник отвечал на этот приказ. Таким образом, в нашем случае образуется устная пауза со значением побуждения. Сравните:

(1) *Любовь Андреевна: – Лёня, что? Лёня, ну? (Нетерпеливо, со слезами.) Скорей же, бога ради... (пауза)*

Гаев (ничего ей не отвечает, только машет рукой Фирсу, плача): – Вот возьми... (пауза) Тут анчоусы, керченские сельди.

(2) *Голос в дверь со двора: – Ермолай Алексич!.. (пауза)*

Лопухин (точно давно ждал этого зова): – Сию минуту! (Быстро уходит.)

В первом примере Любовь Андреевна при помощи паузы после междометия *ради бога* побуждает Гаева к выполнению действия. Однако Гаев использует паузу, сопровождаемую «*взмахом рукой Фирсу*», для выражения значения невозможности. Между прочим, пауза со значением побуждения иногда может употребляться в соединении с указательной частицей *вот*.

Во втором примере при использовании обращения выражается пауза со значениями побуждения и желания. В таких предложениях чувство желания образует намерение и побуждение участника речевого акта. Оно побуждает кого-либо, чтобы он совершил требуемое действие.

Дискурсивный анализ значения сомнения, передаваемого устной паузой

Сомнение – это ментальный процесс, происходящий при ощущении неуверенности в достоверности высказывания. В этом случае субъект речевого акта использует паузу, чтобы побольше подумать и избавиться от чувства сомнения. Сравните:

А откуда я и кто я – не знаю... (пауза) Кто мои родители, может, они не венчались... (пауза) не знаю. (Достает из кармана огурец и ест.) (пауза) Ничего не знаю.

Видно, что субъект речевого акта при употреблении паузы в соединении с отрицательной частицей *не* и спрягаемой формой глагола «*знаю*» передаёт значение сомнения.

Дискурсивный анализ значения возможности, выражаемого устной формой паузы

Значение возможности, выражаемое паузой, согласно И. Р. Федоровой, А. В. Зеленщиковой, М. Б. Будильцевой и А. П. Денисовой, описывается в качестве предпосылки для достижения чего-либо возможного [12, с. 6; 4, с. 119; 2, с. 70].

Значение возможности чаще всего объясняется как уверенность говорящего

в наличии возможных условий для достижения цели [8, с. 205; 9, с. 47]. Следует подчеркнуть, что это значение способно объединиться со значениями побуждения, желания и утверждения, потому что при наличии значения возможности у субъекта появляется чувство желания для осуществления определённого действия. Сравните:

Лопахин: – Мне хочется сказать вам что-нибудь очень приятное, весёлое. (Взглянув на часы.) Сейчас уеду, некогда разговаривать... (пауза) ну, да я в двух-трёх словах. Вам уже известно, вишнёвый сад ваш продаётся за долги, на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть... (пауза) Вот мой проект. Прошу внимания!

В вышеуказанном примере Лопахин лексически и контекстуально посредством частицы *ну*, паузы и интонации выражает значение невозможности. Однако вторая пауза в примере выше перед частицей *вот* отражает значение возможности с оттенками побуждения и желания для выполнения необходимого действия.

Дискурсивный анализ значения долженствования, выражаемого устной паузой

Значения необходимости и долженствования, согласно А. В. Бондарко, в независимости от воли субъекта речи, реализуются в обусловленных и потенциальных ситуациях [1, с. 142]. Эти значения чаще всего указывают на обязательность выполнения действия и чувство волнения у говорящего. Это значение в русском языке может выражаться с помощью устной паузы. Сравните:

Яша: (подаёт Любове Андреевне лекарство). – Может, примете сейчас пилюли.

Пищик: – Не надо принимать медикаменты, милейшая... (пауза) от них ни вреда, ни пользы.

Видно, что в вышеуказанном примере контекстуально отражается чувство волнения участника речевого акта. Таким образом, в соединении с синтаксической конструкцией «*Не надо принимать медикаменты*» и обращением «*милейшая*» употребляется пауза. Она выражает значение недолженствования и ненужности осуществления определённого действия.

Заключение

Таким образом, с помощью дискурсивного анализа можно рассмотреть просодические единицы. Устная пауза, выражающая эмоции и внутренние чувства участников речи, в некоторых случаях показывается знаком многоточия. Она контекстуально и с помощью частиц и междометий является средством выражения различных эмоциональных состояний, таких, как удивление, волнение, радость, грусть и др. Пауза со значением нежелания лексически выражается некоторыми междометиями, такими, как *фуи*, *эх*. К тому же иногда говорящий посредством паузы, используемой перед частицей *вот*, контекстуально выражает утверждение о наличии возможности осуществления определённого действия.

Кроме того, при помощи паузы в соединении с отрицательной частицей *не* и спрягаемой формой глагола «*знаю*» участник речевого акта передаёт значение сомнения. В этом случае пауза становится маркером размышлений говорящего.

В некоторых случаях язык тела функционирует как пауза и контекстуально выражает различные значения.

Можно утверждать, что иногда пауза употребляется в сочетании с безличной конструкцией «*надо*» и передаёт значения долженствования и необходимости.

Кроме того, иногда пауза используется в конце побудительных предложений и обращения. В этом употреблении пауза контекстуально выражает значение побуждения.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность, модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
2. Будильцева М. Б., Денисова А. Р. О средствах выражения модальных значений возможности и предположительности в испанском языке в сопоставлении с русским // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 1. С. 69–79.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
4. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 216 с.
5. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 90 с.
6. Киров Е. Ф. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
7. Коченкова Ю. Е. Паузирование в публичной речи учёных, проповедников, актёров: по результатам эксперимента // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 56–69.
8. Перфильева Н. П. «Надежда» как модусная категория // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 34. С. 201–211.
9. Поддубная Н. Н. Специфика реализации категории модальности в комическом тексте (на примере шванка российских немцев) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 45–54.
10. Пташки А. С. Дискурс, дискурсивный анализ и лингвистические процессоры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (171). С. 66–70.
11. Синельникова Т. М. Логическое чтение и логическая пауза как элементы выразительности речи // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 192–193.
12. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Калининградский университет, 2000. 85 с.
13. Фуко М. Археология знания / пер. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
14. Хакимова Е. М. О функциях интонационной нормы в современном русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 54–60.
15. Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.
16. Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. II. М.: Наука, 1980. 717 с.
17. Эслон П. А. Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. 1997. № 1. С. 233–248.
18. Argaw A., Forsbom E. A., Gustavii E. Distribution and Acoustic Features of Extra Linguistic Sounds in the Waxholm Corpus [Электронный ресурс] // Speech Communication & Technology. 2004. URL: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 07.06.2022).
19. Bally C. Linguistique générale et linguistique française // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1946. № 25. P. 163–165.
20. Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation // Languages. 1974. Vol. 17. P. 79–88.
21. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 420 p.
22. Cenoz J. Pauses and Hesitation Phenomena in Second Language Production // ITL Review of Applied Linguistics. 2000. Vol. 127. P. 53–69.
23. Disfluency Rates in Spontaneous Speech: Effects of Age, Relationship, Topic, Role, and Gender / H. Bortfold, S. D. Leon, J. E. Bloom, M. F. Schober, S. E. Brennan // Language and Speech. 2001. Vol. 44. P. 123–147.
24. Foulin J.-N. Pauses et débits: Les indicateurs temporels de la production écrite // L'Année Psychologique. 1996. Vol. 95 (3). P. 483–504.
25. Garman M. Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 536 p.
26. Gosselin L. Les modalités en français: La validation des représentations. Rodopi: Brill, 2010. 502 p.
27. MacWhinney B., Osser H. Verbal Planning Functions in Children's Speech // Child Development. 1977. Vol. 48. № 3. P. 978–985.
28. Valipour A. Phonetics of Russian Language. Tehran: Samt, 2015. 185 p.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. *Teoriya funkcional'noi grammatiki: Temporal'nost', modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality, Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 263 p.
2. Budil'tseva M. B., Denisova A. R. [On the Means of Expressing the Modal Meanings of Possibility and Presumptiveness in Spanish in Comparison with Russian]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2012, no. 1, pp. 69–79.
3. Valgina N. C. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p.
4. Zelenshchikov A. V. *Propozitsiya i modal'nost'* [Proposition and Modality]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 216 p.
5. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dis. ... kand. filol. nauk* [Discourse Analysis in a Cognitive Perspective: Cand. Sci. Thesis in Philology]. Moscow, 2003. 90 p.
6. Kirov E. F. [Cognitive Research on Discourse]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1994, no. 5, pp. 126–139.
7. Kochenkova Yu. E. [Pausing in the Public Speech of Scientists, Preachers, and Actors: Based on the Results of the Experiment]. In: *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2011, no. 1, pp. 56–69.
8. Perfil'eva N. P. ["Hope" as a Modus Category]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2016, no. 34, pp. 201–211.
9. Poddubnaya N. N. [The Specifics of the Implementation of the Category of Modality in a Comic Text (On the Example of the Schwank of Russian Germans)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], 2015, no. 2 (34), pp. 45–54.
10. Ptashkin A. S. [Discourse, Discourse Analysis and Linguistic Processors]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2016, no. 6 (171), pp. 66–70.
11. Sineĭnikova T. M. [Logical Reading and Logical Pause as Elements of Speech Expressiveness]. In: *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute], 2008, vol. 175, pp. 192–193.
12. Fedorova I. R. *Modal'nost' vozmozhnosti v sovremennom russkom yazyke (na materiale gazet)* [Modality of Possibility in Modern Russian (On the Basis of Newspapers)]. Kaliningrad, Kaliningrad University Publ., 2000. 85 p.
13. Foucault M. *L'archéologie du Savoir* (Rus. ed.: Mitin S., Stasov D., transl. *Arheologiya znaniya*. Kiev, Nika-Centr Publ., 1996. 208 p.).
14. Khakimova E. M. [On the Functions of the Intonation Norm in Modern Russian]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2015, no. 3, pp. 54–60.
15. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika. T. I* [Russian Grammar. Vol. I]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.
16. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika. T. II* [Russian Grammar. Vol. II]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 717 p.
17. Eslon P. A. [The Problem of Delimitation of Modal Meanings]. In: *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii* [Works on Russian and Slavic Philology], 1997, no. 1, pp. 233–248.
18. Argaw A., Forsbom E. A., Gustavii E. Distribution and Acoustic Features of Extra Linguistic Sounds in the Waxholm Corpus. In: *Speech Communication & Technology*, 2004. Available at: <https://www.semanticscholar.org> (accessed: 07.06.2022).
19. Bally C. Linguistique générale et linguistique française. In: *Revue belge de Philologie et d'Histoire*, 1946, no. 25, pp. 163–165.
20. Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation. In: *Languages*, 1974, vol. 17, pp. 79–88.
21. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago, The University of Chicago Press, 1994. 420 p.
22. Cenoz J. Pauses and Hesitation Phenomena in Second Language Production. In: *ITL Review of Applied Linguistics*, 2000, vol. 127, pp. 53–69.
23. Bortfold H., Leon S. D., Bloom J. E., Schober M. F., Brennan S. E. Disfluency Rates in Spontaneous Speech: Effects of Age, Relationship, Topic, Role, and Gender. In: *Language and Speech*, 2001, vol. 44, pp. 123–147.
24. Foulin J.-N. Pauses et débits: Les indicateurs temporels de la production écrite. In: *L'Année Psychologique*, 1996, vol. 95 (3), pp. 483–504.
25. Garman M. *Psycholinguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 536 p.
26. Gosselin L. *Les modalités en français: La validation des représentations*. Rodopi, Brill, 2010. 502 p.

27. MacWhinney B., Osser H. Verbal Planning Functions in Children's Speech. In: *Child Development*, 1977, vol. 48, no. 3, pp. 978–985.
28. Valipour A. *Phonetics of Russian Language*. Tehran, Samt, 2015. 185 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валипур Алиреза – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, член учёного совета Тегеранского университета;

e-mail: alreva@ut.ac.ir

Хакрах Кахнамуи Табассом – аспирант кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета;

e-mail: t.khakrah@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alireza Valipour – Cand. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Language, Member of the Academic Council of the University of Tehran;

e-mail: alreva@ut.ac.ir

Tabassom Khakrah Kahnamouei – Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Literature, University of Tehran;

e-mail: t.khakrah@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Валипур А., Хакрах Кахнамуи Т. Дискурсивный анализ паузы как средства выражения субъективных и объективных модальных значений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-6-13

FOR CITATION

Valipour A., Khakrah Kahnamouei T. Discourse Analysis of Pause as a Means to Express Subjective and Objective Modal Meanings. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-6-13

УДК 811.1/.9

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-14-23

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЕ ВОСПРИЯТИЕ, МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СБОИ В ПРОЦЕССЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СУЖДЕНИЙ О ЦЕЛИ (В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ У. Л. ЧЕЙФА)

Воронина Л. В.

Московский университет Министерства внутренних дел РФ имени В. Я. Кикотя,
Рязанский филиал
390043, Рязанская обл., г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На примере текстовых единиц с семантикой цели, функционирующих в жанре интервью политического дискурса, выявить специфику процесса вербализации суждений от их порождения до момента экспликации, установить индикаторы мыслительного мониторинга, определить факторы, обуславливающие появление коммуникативных сбоев в процессе манифестации цели.

Процедуры и методы. Материалом исследования послужил естественный (реальный) устный дискурс. Методом сплошной выборки с целью проведения лингвистического наблюдения и последующего конверсационного анализа в жанре политического интервью был выделен корпус вопросно-ответных пар порядка 2500 единиц. Для выявления специфики категоризации реципиентами перцептивного образа события был проведён лингвистический эксперимент. Основные выводы по исследованию сделаны на основе интроспекции как основного источника суждений о когнитивных и языковых явлениях.

Результаты. Выявлена специфика вербализации как комплекса процессов, осуществляемых на докоммуникативном этапе – формирование невербальной информации в сознании говорящего, коммуникативном – экспликация суждения – и посткоммуникативном, предполагающем оценку вербализованного суждения с точки зрения его соответствия репрезентации события / ситуации. Установлены индикаторы мыслительного мониторинга – коммуникативные сбои, свидетельствующие не только о выявленной нерелевантности реализованного суждения невербальной информации, но и о намерении говорящего обеспечить эффективность интеракции, выполнив условие искренности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Было предложено более широкое толкование понятия *вербализация*, предполагающее ряд операций на до- и посткоммуникативном этапах интеракции. Определён характер коммуникативных сбоев в процессе вербализации суждений о цели в жанре политического интервью. Определена и описана структура мыслительного мониторинга, осуществляемого говорящим с целью реализации коммуникативного намерения в рамках эффективной интеракции.

Ключевые слова: вербализация, интерпретация, коммуникативные сбои, мыслительный мониторинг, порождение, репрезентация, референт, семантика цели, текстовые единицы, экспликация

INTERPRETIVE PERCEPTION, COGNITIVE MONITORING, AND COMMUNICATION FAILURES IN THE VERBALIZATION OF PURPOSE JUDGMENTS (IN THE LIGHT OF W. L. CHAFE'S LINGUISTIC VIEWS)

L. Voronina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikotya
The Ryazan Branch
ul. Krasnaya 18, Ryazan 390043, Ryazan Region, Russian Federation

Abstract

Aim. On the example of text units with the semantics of purpose, functioning in the genre of political discourse interviews, we identify the specifics of verbalization of judgments from their generation to the moment of explication, establish indicators of mental monitoring, and determine the factors that cause communication failures in the process of manifestation of the purpose entities in a text.

Methodology. The study relies on the materials of ordinary discourse. Using the continuous sampling method for linguistic observation and subsequent conversational analysis in the genre of political interviews, a corpus of question–answer pairs of about 2500 units is identified. The specifics of categorization of the perceptual image of the event by the recipients is analyzed in a linguistic experiment. The main conclusions of the study are made on the basis of introspection as the main source of judgments about cognitive and linguistic phenomena.

Results. The specifics of verbalization is identified as a complex of processes at the pre-communicative stage (the formation of non-verbal information in the mind of the speaker), the communicative stage (the explication of the judgment), and the post-communicative stage (the evaluation of the verbalized judgment from the point of view of its correspondence to the representation of the event / situation.) Indicators of mental monitoring are established, i.e. communication failures, indicating not only the revealed irrelevance of the realized judgment of non-verbal information, but also the speaker's intention to ensure the effectiveness of interaction by fulfilling the sincerity condition.

Research implications. A broader interpretation of the term *verbalization* is proposed as a complex of processes, including a number of operations at the pre- and post-communicative stages of interaction. The nature of communicative failures in verbalization of purpose judgments in the genre of political discourse is determined. The structure of mental monitoring carried out by the speaker in order to realize the communicative intention within the framework of effective interaction is considered and described.

Keywords: explication, communication failures, generation, interpretation, mental monitoring, purpose semantics, referent, representation, text entities, verbalization

Введение

По словам У. Л. Чейфа, язык начинается «с мыслей в сознании говорящего и заканчивается их несовершенным отголоском в сознании слушающего» [11, с. 63], так что предполагаемые к анализу в данной научной работе этапы перехода невербальной информации в словесную форму – порождение и экспликация суждения – следует считать основными, но отнюдь не единственными условиями полноценного обмена мыслями между спикером (адресантом, говорящим, коммуникатором) и реципиентом (адресатом, слушающим) в процессе конкретной интеракции.

Проблемы порождения и экспликации высказывания в рамках естественного дискурса интересовали и интересуют исследователей разных лингвистических школ и направлений. В работах Н. Хомского анализу подвергались вопросы эквивалентности мышления и языка [9]; процесс перехода мыслей в слова исследовал У. Л. Чейф

[14; 15; 16]; обратную связь языка и мышления, феномен «мышления для говорения» детально исследовал Д. И. Слобин [17]; в работах Т. Винограда [3] рассматривался ряд допущений относительно процессуального понимания семантики.

Опираясь одними и теми же терминами, лингвисты зачастую подразумевали под ними разные явления. Так, понятие *фокуса*, по У. Чейфу, – сконцентрированность сознания на каком-либо фрагменте действительности [5], в то время как в работах М. Хэллидея и Дж. Лакоффа фокус как «традиционное понятие грамматики» выступает «частью смысла фразы» [6, с. 309]. Возможна обратная ситуация, когда для называния одних и тех же языковых феноменов прибегают к различным терминам. Например, Ф. Боас в своё время близко подошёл к определению понятия *категоризация*, которое впоследствии получило своё настоящее наименование в научных работах У. Л. Чейфа для квалификации

конкретных «вещей» как частных случаев более общих категорий [13, с. 83], в то время как в лингвистической концепции Э. Сепира для обозначения данного явления используется термин «концепт» [17].

Безусловно, всё, что связано или опосредовано процессами порождения и экспликации – восприятие, понимание, интерпретация – привлекало и привлекает внимание исследователей языка. В этой связи интересны взгляды на проблемы релевантности восприятия высказывания реципиентом с точки зрения его (высказывания) смыслового наполнения и иллюкативной силы, поднимаемые в работах П. Ф. Стросона [8], изучение стратегий понимания Т. А. Ван Дэйка [1]; небезынтересны лингвистические взгляды на вопросы интерпретации В. З. Демьянкова [4], определение специфики речевого взаимодействия в рамках диалогов вопросно-ответного типа У. Леннерта [7]. В данном исследовании нас прежде всего будут интересовать основные положения лингвистической концепции У. Л. Чейфа относительно вопросов вербализации.

На примере текстовых единиц с семантикой цели, опираясь на ключевые положения лингвистических концепций названных выше исследователей, сделаем попытку анализа основных этапов перехода мыслей в слова, а именно: выбор и структурирование содержания суждения, установление логических лево- и правосторонних связей в рамках дискурса (ориентация), его «упаковка» в соответствии с прагматическим контекстом реализации и грамматическими возможностями языка. Вслед за У. Л. Чейфом принимая интроспекцию как ключевой метод лингвистических наблюдений в плане понимания языка и мышления [13, с. 81], полагаем, что жанр политического интервью предоставит нам возможность максимально приблизиться к процессу вербализации, наблюдать его стадии, обнаружить актуализированные фрагменты, высвеченные фокусом сознания, выявить специфику и факторы, обуславливающие их актуализацию.

Вербализация как процесс: операционный аспект

Ключевым в данной научной работе выступает термин *вербализация*, традиционное понимание которого как «завершающей фазы порождения речевого высказывания»¹ – заключительного этапа процесса «перевода» содержания мысли в слова (экспликации, проговаривания в устной форме дискурса), – по нашему мнению, следует считать узким. Вербализация – феномен, имеющий отношение не только к материальной стороне речи, но и к ряду операций, протекающих в сознании индивида до того, как известная исключительно ему информация будет озвучена, и после того, как речевой акт завершится.

В своих работах У. Чейф представляет вербализацию как комплекс процессов, связанных, во-первых, с содержанием, во-вторых, с «упаковкой» и, в-третьих, с синтаксическими структурами естественного языка. Их разграничение, по его мнению, «отражает реальные различия между процессами, происходящими во время вербализации» [12, с. 38], в числе которых, к примеру, *расчленение эпизода* (выделение фрагмента для экспликации), *пропозиционализация* и *категоризация*. Наше понимание вербализации основывается на стадийности данного процесса и предполагает выделение этапов, обусловленных характером составляющих их операций и их локализацией:

1) актуализация сектора мысли, предполагаемого к экспликации, – уровень сознания – докоммуникативный этап;

2) озвучивание, или вербализация в узком смысле, – собственно реализация, выход в речь – этап коммуникации.

Полагаем, есть смысл выделить третий этап – рефлексию – оценку результата перехода невербальной информации в словесную форму, которую осуществляет говорящий в нескольких ракурсах: с точки зрения соответствия, с одной стороны,

¹ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий // Грамота.ру: [сайт]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=вербализация&all=x> (дата обращения: 13.06.2022).

предметного содержания высказывания ситуации / событию, репрезентованному в его сознании (объективный фактор), и реального коммуникативного результата предполагаемому, к которому стремился спикер в своей экспликации (субъективный), – с другой. Выявленные несоответствия обусловят специфику дальнейшего речевого поведения коммуникатора и, как следствие, развёртывание интеракции в направлении уточнения исходной информации, её пояснения, отрицания и др.

Таким образом, в то время как У. Чейф в большей степени сконцентрирован на исследовании вербализации как комплекса процессов, протекающих в связи с содержанием, оформлением и материализацией суждений, и операционной стороне исследуемого феномена, мы акцентируем внимание на стадийности данного процесса – этапах перехода невербальной информации в слова, от сознания к действительности, – и, прибегая к предожженной У. Л. Чейфом терминологии, рассматриваем номинированные им операции в рамках выделенных этапов и следуем, тем самым, не в разрез, а параллельно с ним, исследуя вербализацию под иным углом зрения.

Такой подход позволяет нам выделить ряд операций, осуществляемых на первом, докоммуникативном этапе:

- репрезентация события / ситуации в сознании;
- выбор контента для экспликации («фокус сознания»);
- его категоризация;
- структурирование суждения.

Второй, коммуникативный, этап (вербализация в узком понимании) предполагает «упаковку» суждения в известные формы конкретного языка и экспликацию.

Наконец, на третьем, посткоммуникативном этапе, коммуникатор осуществляет своеобразный мониторинг того, что он произнёс, соотнося исходную невербальную информацию и собственные коммуникативные намерения с результатом озвучивания, и намечает впоследствии пути коррекции, если несоответствия для него очевидны.

На примере текстовых единиц с семантической целью, функционирующих в жанре вопросно-ответного политического диалога, рассмотрим указанные выше этапы вербализации и составляющие их операции.

Мыслительный мониторинг в процессе вербализации: коммуникативные сбои

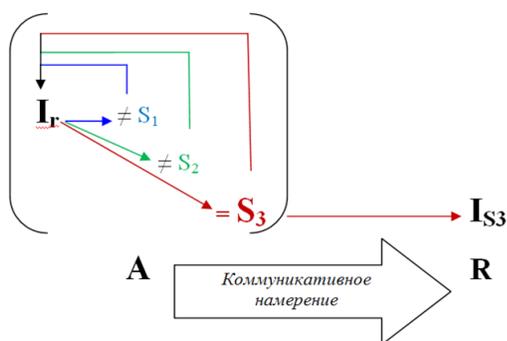
Язык и мысль, по мнению У. Чейфа, понятия взаимосвязанные и соотносимые, но отнюдь не эквивалентные. Исследуя степень их конгруэнтности, он справедливо отмечает, что мысли намного шире языка и не ограничиваются им: «Если бы мысли были идентичны языку, их вербализация была бы куда более простой и прямолинейной задачей, чем это есть на самом деле» [11, с. 64]. Действительно, в процессе коммуникации говорящий постоянно сопоставляет невербальную информацию (I_r) – результат интерпретации события / ситуации в его сознании – с тем, что он озвучил, т. е. материализовал (S).

Индикаторами процесса развития мысли, протекающего в сознании спикера, выступают коммуникативные сбои – речевые колебания, фальстарты, переформулировки [11, с. 64], допускаемые им в процессе экспликации высказывания. Полагаясь на интроспекцию, предположим, что в ходе такого мониторинга говорящий считает необходимым уточнить, конкретизировать (пример 1), пояснить (пример 2) начальное высказывание (S_1), если последующий ход мысли не соответствует I_r : 1) *Президент Байден не приглашал меня в гости. Я пока тоже не сделал такого приглашения. Мне кажется, что для таких поездок (S_1), для таких встреч (S_2), для таких визитов (S_3) должны созреть условия¹; 2) *Когда люди встречаются для переговоров (S_1), чтобы наладить отношения (S_2), так никогда не делается, иначе не нужно встречаться¹. Возможен иной ракурс коррекции, когда**

¹ Пресс-конференция В. В. Путина по итогам российско-американских переговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 13.06.2022).

оптимальной говорящему представляется более размытая «упаковка» суждения: 3) **Не надо быть никаким юристом, не надо иметь специального образования, чтобы понять, что это ничего общего не имеет с Минскими соглашениями**¹.

Циклов поиска приемлемого варианта S может быть несколько – отсюда $S_1, S_2 \dots$. Цикличность обусловлена тем, что, сопоставляя I_r и S, адресант (A) постоянно возвращается к исходной информации (I_r) и оценивает степень конгруэнтности контента собственной речи и невербализованной информации, учитывая в том числе и результативность реализации собственных коммуникативных намерений в соответствии с прагматическим аспектом интеракции. Устанавливая несоответствия, он отрицает реализованные $S_1, S_2 \dots$ и предлагает новую словесную версию $I_r - S_3$. Именно она предполагается им к интерпретации (I_{s3}) реципиентом (R), что схематично отражено на рисунке 1.

Рис. 1 / Fig. 1. Цикличность в поиске приемлемой вербальной версии репрезентации / Cyclicity in the search for an acceptable verbal version of the representation

Источник: составлено автором.

Применительно к текстовым единицам с целевой семантикой пояснений требуют коммуникативные сбои при экспликации компонентов семантической структуры цели, эскиз которой может быть представ-

лен в трёх компонентах: субъекте семантическом, предпринимающем ряд целенаправленных действий для достижения желаемого результата.

Семантическая структура цели допускает «сбои» при экспликации любого её компонента: собственно целевого (примеры 1, 2), компонента «ресурсы» (пример 3) и комплекса семантического субъекта: 4) **Но обращаю Ваше внимание на то, что мы предприняли, Правительство предприняло целый набор мер, для того чтобы поддержать малых и средних предпринимателей**².

Триггером, запускающим поиск приемлемого варианта, выступает не только осознание несоответствия в содержательной стороне высказывания S репрезентации I_r . Очевидно действие ряда иных факторов – прагматического порядка.

Имеет значение обнаружение говорящим расхождения между предполагаемым «эффектом» от экспликации суждения и его реальной результативностью, т. е. достижимость коммуникативного намерения.

«Упаковка» – так называет У. Чейф конкретные языковые средства для выражения того или иного смысла – имеет прямое отношение к выявлению прагматических факторов синтаксического оформления высказывания. «Упаковка» – особый «способ передачи сообщения» [10, с. 277], цель которого – «чтобы адресат мог легко усвоить», [12, с. 38], приспособить «то, что он говорит, к тому, о чём слушающий думает» [10, с. 276]. По мнению У. Чейфа, выбор «упаковки» детерминирован целевой установкой интеракции в целом и конкретным коммуникативным намерением говорящего в частности, а также его эмоциональным состоянием в момент диалога, спецификой самой ситуации, особенностями реципиента и др.

Так, в примере 1 невербальная информация представлена ситуацией, когда один из двух субъектов становится инициатором встречи. В ходе диалога в сознании

¹ Пресс-конференция В. В. Путина по итогам российско-американских переговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 13.06.2022).

² Прямая линия с В. В. Путиным [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 13.06.2022).

говорящего она репрезентована в идеях разной степени смысловой точности – от более широкого, связанного только с передвижением (*поездка*), до конкретного (*встреча*) и максимально приемлемого в ситуации общения с официальным лицом в официальной обстановке (*визит*). В примере 2 в сознании говорящего репрезентована ситуация обсуждения с целью нахождения компромисса. Тем не менее, её обозначение через лексему *переговоры* представляется ему недостаточно точной, он останавливается не на ключевом понятии (*переговоры*), а на их конечном, желательном для него результате – *налаживании добрых отношений*. Полагаем, что при изменении обстановки – ситуации, предмета, субъектов коммуникации – изменится и «упаковка».

В структурном отношении такие суждения не следует считать сложными: между S_1 , S_2 ... не устанавливаются смысловые отношения (если не считать наличие последующего S показателем отрицания истинности предыдущего). Скорее наоборот – каждый из S находится в непосредственной логической связи с I_p , но между собой они не связаны: 5) ... *Для того, чтобы добиться максимального результата для наших людей, для наших граждан, для развития экономики, мы организовали работу в рамках так называемых национальных проектов*¹ – в то время как синтаксические конструкции с перечислением представляют собой сложные конъюнктивные суждения, которые следует отличать от исследуемых структур: 6) *Исследования проводятся регулярно, наши специалисты уже понимают, что и как нужно делать для того, чтобы болезнь протекала как можно мягче, без серьёзных последствий*². Критерий разграничения, кроме смыслового, просодический – интонация: её повышение на конечном S .

¹ Прямая линия с В. В. Путиным [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973>.

² Интервью В. В. Путина телеканалу «Россия». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63951> (дата обращения: 13.06.2022).

Интерпретирующее восприятие и проблема истинности высказывания

Исследуемый до настоящего момента источник мыслительного мониторинга связан с допущением того, что в отношении адресанта известное условие успешности речевого акта – искренность³, которая «требует прямой связи между содержанием мысли и содержанием высказывания» [3, с. 14] – актуально, т. е. говорящий действительно заинтересован в зеркальном отображении присутствующей в его сознании невербальной информации в словесной форме. Однако данное заключение не снимает вопрос о релевантности самой репрезентации событию / ситуации в действительности.

В ряде работ лингвистическим сообществом обсуждался вопрос об интерпретирующем характере восприятия реципиента получаемой вербальной информации, однако У. Л. Чейф полагает, что восприятие является интерпретирующим вне зависимости от того, какой объект подлежит интерпретации [12, с. 36]: высказывание (уровень реципиента) или действительность (уровень коммуникатора). И если речевые сбои служат показателями не только развития мысли и мониторинга на предмет их соответствия словесной форме, но и намерения говорящего установить максимально точные соответствия и вывести суждение, эквивалентное невербальной информации, то во втором случае таких индикаторов нет и установить степень истинности высказывания с точки зрения его соответствия референту не представляется возможным. Более того, говорящий может не желать точности или, наоборот, эксплицировать намеренно искажённую версию референта (намеренно ложная категоризация).

Таким образом, если несоответствие между содержанием невербальной информации и смыслом высказывания при наличии коммуникативных сбоев носит произвольный характер и может слу-

³ Кобозева И. М. Лексическая семантика: учебное пособие. М.: УРСС, 2000. С. 264.

жить индикатором истинности высказывания, несоответствие между референтом и его репрезентацией в сознании индивида обусловлено интерпретирующим характером восприятия говорящего или факторами прагматического порядка – коммуникативными намерениями говорящего. Это возможно на этапе категоризации, в основе которой интерпретация того или иного события / процесса как «проявления какой-либо категории» [12, с. 48].

Нами был проведён эксперимент. Смоделировав ситуацию исключения ошибочно ложного входного суждения, мы предъявили аудитории видеофрагмент, в котором некие военнослужащие вели боевые действия. Временная отнесённость эпизода была обозначена неотчётливо, но угадывался современный разрез. Для интерпретации увиденного был предложен только один вопрос: *Что вы увидели на экране?*, – ответ на который должен был быть сформулирован одним словом / словосочетанием. Эксперимент основывался на положении Б. А. Гудмана об ошибочной идентификации референта слушающим по причине недостаточно точного, неоднозначного, неполного или перегруженного подробностями входного суждения [2, с. 210].

Версии были разные, но большинство интерпретаторов обозначили увиденное обозначили словом *война*, *боевые действия*. Однако на вопрос, что делают вооружённые люди, были получены ответы от более обобщённых – *воюют*, *ведут боевые действия*, – до более конкретных – *наступают*, *бегут*, *стреляют* и др. Важно, что увиденное было правильно интерпретировано и отождествлено с концептом *война*. Далее тот же самый видеофрагмент был ориентирован на события в Украине (флаг, населённый пункт): ответы были те же, но добавилось словосочетание *военная операция*.

Эксперимент довольно отчётливо показал, что истинность интерпретации – величина относительная, зависящая от того, кто осуществляет интерпретацию.

При этом недостаточная эрудиция интерпретатора, невладение им определёнными терминами, возможно, специальными, могут стать источником ложного суждения. Вероятна и иная ситуация, когда, прекрасн осозная происходящее, интерпретатор категоризирует его в нерелевантных действительности терминах, производя безусловно произвольный выбор, намеренно ложный.

Максимально наглядно процесс несопадения мнений – категоризации референта – протекает в рамках вопросно-ответного диалога, когда предложенный одним из коммуникантов вариант интерпретации события представляется второму неприемлемым:

7) Р. Билялов: *Сейчас мошенники предлагают поддельные справки о вакцинации либо справки о противопоказаниях к прививке. Как собираетесь бороться с такими мошенниками?*

В. В. Путин: *Есть статьи Уголовного кодекса за мошенничество. Надо просто, чтобы правоохранительные органы эффективнее работали¹.*

Обозначенная ситуация и возможный выход из неё первым коммуникантом видится в семантической плоскости «активно действовать против кого-то или чего-то», прилагая для этого определённые усилия. Второму ситуация видится в ином свете – выполнять работу, трудиться, то есть заниматься привычным делом.

Итак, интерпретация – процесс неоднозначный. С одной стороны, говорящий, вербализуя собственные суждения, опирается исключительно на собственную перцепцию, с другой – реципиент, осуществляя декодирование информации коммуниканта, интерпретирует её в силу собственного опыта, индивидуальных особенностей, текущего эмоционального состояния и др.

¹ Прямая линия с В. В. Путиным. 30.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 13.06.2022).

Заключение

Вербализация как процесс, как комплекс процессов не ограничивается собственно переходом невербальной информации в словесную: он (переход) опосредован рядом процессов, в числе которых:

1) протекающие на докоммуникативном уровне – формирование предполагаемого к экспликации контента и оценка ситуации общения, а также определение коммуникативных намерений спикера, которые предшествуют и, в свою очередь, обуславливают выбор «упаковки» сформированного контента;

2) характерные для посткоммуникативной рефлексии – соотнесение озвученной информации с предполагаемой к экспликации на предмет соответствия содержания, уместности, произведённого на реципиента эффекта и др.

Исследуемые речевые сбои – вербализованные понятия (идеи) – представляют собой фрагменты полноценного вербализованного суждения о цели, ресурсах или семантическом субъекте как несоответствующие истине о них. Они яв-

ляются действительными показателями мыслительного мониторинга – процесса, осуществляемого в сознании спикера, вызванного его желанием подобрать эквивалентную «упаковку» невербальной информации, предполагаемой им к экспликации.

Оценивая степень соответствия «упаковки» содержанию, адресант сопоставляет категории разного порядка – невербальную информацию сознания и собственные коммуникативные намерения относительно её (досемантического уровня) и способы её (информации) материализации (семантико-синтаксический уровень) в дискурсе («упаковка»).

Осуществляя выбор, спикер соотносит вербализованную информацию с репрезентацией до тех пор, пока не будет найден приемлемый, по его мнению, вариант. Очевидно, что выбор носит произвольный характер, равно как и то, что он осуществляется с учётом как языковых факторов – нюансов семантики, – так и прагматических – в рамках ситуации коммуникации.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 123–170.
2. Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи / пер. Н. В. Селивановой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 209–258.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. М. А. Дмитриевской, С. Н. Сухомлиновой, С. А. Ромашко, С. Ю. Медведевой. Г. Е. Крейдлина, В. С. Оптовой, О. А. Гулыги. Благовещенск: БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Московский университет, 1989. 172 с.
5. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
6. Лакофф Дж. О порождающей семантике / пер. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 302–349.
7. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога / пер. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 258–280.
8. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / под ред. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 130–150.
9. Хомский Н. Язык и мышление / пер. Б. Ю. Городецкого. М.: Московский государственный университет, 1972. 123 с.
10. Чейф У. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топики и точка зрения / пер. Н. И. Лауфера // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 276–315.
11. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении / пер. Е. А. Лукьянченко, О. В. Федоровой, А. А. Кибрика // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60–88.

12. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта / пер. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.
13. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления / пер. Е. В. Прозаровой // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 78–88.
14. Chafe W. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 392 p.
15. Chafe W. *From Thoughts to Sounds*. Routledge Handbook of Discourse Analysis. London: New York: Routledge, 2012. 712 p.
16. Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace, 1921. 125 p.
17. Slobin D. I. From “Thought and Language” to “Thinking for Speaking” // *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 70–96.

REFERENCES

1. Van Dijk T. A. *Language. Knowledge. Communication* (Rus. ed.: Dmitrovskaya M. A., Sukhomlinova S. N., Romashko S. A., Medvedeva S. Yu., Kreidlin G. E., Optova V. S., Gulyga O. A., transl. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Blagoveshchensk, BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene Publ., 2000. 308 p.).
2. Vinograd T. [Toward a Procedural Understanding of Semantics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. XII: Applied Linguistics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 123–170.
3. Goodman B. A. Reference and Reference Failures (Rus. ed.: Selivanova N. V., transl. *Identifikatsiya referenta i svyazannye s nei kommunikativnye neodachi*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIV: Kompyuternaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. XXIV: Computational Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 209–258).
4. Demyankov V. Z. *Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modelirovaniya na EVM* [Interpretation, Understanding and Linguistic Aspects of Their Computer Modeling]. Moscow, Moscow University Publ., 1989. 172 p.
5. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dis. ... d-ra filol. nauk* [Discourse Analysis in a Cognitive Perspective: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 90 p.
6. Lakoff G. *Generative Semantics* (Rus. ed.: Rozana R. I., transl. *O porozhdayushchei semantike*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. X: Lingvisticheskaya semantika* [New in Foreign Linguistics. Iss. X: Linguistic Semantics]. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 302–349).
7. Lenert W. Problems of a Question–Answer Dialogue (Rus. ed.: Rozina R. I., transl. *Problemy voprosno-otvetnogo dialoga*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. XXIII: Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 258–280).
8. Strawson P. F. *Intention and Convention in Speech Acts* (Rus. ed.: Gorodetsky B. Yu., ed. *Namerenie i konventsiya v rechevykh aktakh*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII: Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Iss. XVII: The Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 130–150).
9. Chomsky N. *Language and Thought* (Rus. ed.: Gorodetsky B. Yu., transl. *Yazyk i myshlenie*. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 123 p.).
10. Chafe W. *Data, Contrast, Certainty, Subject, Topics and Point of View* (Rus. ed.: Laufer N. I., transl. *Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XI: Sovremennyye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics. Iss. XI: Modern Syntactic Theories in American Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 276–315).
11. Chafe W. *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds* (Rus. ed.: Luk'yanchenko E. A., Fedorova O. V., Kibrik A. A., transl. *Na puti k lingvistike, osnovannoi na myshlenii*. In: *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2015, pp. 60–88).
12. Chafe W. *The Recall and Verbalization of Past Experience* (Rus. ed.: Gorodetsky B. Yu., transl. *Pamyat' i verbalizatsiya proshlogo opyta*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. XII: Applied Linguistics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 35–73).
13. Chafe W. *The Role of Introspection, Observation and Experiment in understanding Thinking* (Rus. ed.: Prozanova E. V., transl. *Rol' introspektii, nablyudeniya i eksperimenta v ponimanii myshlenii*. In: *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2008, no. 4, pp. 78–88).

14. Chafe W. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago, The University of Chicago Press, 1994. 392 p.
15. Chafe W. *From Thoughts to Sounds*. *Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London, New York: Routledge, 2012. 712 p.
16. Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York, Harcourt, Brace, 1921. 125 p.
17. Slobin D. I. From "Thought and Language" to "Thinking for Speaking". In: *Rethinking Linguistic Relativity*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 70–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Любовь Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: lv-voronina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov V. Voronina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikotya;
e-mail: lv-voronina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронина Л. В. Интерпретирующее восприятие, мыслительный мониторинг и коммуникативные сбои в процессе вербализации суждений о цели (в свете лингвистических взглядов У. Л. Чейфа) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 14–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-14-23

FOR CITATION

Voronina L. V. Interpretive Perception, Cognitive Monitoring, and Communication Failures in the Verbalization of Purpose Judgments (In the Light of W. L. Chafe 's Linguistic Views). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 14–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-14-23

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-24-36

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Диева Т. М.¹, Кумбашева Ю. А.¹, Селезнева Е. П.²

¹Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
190005, г. Санкт-Петербург, ул. 2-ая Красноармейская, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить и проанализировать некоторые наиболее очевидные тенденции развития современного русского языка на различных языковых уровнях.

Процедура и методы. Для исследования выбраны методы эмпирического наблюдения (преимущественно над текстами интернет-коммуникации и разговорным языком), метод описания и аналитический метод.

Результаты. Результатами исследования стали выводы о наиболее очевидных изменениях в языке последних лет на фонетическом уровне (редукция согласных, стяжение гласных, унификация произносительных норм), уровне морфологии (развитие аналитизма, унификация парадигм, изменение и даже намеренное искажение норм управления и употребления предлогов, усиление модальности), на уровне лексики и фразеологии (обилие заимствованных слов, появление и быстрая сменяемость «модных» слов года, ассимиляция заимствований; намеренное (с ироническими целями) и ненамеренное искажение фразеологизмов). Кроме того, можно отметить и ряд тенденций, охватывающих все языковые уровни, и важнейшая из них – обилие ошибок, как языковых, так и логических, а также смешение различных стилевых элементов, тяготение к канцеляриту и клише.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты данного исследования могут быть использованы в курсе русского языка и культуры речи для российских студентов гуманитарных вузов не только в его теоретической части (указание на основные тенденции развития современного русского языка), но и в практической (корректировка многочисленных ошибок учащихся на разных языковых уровнях).

Ключевые слова: динамика, интернет-коммуникация, ошибка, разговорная речь, тенденция, языковой уровень

SOME TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE PRESENT STAGE

T. Dieva¹, J. Kumbasheva¹, E. Selezneva²

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
per. Grazhdansky 28, St-Petersburg 195220, Russian Federation

²Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
ul. Vtoraya Красноармейская 4, St. Petersburg 190005, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this study is to identify and analyze some of the most obvious trends in the development of the modern Russian language at various language levels.

Methodology. Use is made of the methods of empirical observation (mainly over texts of Internet communication and spoken language), the method of description, and the analytical method.

© СС ВУ Диева Т. М., Кумбашева Ю. А., Селезнева Е. П., 2022.

Results. The results of the study make it possible to reveal the most obvious changes in the language of recent years at the level of phonetics (reduction of consonants, contraction of vowels, and unification of pronunciation norms), the level of morphology (development of analyticism, unification of paradigms, change and even deliberate distortion of the norms of control and use of prepositions, and strengthening of modality), and at the level of vocabulary and phraseology [abundance of borrowed words, emergence and rapid change of “fashionable” words of the year, assimilation of borrowings, and intentional (with ironic purposes) and unintentional distortion of phraseological units]. In addition, a number of trends can be noted that cover all language levels, and the most important of them is the abundance of errors, both linguistic and logical, as well as the mixing of various stylistic elements, and gravitation towards stationery and clichés.

Research implications. The results of this study can be used in the course of the Russian language and culture of speech for Russian students of liberal arts universities, not only in its theoretical part (indicating the main trends in the development of the modern Russian language), but also in its practical part (correcting numerous mistakes of students at different language levels).

Keywords: dynamics, Internet communication, error, colloquial speech, trend, language level

Введение

Тенденции изменения языка на конкретном этапе его развития всегда были в центре внимания лингвистов, т. к. на его облик и сознание его носителя время накладывает свой отпечаток. В настоящее время наиболее активно развивающимися сферами языка являются разговорная речь (в частности, речь молодёжи) и сфера интернет-коммуникации. Многими исследователями отмечается, что «сегодня для понимания тенденций развития русского литературного языка исследователи всё чаще обращаются к интернет-коммуникации, поскольку именно в ней наблюдаются наиболее выраженные процессы обновления языка» [4, с. 368]. К исследованию этой сферы обращались в последние годы и российские (С. Ф. Барышева [2], В. А. Ефремов [3], Н. И. Клушина [6]), и зарубежные (Ч. Бейл [13], Р. Кэмпбелл, Ч. Мартин, Б. Фабос [14], Р. Э. Хэнсон [15]) исследователи. Интернет-коммуникация рассматривается многими из них как особый тип дискурса – устно-письменный [11, с. 454–468], и именно благодаря этому на материале текстов интернет-коммуникации становится возможным наблюдать за тенденциями трансформации и развития языка в его живой форме: созданием новых языковых конструкций, динамическим обновлением в интерпретации и использовании традиционных форм, при-

ёмами языкового выражения, в основе которых – изменения в жизни общества [11, с. 454–468]. Изменения также происходят и в разговорной речи, преимущественно в речи молодёжи, молодёжном социолекте. Именно две эти сферы и стали объектом нашего исследования в данной работе.

Несомненно, изменения в языке происходят на всех языковых уровнях, но наиболее подвержены изменениям всё-таки лексика и фразеология, а также грамматика. Причём изменения происходят так быстро, что определённый хронологический срез можно фиксировать не по десятилетиям, но буквально по годам.

Фонетический уровень

Изменения, происходящие на уровне фонетики русского языка в последние годы, не так заметны, как изменения, например, в лексике, и менее описаны в научной литературе, что свидетельствует в том числе о сложности работы для исследователей по части фиксации, систематизации и анализа полученных данных.

Новые явления и тенденции в фонетике современного русского языка, как и таковые на других уровнях его системы, определяются культурно-речевой ситуацией российского общества последних трёх десятилетий. Активное развитие международных контактов, демократизация обще-

ственной жизни, динамичное освоение интернет-пространства русскоговорящим населением, изменение социальных приоритетов находят отражение на фонетическом уровне функционирования системы современного русского языка. Какую речь слышит современный человек? Каковы её характеристики? Какая речь является – осознанно или неосознанно – примером для подражания? Если в советский период образцом правильной речи была речь дикторов центрального телевидения, профессиональных журналистов, транслирующих языковые нормы, в том числе орфоэпические, с освоением интернет-пространства, расширением коммуникации в социальных сетях, влияние профессионалов размывается. Звучащая речь – это речь блогеров, тиктокеров, стримеров, пользователей, владеющих навыками создания контента, но зачастую не знакомых с орфоэпическими нормами современного русского языка или пренебрегающих ими. «Потребителями» и «производителями» звучащей речи по понятным причинам является прежде всего молодёжь, поэтому именно речь молодёжи подвержена изменениям.

Исследователи отмечают, что освоение интернета обусловило интенсификацию современных процессов в русском языке, в том числе на уровне фонетики. Накопившиеся факты и новые явления лингвистической ситуации интернет-пространства требуют научного осмысления [12]. Активных пользователей интернета зачастую упрекают в небрежном отношении к русскому языку, допущении ошибок в речи и отступлении от нормы. Задача лингвистов – объяснить не только широкий спектр причин, но и механизмы происходящих изменений, показать, как меняется норма.

Помимо влияния внешних факторов для определения причин тенденций к изменениям в русском языке необходимо учитывать и действие внутренних законов развития языка: закона речевой экономии, которым объясняется, например, усиление редукции гласных в безударных позициях,

закона аналогии, преодоления асимметричности языкового знака и др.¹

На фонетическом уровне русского языка наблюдаются следующие тенденции:

- сильная редукция гласных вплоть до выпадения («хоца» вместо «хочется»);
- стяжение безударных гласных в один сегмент («чизэк» вместо «человек»).

Ещё одна устойчивая тенденция – стремление к унификации произносительной нормы, когда уже не действует правило исключений. Например, ударение на окончании во всей парадигме бесприставочных возвратных глаголов прошедшего времени (*гнала́сь, гнало́сь, гнали́сь* вместо *гнала́сь, гнало́сь, гна́лись*). Или постановка ударения в бесприставочных невозвратных глаголах прошедшего времени не только в женском, но и в среднем роде (*бра́ло, зва́ло, спа́ло, гна́ло, жда́ло* вместо *бра́ло, зва́ло, спа́ло, гна́ло, жда́ло*). Унификация произносительной нормы сказывается также в тенденции произносить сочетание ЧН как [ЧН] (*праче[ЧН]ая, моло[ЧН]ный, пустя[ЧН]ый*).

Отмечаются также следующие изменения:

- вытеснение мягкого согласного [ж':] твёрдым согласным [ж:] (*ви[Ж:]ит, дро[Ж:]и, е[Ж:]у* вместо *ви[Ж':]ит, дро[Ж':]и, е[Ж':]у* и др.);
- отверждение согласных перед мягкими согласными (*ра[ЗВ']е* вместо *ра[ЗВ']е, у[ЗД']ечка* вместо *у[ЗД']ечка* и др).

Данные изменения подтверждают уход старомосковского произношения, хотя люди старшего поколения ещё могут его придерживаться (например, произносят «ви[Ж'Ж']ять», «дребе[Ж'Ж']ять»).

Отдельного рассмотрения заслуживают особенности фонетической адаптации иноязычных слов в современном русском языке. В связи с интенсификацией процесса заимствования, объясняемой колоссальными переменами в жизни общества конца XX – начала XXI вв., вопросы, связанные с появлением и освоением иноязычных слов, являются актуальными и

¹ Панов М. В. Русская фонетика: учебник для университетов. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

представляют для учёных значительный интерес [7].

Исследователи отмечают нестабильность произношения заимствованных неологизмов. Это сказывается в существующих одновременно вариантах произношения слов.

Тенденция ориентироваться на звучание заимствуемого слова в языке-источнике может вступать в противоборство с тенденцией подчинять иноязычные слова произносительным нормам русского языка, в связи с чем появляются варианты произношения заимствованных неологизмов (Например, *компью[ТЭ]р* и *компью[Т'Э]р*, *кегель* – *кегель*, *ресепишн* – *ресепшен*, *экишн* – *экишен*, *маркетинг* – *маркэтинг*, *истеблшиш[МЭ]нт* – *истеблшиш[М'Э]нт* и др.). Наличие подобных вариантов свидетельствует о непрерывном развитии русского языка согласно его внутренним законам и под влиянием внешних факторов.

Грамматический уровень

Среди изменений на грамматическом уровне можно выделить несколько тенденций.

В первую очередь хотим обратить внимание на развитие черт аналитизма в русском языке. Ещё в конце 60-х гг. XX в. М. В. Пановым была высказана гипотеза об усилении в русской морфологии тех признаков, которые характерны для языков аналитического строя [10]. Кроме того, лингвисты отмечали в морфологическом строе современного русского языка и «островки», и целые «материки» аналитизма [5, с. 86]. Это прежде всего касается наречий, модальных слов, служебных слов и междометий.

Нарастание аналитической тенденции в XXI в., по мнению ряда лингвистов, связано с кальками с английского языка и с влиянием интернета. Это в первую очередь привело к появлению такой категории слов, как слова-аналиты (*сок фреш*, *игра онлайн*, *тату салон*). Интересно, что подобные лексемы не имеют чётких парадигматических критериев определённой части речи. Их принадлежность к различ-

ным группам определяется контекстом. Так, например, они могут быть именами существительными. При этом они могут склоняться (разработка *дизайна*, работать на *дистанте*, урок в *онлайне*), а могут оставаться несклоняемыми (исполнять *техно*, современные *медиа*). Эти слова могут выполнять функции прилагательных, быть так называемыми аналитическими определителями (*рок-музыкант*, *бизнесланч*, *онлайн-технологии*, *интернет-публикация*). Более того, слова-аналиты могут выступать также в функции наречий (работать *офлайн*, *супер важный*). Учёные отмечают, что нередко в подобных случаях заимствуется не только слово, но также его синтаксические возможности и иногда сочетания слов [9], т. е., заимствовав ряд подобных сочетаний (*пиар-менеджер*, *пиар-компания* и др.), русский язык легко образует конструкции, которые уже не являются обычными кальками: *пиар обзор*, *пиар-разработчик*, *пиар-мастерская* и пр.

Однако одними заимствованиями тенденция стремления к аналитизму в современном русском языке не ограничивается. Элементы аналитизма в последнее время распространяются и на те части речи, которые выражают своё грамматическое значение преимущественно флективными показателями грамматической формы слова, т. е. синтетически.

Особенно заметен новоявленный аналитизм русского языка при склонении топонимов. До сих пор происходят обсуждения того, нужно ли склонять Рыбацкое, Купчино или Домодедово. Согласно классической норме, эти слова следует склонять. Однако это не всегда удобно, и более предпочтительно употреблять слово в начальной форме, т. к. такое употребление позволяет более ясно распознавать топоним в потоке речи.

Несклоняемыми также оказываются первые части сложных наименований, например: генерал-лейтенант (генерал-лейтенанту); генерал-полковник (генерал-полковнику); инженер-экономист (инженер-экономисту), хотя при этом в подобной лексике возможны и склоняе-

мые формы «ижнелеру-строителю» и т. п. Таким же образом нередко не склоняется даже первая часть слова. В первую очередь это свойственно лексике, относящейся к ситуациям повседневно-бытового общения. Например, диван-кровать (вместо дивана-кроватьи или диван-кроватьи), вагон-ресторан (вместо вагона-ресторана или вагон-ресторана).

Ещё одно проявление данной тенденции – отказ от склонения числительных. Фраза «Добавь к моим двумстам двадцати рублям свои восемьдесят» представляется для современного носителя языка очень громоздкой и даже нелепой. Более того, часто вместо употребления составного числительного в именительном или косвенном падеже может использоваться так называемая разбивка числа на цифры и произношение каждой цифры по отдельности. Например, «квартира восемь девять шесть».

Тенденция к аналитизму проявляется и в продолжающемся усилении доминирования форм мужского рода имён существительных, обозначающих названия профессий и относящихся к лицам как мужского, так и женского пола. Эта практика была активна на протяжении всего XX в., и сейчас, в XXI в., появляется множество новых профессий, обозначаемых словами только мужского рода без соответствующих женских корреляций. Например, *веб-дизайнер, копирайтер, блогер* и т. п.

Ещё одна тенденция на уровне морфологии, на которую стоит обратить внимание, – унификация форм и конструкций.

Стремление к унификации, к упрощению и единообразию парадигм – процессы, свойственные не только русскому языку и неоднократно отмеченные крупнейшими лингвистами¹, – проявилось в морфологической системе русского языка за последние десятилетия достаточно отчётливо.

В качестве классического примера унификации грамматических форм можно привести всем хорошо известное современное выражение *поехать в Украину*.

Употребление предлога *в* вместо исконного *на* связано с тем, что предложно-падежное сочетание скорректировалось по принципу аналогии сочетаний предлога *в* с названиями других стран (*поехать в Беларусь, в Казахстан* и т. п.)

Подобное выравнивание форм под действием закона аналогии можно наблюдать и в других случаях. Например, в изменении глагольного и именного управления. Так, управление глагола *поражаться дат. п. (чему? вместо чем?)* возникло по аналогии с другими глаголами (*изумляться чему? удивляться чему?*). Нередко такие изменения оцениваются как ошибочные, недопустимые в литературном языке (например, под влиянием сочетания *вера в победу* возникло ошибочное сочетание *уверенность в победу* вместо *уверенность в победе*)².

Меняется управление и других глаголов. Например, глагол *согласовать* уже не требует обязательного объекта в творительном падеже с предлогом: *согласовать (что) – с кем*. В интернете на новостных каналах пишут теперь просто: *Московские власти согласовали общегражданский митинг*. Видимо, это связано с изменениями значения этого глагола: вместо прежнего значения 'договориться с кем-либо о чём-либо' появилось новое: 'разрешить что-либо'.

Подобные изменения в управлении (а точнее – нарушения управления) также становятся тенденцией. В некоторых случаях это искажение происходит намеренно, возникают новые устойчивые выражения, не вполне правильные, но знаковые для определённого, довольно короткого, периода: *всё равно на...* – «мне всё равно на него»; новая сочетаемость предлога *про*: предлог сочетается теперь не только с глаголом (*думать, говорить про что-то*) или с существительными *текст, письмо, рассказ*, но и с существительными, прежде не предполагавшими такого управления (*что про что*) «бодипозитив – это не про здоровье». У предлога *в* также воз-

¹ Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2005. 443 с.

² Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. С. 19.

никает новая сочетаемость: *уметь во что* (в значении – *уметь делать что-то*) «я умею и в стихи, и в прозу», т. е. «я умею писать и стихи, и прозу».

В других случаях такие изменения происходят не намеренно, но, к сожалению, искажённые формы получают довольно широкое распространение: *смеяться с тебя, приехать с деревни, скучать за тобой*.

По принципу унификации стали разрешены и широко распространились некоторые словосочетания, прежде считавшиеся неграмотными: *в разы* вместо прежнего *во много раз* и *по-любому* вместо *в любом случае*.

Следует также отметить, что значительно увеличилось количество допустимых нормой (во всяком случае, широко употребительных) форм множественного числа существительных, которые прежде считались *singularia tantum*: *пески, юга, риски, техники (от техника), экономики*.

Усиление категории модальности – ещё одна тенденция в современном языке. Модальность представляет собой семантическую категорию, которая выражает, во-первых, отношение говорящего к содержанию его высказывания, и во-вторых, отношение содержания высказывания к действительности. Модальность может иметь различные значения, в том числе утверждения, возможности, приказания, пожелания и др.

В языке модальность выражается значительным количеством грамматических средств. Например, специальными формами наклонений, интонацией или модальными словами (*возможно, надо, следует*). Такие слова в логике называются модальными операторами. Они важны, т. к. с их помощью указывается способ понимания суждений (высказываний).

Конец XX – начало XXI вв. в русском языке ознаменовался лавинообразным ростом антропоцентризма. Человек и его речемыслительная деятельность стали доминировать над языком как знаковой системой, т. е. стало актуальным не только передавать определённую информацию

при помощи языка, но и выражать своё отношение к ней.

Усиление оценочной функции высказывания привело к росту количества модальных слов, которые в большинстве своём относятся к классу частиц. Модальные частицы дополняют высказывание различными модальными смыслами, такими как предположение, возможность, вероятность, сомнение и др. При этом нередко говорящий не имеет веских аргументов для утверждения или отрицания факта, а оперирует только своим собственным мнением, основанным на знании всех условий, имеющих отношение к квалифицируемому событию. Презентация собственной точки зрения в современном русском языке демонстрирует отчасти и социальный статус говорящего, т. к. большая часть этих новоявленных слов относится к разговорному или даже грубо-просторечному стилю.

Так, можно выделить значительное количество разговорных частиц с несколькими модальными значениями:

– неопределённости – *как бы* (Он как бы помог);

– с выделительным значением – *типа* (Это типа студент), *прикинь* (Прикинь, как мне вчера повезло), *вполне себе* (Он вполне себе хорошо устроился);

– с определительным значением – *такой* (А я стою такая вся...), *себе* (Такой себе милый старичок).

Таким образом, едва ли не основной чертой современного русского языка можно назвать перемещение элементов разного рода, в том числе и грамматических, из периферийных сфер в центр языковой системы. Под периферийными понимаются единицы, которые относятся к разговорному языку, жаргону, просторечию, а также профессиональная лексика и, конечно, языковые клише и цитаты.

Упрощение форм и конструкций за счёт аналитизма и уподобления аналогам, яркая экспрессивность и выражение отношения к происходящему – факторы, обуславливающие новый формат грамматики современного русского языка.

Лексический уровень

Не менее интересно проследить и те изменения, которые происходят на уровне лексики и фразеологии. Лексика по сравнению с другими уровнями языка представляет собой наиболее открытую и подвижную систему [4, с. 368].

Изменения на уровне лексики – это, прежде всего, заимствования, которые уже не воспринимаются как инородный элемент в речи молодёжи и в сфере интернета, но считаются чем-то само собой разумеющимся, тем, что должно быть понятно всем без перевода. В молодёжной среде активно используется такая лексика, как *пруф*, *хейтить*, *кринж*, *хайп*, *фейк*, *донат*, *тролль*, *челлендж*, *ивент*, *шеймить*, *спойлер*, *дьюд*, *коливинг*, *коворкинг*, *трабл* и т. п.

В последние годы стало модным выделять так называемые слова года, т. е. те лексемы и устойчивые сочетания, которые становятся популярными и получают широкое распространение в определённый период. Поначалу они выглядят оригинальными, активно используются в речи молодёжи, в текстах современных блогеров в интернете. Но постепенно – в силу частого использования – утрачивают свою оригинальность и становятся уже раздражающим фактором. Среди таких слов, ставших на какое-то время знаковыми, но постепенно перешедших в разряд негативно воспринимаемых, можно указать следующие: *походу* (похоже), *такое себе* (так себе, не очень), *мне что-то зашло / не зашло* (понравилось / не понравилось), *тащем-то* (в общем-то), *почесноку* (по-честному), *печалька / пичалька* (выражение грусти печали, даже по очень серьёзному поводу, чему совершенно не соответствует лёгкость и ироничность выражения), *на созвоне* (на связи), *улыбнуло* (заставило меня улыбнуться), *крайний раз* (последний раз), *няшки / вкусняшки / обнимашки* (ряд лексем, выражающих позитивные эмоции, но слишком «детским», «сюсюкающим» языком). К знаковым словам последнего времени можно отнести и лексемы *атмосферный* и *вкусный* в сочетании с другими словами, не обозначающими по-

году или еду: *вкусный текст*, *атмосферная фотка*.

Большинство из этих лексем носят оценочный характер, призваны выражать эмоции и авторское отношение к тому или иному явлению, но они довольно быстро выходят из моды и уступают место всё новым и новым «фаворитам».

Следует отметить, что и среди этих популярных в молодёжной среде слов и выражений доминируют заимствования, такие как *кэибэк*, *хэшитэг*, *кариеринг*, *кейс*, *бодипозитив*, *баттл*, *коуч*, *лайфхак*, *оверсайз*. Многие из них образованы от англоязычных корней при помощи русских морфем:

– глаголы *спойлерить*, *шерить*, *свайнить*, *стримить*, *троллить*, *чатиться*, *чекиниться*, *юзать*, *гулить*, *донатить*, *чилить*, *рофлить*;

– прилагательные *топовый*, *фейковый*, *хайповый*, *драйвовый*.

Заимствования ассимилируются в русском языке, склоняются и спрягаются по правилам русской морфологии. Объяснить столь широкое распространение заимствований в речи молодёжи и в сфере интернета можно тем, что при переводе этих заимствований на русский язык теряется часть их семантики и эмоциональной окраски. Лишь некоторые из них могут быть переведены однословно (*шерить* – делить(ся), *юзать* – использовать, *фейковый* – ненастоящий, поддельный), а большинство требует не просто перевода, но довольно подробного описания и разъяснения:

– *донатить* – делать взносы / пожертвования на добровольной основе;

– *чатиться* – вести переписку / общаться в чате;

– *спойлерить* – раскрывать интригу фильма или книги заранее;

– *стримить* – вести прямую трансляцию (*стрим*) в интернете.

Таким образом, заимствования, помимо дани модным тенденциям, также обусловлены и стремлением к речевой экономии, а также стремлением молодёжи создать некий кодированный язык, понятный только определённому кругу посвящённых. Именно использование большого количе-

ства заимствований расценивается многими исследователями как отличительная черта молодёжного социолекта [8, с. 277].

Уровень фразеологии

На уровне фразеологии изменения происходят в нескольких направлениях. Прежде всего, традиционная фразеология в некоторой степени отходит на задний план, выходит из употребления, особенно в молодёжной среде.

Многие пословицы и поговорки неверно трактуются или не понимаются в молодёжной среде, в разговоре возникают такие неожиданные варианты:

– *чем дальше в лес, тем больше грибы, чем дальше в лес, тем злее волки* (чем дальше в лес, тем больше дров);

– *язык до добра не доведёт* (язык до Киева доведёт);

– *не зная брода – не имей своду* (не зная броду не суйся в воду);

– *и рад бы в рай, да в ад не берут* (и рад бы в рай, да грехи не пускают);

– *с паршивой овцы спроса нет* (с паршивой овцы – хоть шерсти клок);

– *с кем поведёшься, того и наберёшься / с кем поведёшься, от того и наведёшься* (с кем поведёшься – от того и наберёшься);

– *не одежда красит человека, а человек одежду* (не место красит человека, а человек место);

– *собака лает, да не кусает* (собака лает, а караван идёт).

Исследователями современной фразеологии подчёркивается, что речевые ошибки, допускаемые преимущественно молодыми носителями языка, связаны с забвением, непониманием образов, лежащих в основе идиоматизации [1, с. 18].

И тем не менее, в последнее время получило широкое распространение такое явление, как намеренное искажение / обыгрывание пословиц и устойчивых выражений, придание им нового иронического смысла: «хорошо там, где наших нет», «чем дальше в лес, тем толще партизаны», «не волосы красят женщину, а женщина волосы», «незванный гость хуже спама», «под лежащий

камень всегда успеем», «чем богаты – о том не расскажем», «баба с возу – волки сыты», «что у трезвого на уме, то пьяный уже сделал», «одна голова хорошо, а с мозгами лучше», «назвался груздём – обратись к психиатру», «язык до киллера доведёт», «после свадьбы кулаками не машут», «лучше в руках синица, чем под кроватью утка», «не зная брода – пропусти вперёд товарища», «будешь тише – дольше будешь». Однако не факт, что эти выражения в изменённом виде будут адекватно восприниматься молодыми носителями языка, которые не вполне хорошо понимают значение исходных идиом.

Именно поэтому, очевидно, происходит и ненамеренное искажение пословиц и устойчивых выражений в речи носителей языка, которые стремятся сделать свою речь ярче и насыщеннее, но им не всегда это удаётся. Идиомы трансформируются, искажаются, в результате чего возникает комический эффект, на который говорящие / пишущие вовсе не рассчитывали. Приведём ряд примеров: «кануть в лето», «до белого колена», «обед молчания», «на чеку», «плот воображения».

Обилие языковых и логических ошибок как тенденция

Вообще обилие ошибок – на всех языковых уровнях – можно выделить в отдельную тенденцию, наиболее активную в современном языке. Достаточно обратиться к блогам, комментариям в интернете (речь сейчас идёт не о профессиональных журналистах, хотя и в их материалах можно найти ошибки, но о простых пользователях интернета), и там обнаруживается огромное количество ошибок. Редкий пост или комментарий обходится без смешения паронимов, тавтологий, нарушения логики. Вот лишь несколько примеров из комментариев в интернете или из телепередач:

– «изнывающая жара»: смешение созвучных выражений «изнывать от жары» и «изматывающая жара»;

– «мясо говядины»: ошибка на уровне логики, так как говядина – это уже сорт мяса, но не животное;

– «мы очень рады, что вы выбрали наш отель в качестве своего отдыха»: речевая недостаточность – отель можно выбрать в качестве *места* отдыха;

– «при выборе кухонного гарнитура выбирайте надёжную столешницу»: тавтология;

– «актриса жената и имеет двоих детей». Последний пример может быть объяснён только как неудачный перевод с языка, в котором нет разницы между глаголами «жениться» и «выходить замуж», лексемами «замужем» и «женат».

Огромное количество ошибок можно обнаружить и в текстах современных песен, и в рекламных слоганах:

– ошибки фактические, нарушающие жизненную логику: «мы разошлись, как в море корабли расходятся в тумане, маяком маня»¹ (на кораблях нет маяков, маяки стоят на земле, корабли не могут манить друг друга маяками); «младший лейтенант, ... только две звезды упали на его погон»² (на погонах младшего лейтенанта только одна звезда); «две неравных половины спорят во мне»³ (половины всегда равны);

– ошибки языковые: «Стоят девчонки – юбки по колено»⁴ (выражение «по колено» означает уровень воды, тогда как юбки могут быть «до колена»); «А в России, в моей России / Что ни девушка – то красивей...»⁵ (отсутствует предмет сравнения).

То же самое происходит и с рекламными слоганами, использующими, мягко говоря, неудачные рифмы («В животе шум и

гам, принимай “Эспумизан”»), не слишком этичные образы («Туалет – лицо хозяйки» (реклама чистящего средства), «Мой муж пьёт, но я за него спокойна», (фильтры для воды Аквафор)).

Подобное не слишком внимательное отношение к грамматике и логике объясняется, вероятно, тем, что тексты эти создаются наспех, авторы их претендуют лишь на быстрый коммерческий успех, а сами тексты рассчитаны лишь на кратковременное существование.

Стилистика. Канцелярит

В качестве ещё одной тенденции в современном языке можно отметить – в противоположность тенденции к демократизации языка – и широкое распространение канцеляризмов, которые отягощают, усложняют речь, но являются, тем не менее, её неотъемлемой частью. Громоздкие конструкции, в которых довольно трудно уловить смысл, доминируют в современном языке объявлений, инструкций, регламентирующих текстов. Но и в разговорной речи, в публицистике также встречаются излишне формализованные конструкции, в которых форма затмевает смысл. В качестве примера можно привести объявления в транспорте, в магазинах, написанные излишне формализованным языком: «Контролируйте свой багаж с целью недопущения его самопроизвольного перемещения». Такое объявление можно услышать в петербургском метро, смысл его можно передать гораздо более простыми словами «держите сумки, чтобы они не падали». Значение неоправданно громоздкой конструкции «недопущение самопроизвольного перемещения» даже носителями языка воспринимается не сразу. Подобных примеров можно привести множество. В одном из супермаркетов звучит следующее объявление: «Без наличия средств индивидуальной защиты вам может быть отказано в обслуживании». Налицо речевая избыточность, в этой фразе вполне можно обойтись без слова «наличие».

¹ Валерия. Не обижай меня. Слова песни // Lyricsonline.ru: [сайт]. URL: <https://lyricsonline.ru/9517-valeriya-ne-obizhay-menya.html> (дата обращения: 20.04.2022).

² Ирина Алегорова. Младший лейтенант. Слова песни // Lyricsonline.ru: [сайт]. URL: <https://lyricsonline.ru/13118-irina-allegrova-mladshiy-leytenant.html> (дата обращения: 20.04.2022).

³ ВИА ГРА. Перемирие. Слова песни // Lyricsonline.ru: [сайт]. URL: <https://lyricsonline.ru/16411-via-gra-peremirie.html> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Руки вверх. Поппури. Слова песни // Lyricsonline.ru: [сайт]. URL: <https://lyricsonline.ru/40509-ruki-vverh-poppuri.html> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ Алексей Гоман. Россиянка. Слова песни // Lyricsworld.ru: [сайт]. URL: <https://lyricsworld.ru/Aleksey-Goman/Rossiyanka-860497.html> (дата обращения: 20.04.2022).

Подобные громоздкие выражения, затрудняющие понимание, затемняющие смысл высказывания, проникают во все сферы языка, в живую речь носителей, в интернет-пространство. Так, тексты некоторых переводных трейлеров к зарубежным фильмам соответствуют скорее нормам того языка, с которого они переведены, нежели нормам русского языка, и при переводе не подвергаются редактированию, поэтому в текстах появляются подобные выражения: «молодой парень родом из бедной семьи» (молодой парень из бедной семьи), «ему пришлось пережить нищенское пребывание и с самого раннего возраста заниматься трудоёмким процессом», «после прохождения воспитательного периода» (ему пришлось пережить нищету и с детства работать), «собственные усилия» (собственные силы).

Основная особенность подобных интернет-текстов заключается в сочетании клишированных шаблонных фраз с расхожими образами и тавтологичными оборотами (*сногшибательная красotka, потрясающая грация, задумчивые глаза, смотревшие устремлённо в даль*), а всё вместе должно производить на читателей эмоциональное воздействие, однако авторы подобных текстов стремятся достичь этого с минимальными усилиями.

Заключение

Таким образом, говоря об изменениях на фонетическом, лексическом и фразеологическом уровнях, мы можем отметить следующие тенденции.

Изменения на фонетическом уровне наблюдаются как в литературном языке (причём его «высокий стиль» уходит, если не ушёл, в прошлое), так и в разговорной речи в её социокультурном и функционально-стилистическом разнообразии.

В усилении редукции гласных, стремлении к унификации произносительной нормы проявляется действие законов аналогии и экономии речевых усилий. В целом, в речи, особенно молодого поколения, отмечается некоторая нестабильность и

расшатывание произносительных норм. Лингвистов беспокоит падение культуры речи, отсутствие постоянных ориентиров. Наличие вариантов произношения, отклонений от норм и ошибки, в том числе в речи публичных людей, отличают современную языковую ситуацию и отражают новую культуру речевого общения, которая формируется в условиях либерализации социальных отношений, значительного влияния средств массовой информации и особенно – стремительного освоения интернета. Возникновению одновременно существующих вариантов произношения способствуют особенности фонетической адаптации новых иноязычных слов, которые появляются особенно интенсивно в последние два десятилетия.

Изменения на уровне грамматики проявляются в усилении ряда тенденций, среди которых можно выделить следующие. Во-первых, усиление черт аналитизма, что привело к появлению новых слов-аналитов и к ограничению использования флективных показателей грамматических форм слова. Во-вторых, унификация форм и конструкций, единообразии парадигм под воздействием закона аналогии. В-третьих, активное усиление категории модальности и экспрессивности высказываний. Одной из важных черт грамматики современного русского языка можно считать перемещение различных грамматических элементов из периферийных сфер в центр языковой системы.

Изменения в лексике происходят очень быстро, буквально каждый год появляются новые модные «слова года», которые столь же быстро превращаются из модных в раздражающий фактор. Обилие заимствований может быть объяснено, с одной стороны, той же модой, стремлением молодёжи создать свой кодифицированный язык, который не будет понятен непосвящённому человеку. С другой стороны, заимствования также выполняют функцию экономии речевых усилий: то, что можно выразить при помощи одного заимствованного слова (англицизма), при «пере-

воде» требует описательных конструкций значительно большего объёма.

В сфере фразеологии наблюдается несколько тенденций, причём они реализуются в группах носителей языка разных возрастных категорий. Тенденция к сознательному изменению и переосмыслению устойчивых выражений характерна для людей более старшего поколения – тех, которые знают значения фразеологизмов и используют эти фразеологизмы в их исходном виде. Для молодёжи подобная языковая игра не всегда является понятной, исходные выражения – не всегда узнаваемыми. В речи молодёжи трансформируемые устойчивые выражения также встречаются, однако трансформации эти происходят ненамеренно и приводят к ошибкам в использовании фразеологизмов.

Ошибки вообще можно назвать одной из тенденций развития современного рус-

ского языка; это касается и ошибок в использовании фразеологизмов, и смешения различных стилистических элементов, и использования клише, и нарушения лексической сочетаемости. Объяснить столь большое количество ошибок можно тем, что современные тексты в сфере интернета существуют недолго и создаются так же быстро. И их авторы (блогеры, комментаторы тех или иных постов) просто не могут или не хотят потратить на их создание достаточное количество времени и усилий. Интернет-коммуникация – это некий устойчивый текст, это постоянный процесс изменений, которые происходят ежедневно, и скорость этих изменений обуславливает и обилие ошибок в современном языке, преимущественно – в сфере интернет-коммуникаций.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Идиоматика и актуальная языковая картина мира (на материале фразеосемантической группы «космос» в русском языке XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 71. С. 5–24.
2. Барышева С. Ф. «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата обращения: 08.04.2022).
3. Ефремов В. А. Луркояз как хейтерский язык // Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций: материалы Международного научного форума, 27–28 ноября 2020 г. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 58–60.
4. Иванова М. В., Клушина Н. И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382.
5. Клобуков Е. В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле личности // Традиционное и новое в русской грамматике: сборник статей памяти В. А. Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. М.: Индрик, 2001. С. 107–117.
6. Клушина Н. И. О дигитализации языка // Русская речь. 2018. № 6. С. 52–56.
7. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
8. Россихина М. Ю. Молодёжный социолект как исторический интернациональный феномен // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 274–283.
9. Рощина Ю. В. Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии (на материале предметных и признаков слов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 28 с.
10. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование): в 4 кн. Кн 1. Лексика современного русского литературного языка: коллективная монография / под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 185 с.
11. Солтыс В. К. Язык блогосферы Рунета: гендерный аспект // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 454–468.
12. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. М.: Российский университет дружбы народов, 2009. 440 с.
13. Bail Ch. Breaking the Social Media Prism: How to Make Our Platforms Less Polarizing. Princeton: Princeton University Press, 2021. 240 p.

14. Campbell R., Martin Ch., Fabos B. *Media & Culture: An Introduction to Mass Communication*. Bedford: St. Martin's Publ., 2019. 608 p.
15. Hanson R. E. *Mass Communication: Living in a Media World*. Newbury Park: SAGE Publications, Inc., 2021. 488 p.

REFERENCES

1. Balashova L. V. [Idiomatics and the Actual Language Picture of the World (On the Material of the Phraseosemantic Group "Cosmos" in the Russian Language of the 21st Century)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philology], 2021, no. 71, pp. 5–24.
2. Barysheva S. F. ["Oral-written" Form of Speech in Internet Communication as a Manifestation of a Tendency towards Conversationality and Dialogue]. In: *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal], 2021, no. 2. Available at: <http://www.tverlingua.ru> (accessed: 08.04.2022).
3. Efremov V. A. [Lurkoyaz as a Hater Language]. In: *Setevaya kommunikatsiya: novye formaty dlya nauki, obrazovaniya i prodvigayushchikh kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, 27–28 noyabrya 2020 g.* [Network Communication: New Formats for Science, Education and Promotional Communications: Materials of the International Scientific Forum, November 27–28, 2020]. St. Petersburg, Politekh-press Publ., 2020, pp. 58–60.
4. Ivanova M. V., Klushina N. I. [Russian Language in the Modern Internet Space: Dynamic Processes and Development Trends]. In: *Rusistika* [Russian Studies], 2021, vol. 19, no. 4, pp. 367–382.
5. Klobukov E. V. [On the Relationship between the Center and the Periphery in the Functional-semantic Field of Personality]. In: Beloshapkova T. V., Shmeleva T. V., comps. *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike: sbornik statei pamyati V. A. Beloshapkovoi* [Traditional and New in Russian Grammar: A Collection of Articles in Memory of V. A. Beloshapkova]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 107–117.
6. Klushina N. I. [On the Digitalization of the Language]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2018, no. 6, pp. 52–56.
7. Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian Word, One's Own and Someone Else's: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 888 p.
8. Rossikhina M. Yu. [Youth Sociolect as a Historical International Phenomenon]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2018, no. 3, pp. 274–283.
9. Roshchina Yu. V. *Proyavleniya tendentsii k analitizmu v sovremennoi russkoi morfologii (na materiale predmetnykh i priznakovykh slov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Manifestations of a Tendency to Analyticism in Modern Russian Morphology (On the Material of Subject and Attribute Words): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 28 p.
10. Panov M. V., ed. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo (sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie). Kn. 1. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian Language and Soviet Society (Sociological and Linguistic Research)]. Pt. 1. Vocabulary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 185 p.
11. Soltys V. K. [The Language of the Runet Blogosphere: Gender Aspect]. In: *Rusistika* [Russian Studies], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 454–468.
12. Trofimova G. N. *Yazykovoi vkus internet-epokhi v Rossii* [Linguistic Taste of the Internet Era in Russia]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2009. 440 p.
13. Bail Ch. *Breaking the Social Media Prism: How to Make Our Platforms Less Polarizing*. Princeton, Princeton University Press, 2021. 240 p.
14. Campbell R., Martin Ch., Fabos B. *Media & Culture: An Introduction to Mass Communication*. Bedford, St. Martin's Publ., 2019. 608 p.
15. Hanson R. E. *Mass Communication: Living in a Media World*. Newbury Park, SAGE Publications, Inc., 2021. 488 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Диева Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; e-mail: Tatianadv@yahoo.com

Кумбашева Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;

e-mail: Kumbacheva@mail.ru

Селезнева Елена Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;

e-mail: Intern.spbgasu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana M. Dieva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Higher School of International Educational Programs, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;

e-mail: Tatianadv@yahoo.com

Julia A. Kumbasheva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Higher School of International Educational Programs, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;

e-mail: Kumbacheva@mail.ru

Elena P. Selezneva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;

e-mail: intern.spbgasu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Диева Т. М., Кумбашева Ю. А., Селезнева Е. П. О некоторых тенденциях развития русского языка на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 24–36.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-24-36

FOR CITATION

Dieva T. M., Kumbasheva J. A., Selezneva E. P. Some Trends in the Development of the Russian Language at the Present Stage. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 24–36.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-24-36

УДК 801.8

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-37-48

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЖУРНАЛЕ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ «КОСТЁР»: СТРУКТУРА, ТЕМАТИКА, ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Родионова И. Г.

Пензенский государственный университет

440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать структуру, тематику и языковые особенности научно-популярных текстов о русском языке в журнале для школьников «Костёр»; выявить средства популяризации научных знаний.

Процедура и методы. Определены особенности структуры и тематики научно-популярных текстов, выявлены языковые средства разных уровней, используемые для привлечения внимания читателей. Методы: наблюдение, функциональный анализ языковых единиц, контекстуальный анализ.

Результаты. Научно-популярные тексты совмещают признаки научного, публицистического и художественного стилей. Привлечению внимания читателя способствуют оригинальные названия статей, выбор в качестве ведущего выдуманного персонажа и др., лексические, морфологические и синтаксические средства языка.

Теоретическая и/или практическая значимость. Уточнены жанровые и языковые особенности научно-популярных текстов, расширены представления о средствах популяризации научных знаний. Материалы могут быть использованы в практике преподавания стилистики русского языка и современного русского языка.

Ключевые слова: научно-популярный текст, русский язык, средства популяризации научных знаний, структура, тематика

POPULAR SCIENCE TEXTS ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE “KOSTER” MAGAZINE FOR SCHOOLCHILDREN: STRUCTURE, THEME, LANGUAGE FEATURES

I. Rodionova

Penza State University

ul. Krasnaja 40, Penza 440026, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to describe the structure, themes, and linguistic features of popular science texts about the Russian language in the “Koster” magazine for schoolchildren, as well as to identify means of popularization of scientific knowledge.

Methodology. The features of the structure and themes of popular science texts are determined, and the linguistic means of different levels used to attract the attention of readers are identified. Use is made of such methods as observation, functional analysis of language units, and contextual analysis.

Results. Popular science texts combine the features of scientific, journalistic, and artistic styles. Attracting the reader’s attention is facilitated by the original titles of articles and the choice of a fictional character as the leading character, etc., as well as by lexical, morphological, and syntactic means of the language.

Research implications. The genre and language features of popular science texts are clarified; ideas about the means of popularization of scientific knowledge are expanded. The materials can be used in the practice of teaching the stylistics of the Russian language and the modern Russian language.

Keywords: popular science text, Russian language, means of popularization of scientific knowledge, structure, topics

Введение

На протяжении длительного времени в центре внимания учёных находится изучение функциональных стилей. Г. Я. Согланик, говоря о современных работах по стилистике, отмечает, что «нельзя не увидеть характерную тенденцию: изучение каждого функционального стиля превращается в самостоятельную область исследования, в самостоятельную научную дисциплину» [12, с. 9]. В этом плане не является исключением и научный стиль, который стал предметом исследований М. Н. Кожинной, М. П. Котуровой, Е. А. Баженовой, Л. Р. Дускаевой, Н. В. Кириченко, Н. С. Болотновой, А. Н. Васильевой, С. В. Гричина и других учёных.

Известно, что адресатом научного текста может стать как подготовленный, так и неподготовленный читатель или слушатель. Неподготовленный адресат окажется способным воспринимать научную информацию только в том случае, если она будет передана в доступной для него форме. «Необходимость учитывать особенности восприятия научного текста неподготовленным читателем или слушателем и стремление передавать адресату научную информацию в доступной и убедительной форме объясняет активное развитие научно-популярного подстиля», – отмечает О. В. Соболева [11, с. 85]. Об усилении внимания учёных к изучению текстов названного подстиля говорит и О. А. Прохвятилова. Этот факт исследователь объясняет «как причинами экстралингвистического порядка (большой доступностью источников научной информации, увеличением интереса широкого круга людей к научным открытиям, тенденцией к популяризации определённых научных сведений), так и развитием новых подходов и направлений в стилистике, которые дают возможность поинтересоваться языковой материалью» [9, с. 41].

«Научно-популярный подстиль – одна из стилистико-речевых разновидностей научного функционального стиля, вы-

деляемая (по сравнению с собственно научным) на основании реализации “дополнительных” задач коммуникации – необходимости “перевода” специальной научной информации на язык неспециального знания, а именно – задач популяризации научных знаний для широкой аудитории»¹.

В настоящее время учёные говорят об интенсивном развитии гуманитарного знания, антропоцентризме современной науки, которые «предполагают особое внимание к языку и речи, так как именно в них и только через них человек может осуществиться как личность»². В связи с этим возникает необходимость популяризации гуманитарных знаний, в частности знаний о русском языке.

Популяризовать научную информацию о русском языке особенно важно среди школьников; причём связано это не только и не столько с углублением и расширением знаний, полученных на уроках русского языка, сколько с формированием духовно-нравственной личности. «Проблема духовно-нравственного воспитания молодого поколения сегодня весьма актуальна», – утверждает Г. И. Канакина [2, с. 10]. Познание родного языка, проявление интереса и любви к нему является важнейшей составляющей духовно-нравственного воспитания и служит основой формирования любви к своему Отечеству.

Немаловажная роль в популяризации знаний о русском языке принадлежит средствам массовой информации, прежде всего адресованным подросткам. Одним из изданий, предназначенных для школьников, является Всероссийский (ранее Всесоюзный) ежемесячный литературно-художественный журнал «Костёр», который издаётся с 1936 г. в Ленинграде

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 236.

² Козырев В. А., Черняк В. Д. Русский язык и культура речи. Современная языковая ситуация: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 9.

(сейчас в Санкт-Петербурге). «Цель журнала – привить детям вкус и любовь к художественной литературе, к творческому познанию мира вокруг нас», – отмечается на официальном сайте издания¹.

На протяжении всего времени существования журнала в нём активно публикуются материалы, которые популяризируют знания о русском языке. Вопросы русского языка рассматриваются как в специальных тематических рубриках (например, в рубрике «Беседка»), так и в рубриках, основная цель которых непосредственно не связана с русским языком (рубрики «Кто первый?», «История исторических изречений» и др.). Таким образом, отрадно отметить, что политика журнала направлена на обогащение читателей знаниями о родном языке.

Цель исследования состоит в описании жанровых и языковых особенностей научно-популярных текстов о русском языке, помещённых в тематической рубрике «Беседка», имеющей подзаголовок «История русского языка», а также в выявлении средств популяризации научных знаний. Рубрика существует в журнале с 2011 г. С этого времени до 2022 г. она была включена в выпуски журнала 72 раза. Таким образом, нами проанализировано 72 научно-популярных текста о русском языке.

Актуальность проведённого исследования связана с тем, что оно позволит расширить представления о жанровых и языковых особенностях текстов научно-популярного стиля вообще и текстов о русском языке, адресованных подрастающему поколению, в частности. В ходе работы выявлены средства популяризации знаний о русском языке, способствующие привлечению внимания школьников к языковым фактам, формированию у них языкового чутья и воспитанию любви к родному слову.

Стилистические особенности научно-популярных текстов о русском языке в журнале для школьников «Костёр»

Из всего многообразия ресурсов русского языка говорящий или пишущий в конкретной речевой ситуации отбирает те, которые в большей степени способствуют решению коммуникативных задач и воплощению авторского замысла, которые максимально соответствуют стилистической направленности создаваемого произведения. «Существование функциональных стилей не может не вести к их взаимодействию», – отмечает Г. Я. Солганик [12, с. 10]. Особенность научно-популярного текста, помещённого в журнале, состоит в том, что цель автора – не просто сообщить читателю информацию, но и пробудить у него интерес к научному знанию, повысить познавательную активность, т. е. воздействовать на читателя. Достичь этих целей возможно, включив в текст изобразительно-выразительные средства языка, т. е. сделав его в определённой степени образным.

В ходе анализа научно-популярных текстов, помещённых в рубрике «Беседка» журнала «Костёр», обращает на себя внимание необычное название рубрики: ведущие словно приглашают читателя к беседе, к диалогу, к обсуждению актуальных вопросов. Таким образом, ещё до знакомства с текстом читатель начинает ощущать себя не пассивным получателем информации, а активным участником коммуникации.

В качестве ведущих рубрики названы Кот Грамотей (вполне очевидно, что это вымышленный персонаж) и Мария Блажнова (которая готовит материалы для рубрики и общается с читателями от лица Кота Грамотея). Написание слова *кот* лишено единообразия: оно пишется то со строчной, то с прописной буквы. В исследовании при цитировании мы сохраняем тот способ написания, который представлен в конкретной публикации. В некоторых выпусках при имени *Мария Блажнова* используется приложение *филолог*, подчёркивающее авторитетность мнения автора, а также достоверность и научность помещённой в рубрике информации.

¹ Костёр: [сайт]. URL: <https://www.kostyor.ru/press-release.html> (дата обращения: 07.07.2022).

Беседа с читателями в рассматриваемой рубрике ведётся от лица кота Грамотея, который, как любой другой автор научно-популярного текста, «предстает как субъект более осведомлённый, как профессионал, излагающий материал читателю-непрофессионалу» [8, с. 112]. Введение вымышленного персонажа привносит в текст элемент сказочности, необычности, делает общение с читателем естественным и непринуждённым.

И необычное название рубрики, и использование в качестве ведущего вымышленного персонажа способствуют привлечению внимания читателя, установлению контакта с ним.

Структура и содержание научно-популярных текстов о русском языке в журнале для школьников «Костёр»

Как известно, сильную позицию в любом тексте занимает его заголовок. От того, насколько он необычен и привлекателен, зависит успех публикации: как скоро она будет прочитана и будет ли прочитана вообще, сможет ли так воздействовать на читателя, как задумал автор. Вот почему, по словам М. А. Кормилициной, журналист «чаще всего использует выразительные средства в самых сильных позициях текста, и прежде всего в заголовке» [3, с. 14].

Названия статей, помещённых в рубрике «Беседка» журнала «Костёр», разнообразны по структуре и оригинальны по содержанию. В структурном плане они представлены словом, сочетанием слов и предложением.

Однословные названия редки, поскольку они только называют тему текста и не ориентированы на виртуальный диалог с читателем, а значит, в меньшей степени способны заинтриговать его, пробудить у него интерес к публикации: *Конник* (2015, № 10); *Дармоед* (2013, № 9).

В заголовках-**сочинительных сочетаниях** реализуются соединительные или разделительные отношения. Союз *и*, как правило, соединяет имена существительные разного семантического плана, за счёт чего создаются эффект неожиданности, интри-

га, загадка: *Лужа, рыба и трава* (2012, № 10); *Майор и добрая богиня* (2014, № 5–6); *Ишак и футболист* (2013, № 4). Сочетания с союзом *или* включают существительные одного семантического плана и представляют собой альтернативные вопросы. Благодаря интонационной характеристике конструкция приобретает статус односоставного номинативного предложения: *Монумент или памятник?* (2019, № 1); *Враг или друг?* (2013, № 8). Использование вопросительных предложений является одним из средств диалогичности текста, актуализирующих внимание читателя, приглашающих его к совместному поиску ответа на вопрос.

Компоненты заголовков-**подчинительных словосочетаний** обычно связаны по способу согласования. В качестве опорных слов нередко используются существительные-лингвистические термины, как правило, известные читателю-школьнику. Обращает на себя внимание нарушение норм лексической сочетаемости согласуемых прилагательных с существительными-терминами, что способно вызвать читательский интерес: *Нежные суффиксы* (2021, № 4); *Неприкосновенный алфавит* (2021, № 7). Нарушение сочетаемости слов отмечается и в заголовках-подчинительных словосочетаниях, не содержащих лингвистических терминов: *Ледяные кони* (2021, № 1); *Вертикальный дурачок* (2012, № 5–6). Высокой степенью выразительности обладают словосочетания-оксюмороны: *Съедобный яд* (2015, № 2).

Заголовки-**предложения** представлены различными структурно-семантическими типами, среди которых преобладают вопросительные по цели высказывания предложения, актуализирующие внимание читателей. Такие предложения, как правило, содержат вопросительные местоимённые слова: *Кто за главного?* (2021, № 2); *В чём тут скрытая основа?* (2014, № 10); *Кто сказал «мяу»?* (2014, № 7). Использование личных местоимений второго лица в вопросительных предложениях настраивает читателя на виртуальный диалог с автором: *Вы говорите на лидепла?* (2013, № 1).

Особую группу образуют заголовки, представляющие собой вопросительные по

форме, но повествовательные по цели высказывания предложения с наречием *как*, показывающие, что автор, обладающий той или иной информацией, хочет поделиться ею с читателем. Среди заголовков данного типа выделяются двусоставные предложения с глаголом-сказуемым в форме прошедшего времени: *Как собака хвост потеряла* (2017, № 2); *Как кузькина мать на вороних каталась* (2012, № 2) – и односоставные инфинитивные предложения с семантикой инструктирования: *Как в мороз с пути не сбиться* (2014, № 11–12); *Как из мухи сделать слона* (2011, № 8).

В качестве заголовков разных структурных типов (словосочетаний и предложений) могут использоваться прецедентные феномены, которые требуют от читателя, «кроме знания языка, владения фоновыми знаниями, связанными с историей, культурой, традициями носителей русского языка» [3, с. 16]: *В здоровом теле – здоровый дух* (2016, № 2); *Следы невиданных зверей* (2011, № 11–12); *А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк!* (2013, № 10); *Мелкая сошка* (2015, № 9). Используя прецедентные феномены, автор рассчитывает на то, что они знакомы читателю-школьнику, в противном случае заголовок, включающий их, не будет иметь должного экспрессивного эффекта и не заинтересует читателя. Экспрессивность и воздействующая функция заголовка усиливаются при использовании трансформированного прецедентного феномена. В этом случае читатель должен знать оригинальный текст, уметь соотнести его с имеющимся заголовком и понять авторский замысел: *Не в свой автобус не садись!* (2011, № 9); *Зачем же конь валялся?* (2012, № 9).

Таким образом, структура и содержание заголовков научно-популярных текстов, опубликованных в рубрике «Беседка» журнала «Костёр», обусловлены авторской интенцией – вызвать у читателя интерес к научному знанию.

«Для композиции научно-популярных произведений характерно наличие особого предтекста, вводящего в тему и проблему

исследования», – отмечают Е. А. Баженова и Н. В. Кириченко¹.

Тема публикации может быть названа разными способами. Наиболее часто она формулируется после обращения ведущего рубрики к читателям: *Друзья мои! Сегодня я, Кот Грамотей, приглашаю вас в академическую беседку, чтобы поговорить о юморе. Нет-нет, анекдоты мы рассказывать не будем! Ведь слово «юмор», которое восходит к латинскому слову «hitog», раньше означало вовсе не смешное, а влагу, жизненные соки в человеческом организме»* (2016, № 4); *Друзья мои! В нашей академической «Беседке» собрались мы сегодня, такие праздничные и нарядные, чтобы поговорить совсем о другом – о ненарядном. Или о затрапезном. Как вы думаете, что же это такое? Давайте выясним!* (2016, № 3); *Дорогие коллеги! Я, Кот Грамотей, вновь приглашаю вас в нашу академическую беседку. На этот раз – чтобы побеседовать о древних словах* (2015, № 10).

Тема публикации может вводиться вопросами, которые позволяют не просто заинтересовать, а в какой-то степени заинтриговать читателя. Вопросы ведущей рубрики адресует как самому себе: *Недавно я задумался: почему созвездия Большая и Малая Медведицы именно Медведицы, а не Медведи, например? Или, допустим, не коты?* (2021, № 3); *Задумался я тут на днях: мастер на все руки – это тот, кто умеет работать и левой, и правой рукой?* (2015, № 3), – так и читателям, приглашая их к диалогу: *Известно ли вам, что слово «коньки» – исконно русское?* (2021, № 1); *Знаете ли вы, почему в некоторых русских песнях и сказках девушек или юношей называют красными?* (2017, № 4). Во вступлении, «предтексте», используются вопросы без указания адресата, однако это не умаляет их воздействующего эффекта: *Многие считают, что «монумент» и «памятник» – это одно и то же! Так ли это?* (2019, № 1);

¹ Баженова Е. А., Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Эффективное общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 328–329.

Почему сырники называют именно сырниками? (2017, № 3).

Вступление к научно-популярному тексту может включать размышления, не связанные с лингвистикой, в ходе которых ведущий неожиданно, как бы невзначай обращается к фактам языка, показывая, что любому явлению объективной действительности можно дать лингвистический комментарий, который будет интересен человеку, говорящему на русском языке: *Вот и лето в разгаре. Цветы кругом, бабочки, птички! Кстати, про птиц. Обычная в наших краях синичка, оказывается, скрывает в своём имени любопытную лингвистическую историю* (2016, № 7); *Я, Кот Грамотей, люблю месяц май. Он получил имя в честь греческой богини природы Майи – одной из дочерей Атланта, матери Гермеса* (2014, № 5–6).

Редко научно-популярная статья начинается непосредственно с изложения языковых фактов: *Во многих языках есть уменьшительно-ласкательная форма имени существительного, а в некоторых – и прилагательного: например, «маленький», «пушистенький»* (2021, № 4).

Таким образом, особенность «предтекстовой» информации в рассматриваемых публикациях состоит в том, что она постепенно вводит читателей в тему, подготавливает его к восприятию научных сведений. С помощью вопросов и размышлений автор стремится заинтересовать и заинтриговать школьников, пробудить и поддержать у них интерес к теме публикации.

Отметим тематическое многообразие научно-популярных текстов о русском языке, помещённых в рассматриваемой рубрике.

Значительная часть публикаций посвящена вопросам происхождения слов, как правило, общеупотребительных, входящих в активный словарь школьников: *В древности дневное светило обозначалось словом «солнь». От него при помощи уменьшительного суффикса -це образовалось «солньце», то есть «солнышко». Затем оттенок уменьшительности забылся, и «солныце» стало основным словом, потеряв при этом мягкий знак* (2021, № 4); *Начну, пожалуй, с Древней Руси, где названия командирам*

давали очень просто, по числу воинов в их подчинении: десятник, сотник, тысячник (2021, № 2). Ведущий рубрики обращает внимание читателей на этимологическое родство слов: *«Бабочка», «бабушка»... Эти слова действительно связаны* (2013, № 10).

В рубрике «Беседка» журнала «Костёр» рассматривается происхождение и значение фразеологизмов: *Знаете ли вы, откуда пошло выражение «не в своей тарелке»? Появилось оно в русской фразеологии благодаря французскому языку* (2012, № 4); *Есть много версий, объясняющих происхождение оборота «строить воздушные замки» – «предаваться несбыточным мечтам»* (2016, № 5–6).

Большое внимание уделяется вопросам культуры речи, связанным с нормами лексической сочетаемости слов, с особенностями их употребления в текстах разных стилей: *Ещё пятьдесят лет назад словосочетание «монументальный памятник» служило классическим примером речевой ошибки. Но со временем прилагательное «монументальный» закрепилось в русском языке в значении «грандиозный», «величественный», «основательный». Оно перестало просто повторять основное значение существительного «памятник», и фраза «монументальный памятник» утратила тавтологичность* (2019, № 1); *В русском языке картофель – это стилистически нейтральное слово, а картошка – исключительно разговорное* (2015, № 7); *Что же касается русского языка, то хочется ещё раз обратить внимание, что слово **тинейджеры** допустимо в разговорной, но не в литературной речи, где его замещает русское слово **подростки*** (2015, № 5–6).

Примечательно, что, рассказывая о русском языке, ведущий приводит факты из других языков: *Одним из самых трудных с точки зрения письма во всём мире признают китайский язык* (2015, № 4); *Финского Деда Мороза зовут Йоулупукки, а вот как, интересно, называют Морозов в других странах? Давайте заглянем в словари!* (2017, № 1). Кроме того, читателям предлагается научная информация менее увлекательного характера, например, о всеобщих принципах развития языков: *Принцип языковой экономии гласит, что язык всё*

время стремится передать мысль минимальными средствами (2017, № 2).

Особенность научно-популярных текстов, в том числе опубликованных в рубрике «Беседка» журнала «Костёр», состоит в том, что они не содержат новой научной информации, представляющей собой результаты и выводы оригинальных исследований, а адаптируют уже известные научные знания для определённой категории адресата, в частности для школьников. Привлечение внимания читателей и поддержание их интереса к фактам языка достигаются различными средствами. Прежде всего отметим, что тема научно-популярного текста обычно связана с датой выхода журнала: временем года, приближающимися праздниками, этапами школьной жизни (начало учебного года, каникулы и т. п.), т. е. она актуальна для адресата.

С целью включения читателей в виртуальный диалог ведущий использует такие приёмы, как предложение разгадать загадку: *Я, Кот Грамотей, хочу предложить вам разгадать одну интересную загадку* (2011, № 11–12); приглашение отправиться в лингвистический поход: *А сегодня мы поговорим об одной загадочной персоне, о которой каждый из вас наверняка слышал. И отправимся в лингвистический поход* (2015, № 1); приглашение к разговору, к беседе: *Но прежде чем вы займётесь сладостным ничегонделанием, я, Кот Грамотей, приглашаю вас поговорить о лодыре. Вернее, не о каком-то конкретном лентяе, а о происхождении самого слова «лодырь»* (2011, № 5–6) и др.

Использование названных приёмов популяризации научных знаний не исключает введения в статью информации, свойственной собственно научным текстам. Так, субъективное мнение ведущего всегда подкрепляется ссылками на авторитетное мнение лингвистов. Ср.: «Автор любого научного текста всегда обращается к научному опыту своих предшественников и современников, цитирует или излагает их точку зрения» [13, с. 279]. Знакомясь с высказываниями учёных, школьники получают знания о правилах и культуре изложения научной информации. В текстах статей приводят-

ся фамилии лингвистов и / или названия произведений научной литературы: *Рассуждение на эту тему есть в книге «История русского языка в рассказах» Владимира Колесова* (2014, № 8); *Вот что рассказано по этому поводу в книге Льва Успенского «Слово о словах»* (2011, № 9); *Объяснение приводит историко-этимологический справочник «Почему мы так говорим?»* (2012, № 9).

Отметим наиболее частое упоминание в публикациях имени русского писателя, лексикографа, этнографа, собирателя фольклора Владимира Ивановича Даля, что видится вполне естественным, поскольку, с одной стороны, содержание рубрики «Беседка» связано прежде всего с историей русского языка, с другой – уникальной и заслуживающей уважения является сама личность учёного, который гордился тем, что «думает по-русски». Авторы рубрики обращают внимание читателей на факты биографии В. И. Даля: *В этом году, 4 октября, исполняется 140 лет со дня смерти русского писателя, лексикографа, этнографа Владимира Ивановича Даля* (2012, № 10), и на его труды: *Вы хорошо знаете его «Толковый словарь живого великорусского языка», над которым учёный работал свыше полувека* (2012, № 10); *В словаре Владимира Даля записана старая русская поговорка: «У нас ещё и конь не валялся, ещё и дело не начато»* (2012, № 9).

Желая показать значимость научных трудов, которые упоминаются в статье, и стремясь тем самым обратить на них внимание школьников, автор даёт им положительную оценку: *Об этом хорошо написано в научно-популярной книге Е. Н. Этерлей и О. Д. Кузнецовой «Неизвестное в известном (Рассказы о словах)»* (2017, № 4); *Ответ на этот вопрос можно найти в очень интересной книге известного писателя и филолога Льва Успенского «Ты и твоё имя»* (2011, № 7).

Значительно реже тезис, высказанный в публикации, подтверждается мнением лингвистов без указания конкретных фамилий: *Слово «сани», как считают лингвисты, тоже русского происхождения* (2021,

№ 1). Отметим, что для придания тексту большей убедительности автор приводит выводы учёных нелингвистических специальностей: *Российский зоолог А. Богданов писал, что «зинькой и зинзивером синицу прозвали по её крику...»* (2016, № 7).

Немаловажную роль в научно-популярном тексте, помещённом в периодическом издании, играет его концовка. С одной стороны, она подводит итог сказанному, с другой – намечает тему следующей статьи, формирует у читателей эффект ожидания публикации, а значит, и желание получить новое знание: *Сохе обяжут появлением на свет и выражение «мелкая сошка». Но об этом – в следующем раз* (2015, № 8); *О феврале вы узнаете в следующем выпуске «Беседки», а о весенних и летних месяцах – в своё время!* (2014, № 1).

Таким образом, содержание публикаций, помещённых в рубрике «Беседка» журнала для школьников «Костёр», отличается тематическим многообразием, ориентировано на школьников, на имеющие у них знания о русском языке и на способность получить и воспринять новую информацию. Структура научно-популярных статей в целом соответствует структуре собственно научных текстов, однако характеризуется большей оригинальностью и нестандартностью в использовании языковых средств.

Языковые особенности научно-популярных текстов о русском языке в журнале для школьников «Костёр»

М. А. Кормилицина отмечает, что «многие журналисты стремятся создать в своих публикациях эффект живого общения, доверительной беседы с читателем, используя для этого все возможности языка» [4, с. 68]. Данное утверждение актуально и для научно-популярных текстов, помещённых в журнале «Костёр», в рубрике «Беседка». В проанализированных статьях широко представлена терминологическая лексика: *Очевидно, что все эти слова – звукоподражания* (2014, № 7); *И в этот праздник я, ваш покорный слуга Кот Грамотей, хотел*

бы вспомнить об... омонимах! (2013, № 4). Иногда даётся толкование терминов, поскольку, по словам Б. Ю. Нормана, «средне-статистический носитель языка не обладает профессиональной подготовкой в конкретной специальной области» [6, с. 376–377]. Так, школьникам вряд ли известно значение термина *эвфемизм*, который упоминается в одной из статей, поэтому даётся его толкование и приводятся примеры использования: *Эвфемизм – это слово или выражение, употребляемое вместо другого, которое по каким-либо причинам нежелательно произнести. Например: «почил» вместо «умер»; «под мухой» вместо «пьяный»* (2015, № 2). Ещё одной особенностью использования терминов в текстах рубрики «Беседка» является их образное употребление, одушевление, наделение свойствами живого существа: *Иногда случается так, что буква становится дармоедом, перестанет обозначать звук и пишется просто по традиции* (2013, № 9); *Сейчас омонимы часто портят жизнь* спортивным комментаторам (2013, № 4); *Фразеологизм «косая сажень в плечах» пережил века* (2012, № 8). Благодаря такому метафорическому олицетворению читателю проще воспринимать научную информацию о фактах языка.

Фразеологизмы, используемые в научно-популярных текстах, с одной стороны, придают им выразительность, с другой – «выполняют определённые текстообразующие функции» [5, с. 31]. Так, в рассмотренных публикациях эти лексические единицы служат для установления контакта с читателем: *Признайтесь: приходило ли вам в голову, друзья мои, что названия животных – это особая, древнейшая группа слов любого языка?* (2011, № 8).

В текстах научно-популярного подстиля, в отличие от собственно научных, употребляются эмоционально-оценочная лексика и фразеология¹. В рассматриваемых статьях объектом оценки являются участники коммуникации – ведущий и читатели. Чаще всего они характеризуются с положитель-

¹ Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 118.

ной стороны. Такая оценка соответствует общей тональности текста и стимулирует познавательную деятельность читателей: *Вот теперь и мы с вами в русском языке – мастера на все руки, и всё у нас – в ажуре!* (2015, № 3). Значительно реже используется отрицательная оценка: *Мы, уввы, редко задумываемся о истории тех слов, которые используются в речи* (2015, № 10).

В научно-популярных текстах оценочная лексика используется как средство метаязыкового комментария, т. е. при характеристике языковых фактов и явлений: *Это ёмкое слово, к сожалению, уже давно вышло из употребления* (2014, № 3); *Моё любимое слово «тигр» появилось в древнем авестийском языке* (2011, № 8); *Замечательная вещь – каникулы, как говорил лев Бонифаций. Да и слово интересное* (2011, № 1); *Есть в нашем языке фразеологизмы со «странностями»* (2012, № 4).

Внимание читателей к научной информации поддерживается и морфологическими средствами языка. Так, в текстах активно используются глаголы в форме повелительного наклонения: *Представьте себе: сидит человек в чужой тарелке и, действительно, чувствует себя как-то неловко...* (2012, № 4), в том числе с частицей *давайте* со значением побуждения к совместному действию: *Давайте же продолжим наш разговор о сажени* (2012, № 8).

Если в собственно научных текстах при выражении точки зрения, действий и интенций автора предпочтительно употребление личного местоимения множественного числа *мы*, то в научно-популярных – допустимо местоимение *я*, ослабляющее степень «научности» текста и сокращающее дистанцию между автором и читателем: *Я, напротив, читаю много и с большим удовольствием* (2011, № 1); *Сегодня я, Кот Грамотей, расскажу вам про сажень – одну из самых популярных мер длины на Руси* (2012, № 7). Местоимение *мы* используется для того, чтобы показать единство действий ведущего и читателей: *А побеседуем мы на этот раз о словах-обманщиках* (2011, № 4); *Ваш покорный слуга Кот Грамотей спешит напомнить, что*

с большой сошкой мы разобрались (2015, № 9). Местоимение *вы* используется при обращении к читателям в вопросительном предложении: *Вы никогда не задумывались, почему буквы на ней (клавиатуре. – И. Р.) располагаются не в алфавитном порядке?* (2013, № 5–6); *Как вы думаете, на каком языке могут говорить все люди в мире?* (2013, № 1).

Научно-популярные тексты характеризуются особенностями синтаксиса, «где проявляются коммуникативные возможности языка» [1, с. 251]. Чтобы «установить контакт для успешной коммуникации»¹, ведущий активно использует обращения. Помимо участия в организации коммуникативного акта, обращение в исследованных научно-публицистических текстах выполняет функцию характеристики, представляя собой «способ субъективной оценки»². Обращения демонстрируют дружественный и доверительный тон общения: *Друзья мои! Сегодня я, Кот Грамотей, предлагаю побеседовать о трудных языках* (2015, № 4). Ведущий считает читателей людьми того же научного круга и уровня, что и он сам, показывает уважительное отношение к ним, поэтому часто использует в качестве обращения слово *коллеги*: *Многоуважаемые коллеги! Я, Кот Грамотей, рад приветствовать вас в нашей академической беседке* (2015, № 1); *Итак, дорогие коллеги, я, ваш покорный слуга Кот Грамотей, открываю наше новое заседание в нашей старенькой академической беседке* (2014, № 11–12).

Важнейшей чертой синтаксиса научно-популярных текстов является большое количество вопросительных предложений. Наиболее часто ведущий адресует вопросы читателям: *Удивительна история некоторых русских фамилий! Например, знаете ли вы, что фамилия Гоголь произошла от названия утки?* (2013, № 11–12); *Вас никогда не приводили в недоумение русские пословицы?* (2012, № 2). Цепочка вопросов направлена на активизацию познавательной деятельно-

¹ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 165.

² Там же. С. 166.

сти читателей: *Знаете, откуда появилась на Руси Баба-Яга? А почему у её избушки – курьи ножки? И зачем ей помело?* (2011, № 3).

Реже тексты содержат вопросы читателей: *Недавно один юный читатель спросил меня, Кота Грамотея, правда ли, что в некоторых языках есть такие слова, которые могут использовать только женщины? Отвечаю: правда!* (2013, № 3).

Обращает внимание активное использование в текстах научно-популярного подстиля вопросно-ответных комплексов, которые, по словам Е. А. Баженовой и Н. В. Кириченко, «имитируя диалог между автором и читателем, активизируют внимание адресата и облегчают усвоение материала»¹: *Почему так произошло? Дело в том, что первыми исследователями данного языка были мужчины, они записывали его от информантов – тоже мужчин* (2013, № 3).

Исследованный материал показал использование в научно-популярных текстах вводных единиц, особенно называющих источник сообщения и характеризующих отношения между частями высказывания. Среди первых преобладают конструкции, апеллирующие к мнению учёных: *По мнению исследователя тюркских языков Н. Баскакова, слово «гоголь» произошло от прозвища «гогул» – «синяя птица»* (2013, № 11–12) – или обращающие внимание читателей на опыт самого ведущего: *Как я знаю, названия большинства созвездий пришли к нам из латинского языка* (2021, № 3). Среди вводных слов, характеризующих отношения между частями высказывания, преобладает лексема *кстати*, которая «присоединяет информацию, напрямую не связанную с содержанием высказывания, но выполняющую функцию расширения информационного поля текста (высказывания)» [10, с. 266]. Однако, по справедливому замечанию Е. В. Откидыч, «информация, поданная в виде такого комментария, чаще всего оказывается важной и для говоряще-

го, и для слушающего» [7, с. 258]: *Кстати, и само слово «мяч» – исконно русского происхождения* (2011, № 2); *Кстати, в Древней Руси «стол» тоже означал «сидение», «престол»* (2011, № 4); *Кстати, в новогреческом языке слово «бабочка» также переводится как «душа»* (2013, № 10).

Таким образом, использованные автором научно-популярного текста лексические и грамматические средства языка направлены на установление и поддержание контакта с читателем и являются одним из средств популяризации научных знаний.

Заключение

Анализ научно-популярных текстов о русском языке, помещённых в рубрике «Беседка» Всероссийского ежемесячного литературно-художественного журнала для школьников «Костёр», позволил выявить средства популяризации научных знаний, адресованных подрастающему поколению. Привлечению внимания читателей, пробуждению и поддержанию у них интереса к научной информации способствуют: а) необычное название рубрики; б) выбор в качестве ведущего выдуманного персонажа; в) оригинальные названия статей; г) структура публикаций, предполагающая вступление («предтекст»), основную часть (раскрытие темы) и концовку (подведение итогов, анонс следующей публикации); д) тематика статей, актуальная для школьников.

Немаловажную роль в реализации интенций автора играют языковые средства разных уровней, прежде всего лексические, морфологические и синтаксические.

Содержание, структура, языковые особенности рассмотренных текстов обусловлены совмещением в научно-популярном подстиле признаков научного, публицистического и художественного стилей.

Знакомство с научно-популярными текстами о русском языке способствует формированию у школьников языкового чутья, расширению лингвистического кругозора, воспитанию любви и уважения к родному языку, а значит, и любви к Родине.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

¹ Баженова Е. А., Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Эффективное общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 328.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: Московский государственный областной университет, 2012. 292 с.
2. Канакина Г. И. Формирование духовно-нравственной личности будущего учителя-словесника // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–27 марта 2021 г. / под ред. Г. И. Канакиной, И. Г. Родионовой. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 10–12.
3. Кормилицына М. А. Целесообразность использования выразительных средств как один из показателей коммуникативной компетентности журналиста // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11 / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Саратовский университет, 2011. С. 12–19.
4. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 67–72.
5. Лескова Е. В. Фразеология в научном тексте и особенности её изучения на занятиях по РКИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 30–38.
6. Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2017. 464 с.
7. Откидыч Е. В. Прагматический потенциал текстовой скрепы *кстати* // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 255–266.
8. Полтавец Т. А. О некоторых функционально-стилистических особенностях научно-популярных текстов в масс-медийном дискурсе (на примере материалов газеты «Троицкий вариант») // Филология и человек. 2015. № 1. С. 111–117.
9. Прохвятилова О. А. Современный научно-популярный текст в аспекте диалогичности // Филология в XXI веке. 2021. № 1 (7). С. 40–47.
10. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс] / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Г. Н. Сергеева, Е. А. Шнырик, А. Ф. Прияткина, Н. Т. Окатова, Г. Д. Зайцева, П. М. Тюрин, Е. В. Откидыч, Т. В. Конченко, В. В. Гавриленко; отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, П. М. Тюрин. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. 1 эл. оптич. диск (CD-ROM).
11. Соболева О. В. Обучающий потенциал научно-популярного текста: к вопросу об экспрессивности научной речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 84–87.
12. Солганик Г. Я. Современная русская стилистика: проблемы, задачи, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2008. № 4. С. 8–13.
13. Стексова Т. И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 278–286.

REFERENCES

1. Gerasimenko N. A. *Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funkcionirovanie* [Bisubstantive Sentences in Russian: Structure, Semantics, Functioning]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2012. 292 p.
2. Kanakina G. I. [Formation of the Spiritual and Moral Personality of the Future Language Teacher]. In: Kanakina G. I., Rodionova I. G., eds. *Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 25–27 marta 2021 g.* [Language Policy and Issues of Humanitarian Education: Collection of Scientific Articles of the V International Scientific and Practical Conference, Penza, March 25–27, 2021]. Penza, Penza State University Publ., 2021, pp. 10–12.
3. Kormilitsyna M. A. [The Expediency of Using Expressive Means as One of the Indicators of the Communicative Competence of a Journalist]. In: Kormilitsyna M. A., ed. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 11* [Problems of Speech Communication: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Iss. 11]. Saratov, Saratov University Publ., 2011, pp. 12–19.
4. Kormilitsyna M. A. [Trends in Changes in the Stylistic Appearance of Traditional Journalistic Genres in the Modern Press]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech], 2018, no. 1 (17), pp. 67–72.

5. Leskova E. V. [Phraseology in the Scientific Text and Features of Its Study in the Classroom for Russian as a Foreign Language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2022, no. 2, pp. 30–38.
6. Norman B. Yu. *Pragmaticheskii potentsial russkoi leksiki i grammatiki* [Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyj uchyonij Publ., 2017. 464 p.
7. Otkidych E. V. [Pragmatic Potential of a Textual Brace by the Way]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2020, no. 1, pp. 255–266.
8. Poltavets T. A. [Some Functional and Stylistic Features of Popular Science Texts in the Mass Media Discourse (On the Example of the Materials of the Newspaper “Troitsky Variant”)]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and People], 2015, no. 1, pp. 111–117.
9. Prokhvatilova O. A. [Modern Popular Science Text in the Aspect of Dialogue]. In: *Filologiya v XXI veke* [Philology in the XXI Century], 2021, no. 1 (7), pp. 40–47.
10. Sheremeteva E. S., Starodumova E. A., Tyurin P. M., eds. *Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte* [Service Words in the Lexicographic Aspect]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2017. 1 CD-ROM.
11. Soboleva O. V. [Teaching Potential of the Popular Science Text: On the Issue of the Expressiveness of Scientific Speech]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 3, pp. 84–87.
12. Solganik G. Ya. [Modern Russian Style: Problems, Tasks, Prospects]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism], 2008, no. 4, pp. 8–13.
13. Steksova T. I. [Explanatory Constructions in Scientific Discourse: Genre Preferences]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech], 2020, no. 4 (28), pp. 278–286.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Родионова Инесса Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета;
e-mail: Inessa96@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inessa G. Rodionova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department "Russian Language and Russian Language Teaching Methods", Penza State University;
e-mail: Inessa96@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Родионова И. Г. Научно-популярные тексты о русском языке в журнале для школьников «Костёр»: структура, тематика, языковые особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 37–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-37-48

FOR CITATION

Rodionova I. G. Popular Science Texts about the Russian Language in the “Koster” Magazine for Schoolchildren: Structure, Theme, Language Features. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 37–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-37-48

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-49-59

СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОГО КОМПЛЕКСА В ТЕЧЕНИЕ / В ТЕЧЕНИИ БОЛЕЗНИ: МОРФОСИНТАКСИС И СЕМАНТИКА

Сарайкин И. В.

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать в синхронно-диахронной перспективе механизм семантической и грамматической эволюции предложно-падежного комплекса *в течение (в течении)* в сочетаниях с существительными семантической группы «болезни».

Процедура и методы. Описание предполагает проведение корпусного исследования-эксперимента, позволяющего при помощи количественно-статистического метода отследить появление и дальнейшую динамику развития конструкций, оценить частотность их употребления, а также степень морфологического «застывания» для более точного определения категориального статуса.

Результаты. Сочетания, построенные по схеме [в + течение (течении) + S_{R: ABSTR & T DISEASE}], различны как по категориальному статусу (свободные сочетания, сочетания в процессе грамматического «застывания» и предлоги), так и по значению. Дополнительные оттенки значения – причинно-следственная и условная семантика – отмечаются у предлогов и «застывающих» сочетаний. Общий путь семантических изменений согласуется с локалистской гипотезой о первичности пространственной семантики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявление и учёт критериев морфологического застывания (грамматикализации) предложно-падежных сочетаний позволяет точнее определить их место в языковой системе, что оказывается важным этапом при составлении словарных статей.

Ключевые слова: диахрония, динамика, корпусная лингвистика, морфосинтаксис, предложно-падежные сочетания, семантика, синхрония

SYNCHRONIC AND DIACHRONIC ANALYSIS OF THE PREPOSITIONAL-CASE FORM *В ТЕЧЕНИЕ / В ТЕЧЕНИИ БОЛЕЗНИ*: MORPHO-SYNTAX AND SEMANTIC

I. Saraykin

Pushkin State Russian Language Institute
ul. Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to describe a general semantic and grammatical evolution path of the prepositional-case form *в течение (в течении)* in combination with words, related to the lexical group “diseases”, regarding it in both synchronic and diachronic perspectives.

Methodology. Current research involves a quantitative-statistic experiment, which makes it possible to trace the emergence and further evolutionary dynamics of several constructions, as well as to estimate the frequency of its usage and “freezing” degree for refining the grammatical status.

Results. Constructions, which are correlated with the scheme [в + течение (течении) + S_{R: ABSTR & T: DISEASE}] have a different grammatical status (free syntactic constructions, syncretic constructions, and prepositions), as well as different meanings. Syncretic constructions and prepositions can develop additional connotations, i.e. causative and conditional semantics. The general path of semantic changes verifies the localist hypothesis

Research implications. Identification of and allowance for the morphological “freezing” (grammaticalization) criteria of prepositional-case forms can determine their place in a language system more precisely, which is important in lexicographical practice.

Keywords: prepositional-case forms, morpho-syntax, semantic, synchrony, diachrony, dynamic, corpora linguistics

Введение

При рассмотрении семантической эволюции предложно-падежного сочетания *в течение (в течении)* в сочетаниях с абстрактными существительными семантической группы «болезни» (T: DISEASE) следует предварительно обозначить общий путь этой эволюции. Грамматикализация таких сочетаний – хрестоматийный пример диахронного развития новых функциональных элементов из лексических в русском языке. При этом диахронное развитие предлогов изучается не только на материале русского языка¹, но и на материале других языков (см., например, работы зарубежных исследователей, посвящённые комплексному анализу сложных французских предлогов: [8; 10]). Пространственно-временной переход произошёл довольно рано. Вероятно, темпоральное значение слова *течение* с этимологическим корнем **tek-* возникло одновременно с пространственным. Итак, в процессе развития рассматриваемого сочетания имел место метафорический перенос, являющийся начальным этапом грамматикализации (о метафоре «пространство-время» см., например, работу М. Хаспельмата [11]). Однако интересно, что, употребляясь в функции предлога (либо в функции сочетания в процессе «предложивания»), рассматриваемый предложно-падежный комплекс мог развивать дополнительные оттенки значения. При этом одним из необходимых условий для появления причинного оттенка значения предлога можно считать наличие в семантической структуре именной предложной синтагмы существительного с семой причины. Именно такими существительными являются слова,

которые можно условно объединить в класс «состояния болезни». Такую сочетаемость мы рассмотрим далее более подробно.

Локалистская гипотеза как попытка объяснения семантики падежей и предлогов

Прежде всего стоит отметить, что семантическая эволюция рассматриваемых в исследовании предложно-падежных сочетаний в целом согласуется с идеей локализма, с локалистской гипотезой, в соответствии с которой из пространственного значения вытекают непространственные. Для более полного понимания данного тезиса считаем уместным описать его подробнее. Идея локализма в философии языка, безусловно, не нова. Локализм возник с целью описания и объяснения семантики падежей, распространившись затем на другие категории языка (в частности, предлоги и предложно-падежные сочетания). Сразу же обратим внимание читателя на статью И. Нетушила «Локализм» [3], в которой проблема освещается более подробно. Скажем между строк, что в современной лингвистике работа по описанию падежных значений, конечно, не ограничивается только лишь «локалистской» точкой зрения, хотя, безусловно, учитывает её (работа в этом направлении осуществляется сотрудниками Института Славяноведения РАН – см. сборники статей по комплексному описанию значений падежей славянских языков («Творительный падеж в славянских языках» [5], «Локатив в славянских языках» [6]).

Мысль о первоначальном пространственном значении падежей в русском языке ярче всего выражена в «Исторической грамматике» Ф.И. Буслаева: «падежи сначала означали по преимуществу отноше-

¹ См.: [4]; [7]; Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2001. 363 с.

ния предметов в пространстве, а потом уже перешли к обозначению отношений между понятиями ... этот первоначальный период в истории падежей сокрыт от нас в эпохе доисторической, потому что уже в древнейших памятниках нашего языка видим падежи во всём их полном и богатом развитии, которым уже окончательно заключился период доисторического их образования» [1, с. 457].

Есть мнение, что основоположником идеи локализма следует считать византийского грамматиста Максима Плануда (1260–1305); его теорию описания падежей, созданную на материале греческого языка, Л. Ельмслев считает наиболее объективной и правильной. Вопрос о лингвистических взглядах М. Плануда является дискуссионным (см. подробнее в работе [9]).

Итак, локализм постулирует пространственные отношения единственно правильной основой для истолкования значений языковых конструкций: шаблоны для представления наиболее конкретных типов изменения и состояния (такие как, например, движение или существование в пространстве) служат основой для представления менее конкретных типов изменения и состояния. Одним из наиболее известных источников изучения этой концепции традиционно считается работа Л. Ельмслева «Категория падежа» («La catégorie des cas» [12]). Тем не менее, некоторые выдвинутые в статье тезисы признаются явно ошибочными (см. работу Ги Сербата (Guy Serbat) [15], критику С. Б. Бернштейна [5, с. 18–19], а также замечание А. В. Исаченко о том, что Л. Ельмслев «уводит читателя в дебри отвлечённых и бесплодных схем, не имеющих уже ничего общего с конкретными языковыми фактами» [2, с. 128]).

Дж. Лайонз определяет локализм как гипотезу, что пространственные выражения (*spatial expressions*) с лингвистической точки зрения являются базовыми и служат структурными шаблонами для других высказываний. Действительно, пространство играет важнейшую роль в процессе познания окружающего мира в целом и языка

в частности [13, р. 718]. Отсюда следует, что любые другие (непространственные) семантические отношения являются производными от пространственных. Однако тезис, что такой переход является однонаправленным, с нашей точки зрения, не является аксиомой и требует дополнительной верификации.

Дж. Лайонз различает строгую и слабую версии локалистской гипотезы и рассматривает её в связи с другими грамматическими понятиями, такими как аспектуальность (*aspectuality*) и пропозициональная структура (*propositional structure*). Слабая версия гипотезы ограничивается утверждением, что единицы, выражающие временную семантику, исторически являются производными от единиц с пространственной семантикой. В соответствии со строгой формулировкой любые языковые структуры могут быть выражены в терминах пространства [цит. по 14, р. 37]. Например, при переводе в локалистскую терминологию высказывания 'это так', описывающего субъективную истинность некоторого положения вещей (*x*), потребуется приписать данному положению предикат существования: 'x существует' и 'субъект находится в x'. Сторонники строгой версии отмечают возможность перевода высказываний с любой заданной модальностью в подобную терминологию. Дж. Лайонз, например, доказывает, что аспектуальность может быть описана как абстрактное перемещение (*journey*) из одной (начальной) позиции в пространстве в другую (конечную). Точно таким же способом, по его мнению, можно описать формальную синтаксическую структуру высказывания. Так, логическое условие 'если *q*, то *p*' будет переведено на естественный язык с использованием соответствующего предиката – глагола движения: '*p* следует (идёт) за *q*' или 'из *q* следует *p*'.

Итак, схема семантических изменений предложно-падежных сочетаний, построенных по модели [в + течение (течении) + S_R: ABSTR & T: DISEASE] соответствует базовой локалистской схеме [пространство > время > причина (следствие, условие)]; связь с

пространством подтверждается тем, что в русском языке есть омонимичное свободное сочетание предлога и существительного в течениях (реки), где нет процесса грамматикализации).

Выборка. Хронологические и жанровые рамки

Перейдём теперь к установлению хронологических границ и рассмотрению жанровой специфики текстовых источников с интересующими нас последовательностями.

По данным основного корпуса НКРЯ, общее количество вхождений для последовательности [в + течение + S_R: ABSTR & T: DISEASE] составляет 30 вхождений. При этом в качестве расположенной после этой последовательности именной синтагмы могут выступать как существительные-гиперонимы (болезнь, заболевание, инфекция), так и гипонимы (эпилепсия, энцефалит, тиф, паралич, скарлатина, оспа, малярия, психоз, туберкулёз). При этом допускается орфографическая вариативность.

Последовательность в течении болезни

Устанавливая хронологические рамки, можно сказать, что последовательность *в течении болезни* появляется раньше других в публицистическом отчёте 1775 г. в следующем контексте (конкретный автор не указан): *при означенных обстоятельствах примечаются у больных разные в течении болезни, припадки и перемены*¹.

После этого последовательность не встречается в текстах вплоть до 1869 г. Второе употребление отмечается также в тексте публицистического стиля – в мемуарах русского офицера, участника Кавказской войны Ф. Ф. Торнау (1869): *в течении болезни ненависть моя к лекарственным снадобьям и к прописывавшему их штаб-доктору Тобольского пехотного*

*полка возросла до такой степени, что все мое внимание устремлялось к тому, чтобы завладеть микстурною бутылкой*². Далее последовательность в течении болезни в публицистическом стиле встречается только два раза: в журнале «Наука и жизнь» за 1950 г.³ и в журнале «Вечерняя Москва» за 1953 г.⁴. В более поздних текстах публицистического стиля основного корпуса НКРЯ мы её не находим⁵. В учебно-научных медицинских текстах такая последовательность встречается всего два раза (в монографии по психиатрии В. А. Гиляровского (1935)): *с другой стороны, нужно иметь в виду возможность при шизофрении аментивных состояний как отдельных эпизодов в течении болезни ...; как уже указывалось, в течении болезни могут быть периоды затихания, особенно во время возмужалости, наступления регул, беременности, но нередко те же моменты оказывают отрицательное воздействие*⁶.

² Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

³ *Вирховианство в настоящее время понимается шире, чем только признание ведущей роли клеточных и органических изменений в течении болезни*. См.: Гончаров П. П. За торжество идей И. П. Павлова (к итогам научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁴ *Второго и третьего марта были проведены соответствующие лечебные мероприятия, направленные на улучшение нарушенных функций дыхания и кровообращения, которые пока не дали существенного перелома в течении болезни*. См.: Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 4 марта 1953 г. // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁵ В газетном подкорпусе СМИ 2000-х гг. последовательность встречается всего 5 раз (начало 2000-х гг.); последнее употребление датировано 2008 г.: *Комментируя новые симптомы в течении болезни, врач отметил, что если человек чувствует дискомфорт, а не прошло и полгода с тех пор, как он прошёл обследование, следует повторно сделать флюорографию*. См.: Орлов Д. Во Львове не хватает медикаментов для лечения туберкулёза // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁶ Гиляровский В. А. Психиатрия // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

¹ Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ (1775) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

Последовательность в течение болезни

Несколько иную картину можно наблюдать для сочетания *в течение болезни*. Такое написание впервые зафиксировано в научной статье по медицине академика В. М. Бехтерева (1896 г.): ... больной также спал всю ночь превосходно, как никогда **в течение болезни**, но на другой день голос опять беспокоил больного по-прежнему¹.

Одно употребление отмечается в художественном тексте – в повести В. В. Вересаева «Записки врача» (1895–1900): ... выслушав больную, он стал тщательно и подробно расспрашивать её о состоянии её здоровья до настоящей болезни, о начале заболевания, о всех отправлениях больной **в течение болезни**².

В первой половине XX в. последовательность 5 раз употребляется в учебно-научных медицинских текстах: у В. М. Бехтерева (1908), В. Н. Золотницкого (1919), П. Б. Ганнушкина (1924) и В. А. Гиляровского (1935, 2 раза).

В публицистике последовательность встречается всего два раза: в мемуарах Н. А. Варенцова (1930–1935): ... ключ от несгораемого шкафа, сохранявшийся **в течение болезни** под подушкой, и был объектом его последних дум и желаний³ – и в журнале «Огонёк» за 1981 г.: надо подождать какое-то время, но с уверенностью можно утверждать, что Джуна обладает явной способностью вмешиваться **в течение болезни**⁴.

Последние два употребления последовательности в основном корпусе НКРЯ

¹ Бехтерев В. М. О слышании собственных мыслей // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

² Вересаев В. В. Записки врача // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

³ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое Записки врача // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁴ Власов С. По неизвестным ещё законам природы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

зафиксированы в тексте интервью (2002): ... нет даже инфекционного иммунитета, когда **в течение болезни** человек не может подхватить ту же инфекцию⁵ – и в научной монографии: до XIX в. термин кризис (греч. *κρίσις* – решение, поворотный пункт, исход) традиционно использовался в медицине и обозначал перелом **в течение болезни**, сопровождающийся быстрым понижением температуры и исчезновением всех признаков недуга⁶.

Количественное распределение по жанрам для последовательностей *в течение болезни* и *в течении болезни* представлено в табл. 1.

Другие последовательности

Другие последовательности единичны и встречаются только в текстах учебно-научного стиля. Ограничимся здесь простым их перечислением: *в течение тифа* (1863), *в течении психоза* (1926), *в течение эпилепсии, шизофрении и маниакально-депрессивного психоза* (1926), *в течение эпилепсии* (1926, 1935), *в течение энцефалита* (1935), *в течении паралича* (1935, 2 раза), *в течении скарлатины, оспы и малярии* (1935), *в течении заболевания* (1948), *в течении туберкулеза* (1969), *в течение инфекции* (2001), *в течение заболевания* (2003).

⁵ Шерстенников С. Доктор твоего // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁶ Полетаев А. В., Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022); Один раз последовательность встречается в корпусе региональной и зарубежной прессы (2012 год): *Обычно алкоголизм незаметен для самого человека, который чаще всего не понимает, что он болен не только на начальном этапе хронического алкоголизма, но и в течение болезни*. См.: В. Потапович, В. Рубанович. 7 июля – День профилактики алкоголизма // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

Таблица 1 / Table 1

Последовательности в течение болезни и в течении болезни в текстах разных стилей и жанров / Sequences в течение болезни and в течении болезни in texts of different styles and genres

№ п./п.	Последовательность	Сфера функционирования текста		
		публ.	учеб.-научн.	док. проза
1	в течение болезни	3	7	1
2	в течении болезни	5	2	0

Источник: данные автора.

Проблема определения категориального статуса последовательностей

Теперь рассмотрим подробнее морфологический статус данных последовательностей. Учитывая, что всякий алгоритм не лишён искусственности, мы тем не менее предлагаем следующий порядок действий. Выделим критерии оценки степени морфологического «застывания» и проанализируем с учётом этих критериев (морфосинтаксических тестов) интересующие нас последовательности.

Возможность замены сочетания *в течение / в течении* болезни на функциональный (грамматикализованный) предлог

Примеры допустимых замен

Если исходить из того, что в словах семантической группы «болезни» есть сема причины, то допустима, например, замена предложно-падежного сочетания на предлог *из-за* (актуализация причинно-следственной семантики). По данным корпуса, такая замена допустима для следующих сочетаний в функции предлогов:

– *измениться в течение болезни* (1935).

Глагол *измениться* мог вводить управление при помощи предлога *из-за*, актуализуя семантику причины. Примеры употребления причинного предлога *из-за* с глаголами *изменяться / измениться* в НКРЯ немногочисленны (всего 12 вхождений) и встречаются почти всегда только в публицистических текстах. Последние зафиксированные случаи употребления датируются началом XXI в.: *изменился из-*

за революции (2002), *всё изменилось из-за тяжёлой болезни* (2002);

– *не спал в течение болезни* (1896). В качестве управляемого именного компонента предлогов *из-за / от* в современном русском языке в подобных сочетаниях выступает уже не слово *болезнь*, но, как правило, существительное, обозначающее конкретное заболевание (*не спал от астмы*), симптом болезни (*ночь не спал от кашля и хрипения горла* (1899), *всю ночь я не спала из-за её кашля* (2001)), либо существительное *боль* с последующей конкретизацией (*три ночи не спала из-за диких болей в спине* (2009), *всю ночь не спал из-за зубной боли* (1944–1946));

– *развиваться в течение болезни* (1935). С глаголом *развиваться* сочетание функционирует в роли предлога, а значит, может развивать причинную семантику. В корпусе мы обнаружили следующие однотипные выражения, в которых возможна актуализация причинной семантики при помощи синонимичных причинных предлогов: *помутнение роговой оболочки*, *развившиеся вследствие заболеваний*; *приступы развились после инфекций*; *бессонница развилась после малярии (=из-за)*.

Пример семантического ограничения

В некоторых контекстах подобную замену произвести нельзя. Так, переносное значение слова *перелом* ('резкое изменение в развитии чего-н.') в словосочетании *перелом в течение (течении) болезни* не допускает, например, замены предложно-падежного сочетания *в течение (в течении)* на предлог *при*: **перелом при болез-*

ни. Существительное *перелом* допускает при себе предложно-падежные формы с семантикой причины, только если оно употребляется в своём прямом значении ('нарушение целостности кости у человека, животного'): ... *хвататься за него полностью вытянутыми конечностями не рекомендуется – опять же гарантированы переломы при лобовом столкновении, даже на невысокой скорости* (2002)¹; ... *Лара слегка смешалась, а Форов, вертя себе толстую папироску, продолжал развивать, где, в каких местах обыкновенно всего чаще и всего естественнее бывают вывихи и переломы при падениях с лестниц, и затем добавил, что о вывихе плеча при подобном случае он слышит первый раз в жизни*² (1870); *Ну что ж, всё это было предсказуемо, разом превратилась в философа Вера Николаевна. Как переломы от падений в гололёд. Как милицейская жатва алкашей по Городу по пятницам для вытрезвителя*³ (2016).

Возможность элиминации одного из компонентов предложно-падежного сочетания без искажения общего смысла

Существительные, которые связываются со словом *болезнь* и его гипонимами при помощи предложно-падежной формы *в течение*, должны быть отглагольными. Очевидно, что, если связи с производящим глаголом у существительного нет, замена предложно-падежного сочетания *в течение* на функциональный предлог с семантикой причины не допустима. Так, сочетание *эпизоды в течении болезни* (1935) предполагает возможность замены на беспредложные сочетания – *эпизоды течения болезни, эпизоды болезни* (1 вхождение), а варианты **эпизоды из-за болезни, *эпизоды от болезни* грамматически

некорректны. На этом основании можно говорить о том, что перед нами свободное сочетание. То же справедливо для сочетаний *вмешиваться в течение болезни* (1981), *перелом в течение (течении) болезни, изменения в течении болезни* (1950) (в корпусе зафиксированы сочетания *вмешиваться в болезнь* (1 вхождение), *перелом в болезни* (7 вхождений), *изменения течения болезни* (1 вхождение)).

Возможность вставки модификатора

[в + *mod* + течение + S_{rabstr} & t:disease]

В учебном пособии по медицине В. А. Гиляровского один раз встречается подобный контекст: *В дальнейшем течении болезни вместе с нарастанием слабоумия всё больше увеличивается безразличие*⁴ (1935). Кроме этого, в корпусе есть пример из более раннего учебного пособия по медицине В. Х. Кандинского: *однако, мы не имели случая наблюдать у больной ни в недавнем прошедшем, ни раньше галлюцинаций, а также и в позднейшем течении болезни мы таковых у неё не замечали*⁵ (1886).

Возможность формального изменения именного компонента

Такая вариативность свидетельствует о неустоявшейся орфографической норме. Если в корпусе зафиксированы синонимичные сочетания с простым функциональным предлогом с семантикой причины, т. е. первый критерий выполняется (1 – да), но при этом основной компонент стоит в форме предложного падежа (выполняется четвёртый критерий, 4 – да), в таком случае мы констатируем, что сочетание находится в процессе «опредложивания»: перед нами синкретичная единица.

¹ Навыки: как правильно сидеть за рулём // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

² Лесков Н. С. На ножах // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

³ Шапко В. М. Синдром веселья Плуготаренко // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁴ Гиляровский В. А. Психиатрия // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

⁵ Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинация // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

Сводная таблица

Мы можем заключить, что для предлога должен выполняться критерий (1), а критерии (2–4) работать не должны (1 – да, 2 – нет, 3 – нет, 4 – нет) (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Оценка некоторых последовательностей с точки зрения критериев морфологического «застывания» / Evaluation of some sequences considering morpho-syntax “freezing” criteria

Последовательность	№ критерия				Статус
	1	2	3	4	
сжигать в течение болезни	да*	нет	нет	нет	предлог
замечать в течение тифа	да*	нет	нет	нет	предлог
не спать в течение болезни	да	нет	нет	нет	предлог
измениться в течение болезни	да	нет	нет	нет	предлог
подхватить в течение болезни	да*	нет	нет	нет	предлог
отмечать в течение заболевания	да	нет	нет	нет	предлог
распознаётся в течение инфекции	да*	нет	нет	нет	предлог
проявляться в течении туберкулеза	да ¹	нет	нет	да	синкретизм
наблюдаться в течении паралича	да	нет	нет	да	синкретизм
ремиссии в течении паралича	да	да ²	нет	да	синкретизм
вмешиваться в течение болезни	нет	да	да	да	св. сочетание
перелом в течение болезни	нет	да	да	да	св. сочетание
эпизоды в течении болезни	нет	да	да	да	св. сочетание
изменения в течении болезни	нет	да	да	да	св. сочетание
разница в течении заболевания	нет	да	да	да	св. сочетание

Источник: данные автора

Примечания к табл. 2

Критерий 1. Если критерии (2) и (3) не выполняются (т. е. перед нами предлог или сочетание в процессе «опредложивания»), то автоматически выполняется критерий (1). При этом корпус может не фиксировать последовательности с функциональным предлогом с семантикой причины ([PR + S_R: ABSTR & T: DISEASE]), но такая замена функциональным предлогом допустима в данном контексте: *сжигать в течение (=из-за, при) болезни* и др. Такие не зафиксированные в корпусе, но допустимые замены отмечены (*) в столбце (1).

Критерий 2. При оценке сочетаний в процессе «опредложивания» с точки зрения возможности вставки модификатора учитывается тот факт, что по данным корпуса могла «разрываться» только последовательность *в течение болезни* (другие случаи не засвидетельствованы). Если пренебречь этой условностью, можно сказать, что и эти сочетания допускают возможность вставки элемента-модификатора.

Критерий 3. Критерий выполняется, если в корпусе засвидетельствована вариативность написания предложно-падежного сочетания в другом таком же контексте (*перелом в течении (течение) болезни*). Если такая вариативность в корпусе не зафиксирована, то модификация именного компонента предлога (или сочетания в процессе «опредложивания») считается допустимой, если есть отличие от канонического с точки зрения современного русского языка написания (форма стоит в предложном падеже).

¹ Ср. допустимое сочетание *проявления при инфекции*.

² Ср. однократное употребление предложно-падежной формы в болезни при глаголе *давать* в НКРЯ: *Мёд мне дают в болезни, с ложечки*. См.: Крюкова Е. Н. Яства детства // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

Заключение

На основании анализа некоторых типовых последовательностей, зафиксированных в НКРЯ, можно сделать вывод, что в комплексах [в + течение + S_R: ABSTR & T: DISEASE] предложно-падежное сочетание различается с точки зрения морфологического статуса. В статусе предлога и не до конца «опредложенного» синкретичного сочетания в таких комплексах эта предложно-падежная форма развивает дополнительную причинно-следственно-условную семантику. Жанровая характеристика источников, безусловно, коррелирует с употреблением в них рассмотренных последовательностей: большинство текстовых источников можно охарактеризовать как пограничную в жанровом отношении прозу.

Конечно, выделенные критерии не говорят в полной мере о строгой соотносённости сочетаний с тем или иным морфологическим классом, деление здесь, скорее, крайне условно; дальнейшее совершенствование таких критериев – дело лингвистики будущего. Перспективно исследование в русле разработки методов количественного измерения и оценки степени морфологического «застывания», которая, безусловно, будет способствовать созданию более точных и правильных школьных и университетских грамматик русского и других языков.

Наконец, наблюдение над семантикой предлогов, предложно-падежных сочетаний и других языковых единиц в диахронии,

установление более тонких закономерностей семантической эволюции необходимо для понимания и описания действия когнитивных механизмов языка. Здесь, однако, возникает целый ряд вопросов. Например, можно ли утверждать, что локалистская гипотеза является языковой универсалией? Если это предположение верно, то в таком случае следует говорить о локалистской теории. В научной литературе можно встретить оба термина (*localist hypothesis* и *localist theory*), так что статус локализма остаётся не вполне определённым. Может быть, это всего лишь относительно устойчивая тенденция развития слов? В таком случае возникает ещё один вопрос: есть ли в русском и других славянских языках такие предлоги, предложно-падежные сочетания или другие (в т. ч. переходные) классы, которые отступают от заданной схемы изменений: пространственная семантика > непространственная семантика? Возможен ли, например, обратный порядок? Для решения этих проблем необходимо проведение диахронно-статистических исследований. В свою очередь, для осуществления таких комплексных исследований необходимо технически совершенствовать и значительно упрощать работу с лингвистическими корпусами, что выходит за рамки классической лингвистики. Здесь необходим междисциплинарный, комплексный подход, который выведет классическую науку о языке на качественно новый уровень.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 628 с.
2. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: в 2 ч. Ч. 1. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1954. 386 с.
3. Нетушил И. В. Локализм // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. ССХУ. С. 269–296.
4. Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов: сборник статей / отв. ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 189–242.
5. Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Б. Бернштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 376 с.
6. Топоров В. Н. Локатив в славянских языках / отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 379 с.
7. Черкасова Е. Т. Переход полнзначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
8. Bango F. Participes présents, grammaticalisation et contraste: *pendant* et *obstant* (français / espagnol) // Le français en diachronie. Dépendances syntaxiques, Morphologie verbale, Grammaticalisation / ed. En. S. Prévost, V. Fagard. Berne: Peter Lang, 2015. P. 341–370.

9. Chanet A.-M. Maxime Planude, localiste? // *Histoire Épistémologie Langage. Études sur les grammairiens grecs, sous la direction de Jean Lallot*. 1985. T. 7. F. 1. P. 127–148.
10. Fagard B., Pinto de Lima J., Stosic D. Les prépositions complexes dans les langues romanes [Электронный ресурс] // *Revue Romane. Langue et littérature. International Journal of Romance Languages and Literatures*. 2019. Vol. 54. Iss. 1. URL: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/rro.00013.fag> (дата обращения: 20.08.2022).
11. Haspelmath M. *From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1997. 181 p.
12. Hjelmslev L. *La catégorie des cas. Etude de grammaire générale. Première partie*. Aarhus: Universitetsforlaget i Aarhus, 1935. 184 p.
13. Lyons J. *Semantics*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 371 p.
14. Parret H. Cognition, the Localist Hypothesis and Back to Kant // *Worlds Behind Words. Essays in Honour of Professor F. G. Droste on the Occasion of his Sixtieth Birthday* / eds. F. J. Heyvaert, F. Steurs. Leuven: Leuven University Press, 1989. P. 37–49.
15. Serbat G. L. Hjelmslev et la «Catégorie des cas»: contradictions et apories d'une pensée «totaliste» // *L'Information Grammaticale*. 1979. № 1. P. 11–15.

REFERENCES

1. Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 628 p.
2. Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Ch. 1* [Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology. Pt. 1]. Bratislava, Slovak Academy of Science Publ., 1954. 386 p.
3. Netushil I. V. [Localism]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1881, Ch. CCXY, pp. 269–296.
4. Seliverstova O. N. [The Semantic Structure of a Preposition]. In: Pajar D., Seliverstova O. N., eds. *Issledovaniya po semantike predlogov* [Studies on the Semantics of Prepositions]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, pp. 189–242.
5. Bernshtein S. B. *Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh* [Instrumental Case in Slavic Languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 376 p.
6. Toporov V. N. *Lokativ v slavyanskikh yazykakh* [Lokative in Slavic Languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 379 p.
7. Cherkasova E. T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Transition of Meaningful Words into Prepositions]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 280 p.
8. Bango F. Participes présents, grammaticalisation et contraste: *pendant et obstant* (français / espagnol). In: Prévost En. S., Fagard B., eds. *Le français en diachronie. Dépendances syntaxiques, Morphologie verbale, Grammaticalisation*. Berne, Peter Lang, 2015, pp. 341–370.
9. Chanet A.-M. Maxime Planude, localiste? In: *Histoire Épistémologie Langage. Études sur les grammairiens grecs, sous la direction de Jean Lallot*, 1985, vol. 7, f. 1, pp. 127–148.
10. Fagard B., Pinto de Lima J., Stosic D. Les prépositions complexes dans les langues romanes. In: *Revue Romane. Langue et littérature. International Journal of Romance Languages and Literatures*, 2019, vol. 54, iss. 1. Available at: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/rro.00013.fag> (accessed: 20.08.2022).
11. Haspelmath M. *From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages*. München, Newcastle, Lincom Europa, 1997. 181 p.
12. Hjelmslev L. *La catégorie des cas. Etude de grammaire générale. Première partie*. Aarhus, Universitetsforlaget i Aarhus, 1935. 184 p.
13. Lyons J. *Semantics*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1977. 371 p.
14. Parret H. Cognition, the Localist Hypothesis and Back to Kant. In: Heyvaert F. J., Steurs F., eds. *Worlds Behind Words. Essays in Honour of Professor F. G. Droste on the Occasion of his Sixtieth Birthday*. Leuven, Leuven University Press, 1989, pp. 37–49.
15. Serbat G. L. Hjelmslev et la «Catégorie des cas»: contradictions et apories d'une pensée «totaliste». In: *L'Information Grammaticale*, 1979, no. 1. pp. 11–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сарайкин Иван Валерьевич – ассистент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: sivvis2017@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Saraykin – Assistant, Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: sivvis2017@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сарайкин И. В. Синхронно-диахронный анализ предложно-падежного комплекса *в течение / в течении* болезни: морфосинтаксис и семантика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 49–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-49-59

FOR CITATION

Saraykin I. V. Synchronic and Diachronic Analysis of the Prepositional-Case Form *в течение / в течении* болезни: Morpho-Syntax and Semantic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 49–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-49-59

УДК 81'373.43: 821

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-60-71

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ПРИ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Цынк С. В.

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Дмитровградский инженерно-технологический институт (филиал)
433511, Ульяновская обл., г. Дмитровград, ул. Куйбышева, д. 294, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Проанализировать оценочные имена прилагательные при именах собственных, использованные А. И. Солженицыным в публицистических произведениях.

Процедура и методы. В исследовании представлены понятия оценки, оценочности, приведены классификации оценочной лексики, рассмотрены особенности оценочной квалификации лиц в текстах публициста. В работе использовался метод первичного лингвистического описания, метод компонентного анализа.

Результаты. По итогам изучения темы сделан вывод, что для произведений А. И. Солженицына характерно психологическое оценивание, при этом преобладают интеллектуальные оценки, а также знаки-прагмемы. Все оценки публициста – узуальные, общепринятые. Употребление адъективной оценочной лексики при именах собственных – это «авторская» черта языка А. И. Солженицына, способ воздействия на адресата.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость представленного классификационного описания определяется необходимостью исследования прилагательных характеристики лица – имени собственного – в произведениях публициста с целью дальнейшего системного анализа оценочной лексики этого автора.

Ключевые слова: имя собственное, классификация оценочной лексики, оценка, оценочность, оценочные имена прилагательные, публицистика, А. И. Солженицын

EVALUATIVE ADJECTIVES FOR PROPER NAMES IN PUBLICISTIC WORKS BY A. I. SOLZHENITSYN

S. Tsynk

*National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)
Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute (Branch)
ul. Kuibysheva 294, Dimitrovgrad 433511, Ulyanovsk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to analyze evaluative adjectives with proper names used by A. Solzhenitsyn in publicistic works.

Methodology. The paper presents the concepts of evaluation and evaluativity; the characterization of evaluative vocabulary is given; the features of evaluative qualification of persons in the texts of a publicist are considered. Use is made of the method of primary linguistic description and the method of component analysis.

Results. Based on the results of the study, we have found that the works of A. Solzhenitsyn are characterized by psychological assessment, with predominating intellectual assessments, as well as by pragmeme signs. All assessments of the author are usual and generally accepted. The use of adjectival evaluative vocabulary with proper names is a feature of A. Solzhenitsyn's language and a way of influencing the addressee.

Research implications. The theoretical significance of the presented classification description is determined by the need to study the adjectives of the characteristics of a person – a proper name – in the works of a publicist for further systematic analysis of the author's evaluative vocabulary.

Keywords: proper name, classification of evaluative vocabulary, evaluation, evaluativeness, evaluative adjectives, journalism, A. I. Solzhenitsyn

Введение

Имена собственные являются идеальными идентификаторами, потому что «значения собственных имён отображают индивидуализированные объекты и в дополнительной актуализации они обычно не нуждаются» [12, с. 165]. Однако в текстах художественных и публицистических произведений наблюдается совсем иная картина: наличие большого числа эпитетов при собственных именах лица. И это вполне объяснимо. Личность в творении писателя или публициста – главный объект описания, разностороннего показа. Центральным объектом изображения в публицистическом и литературном произведении выступает человек, а все описываемые в тексте события и ситуации есть средство его всестороннего изображения.

В публицистике А. И. Солженицына активно используются адекватные оценочные лексические единицы со значением характеристики лица – имени собственного (48 слов). **Цель** работы – описать оценочные имена прилагательные при собственных именах как важное языковое средство идиостиля публициста, используемое для реализации авторских интенций. **Задачи** работы: 1) привести понятия оценки, оценочности, классификации оценочных слов как основ исследования; 2) рассмотреть особенности оценочной квалификации лиц в публицистических произведениях А. И. Солженицына; 3) проанализировать определители при именах собственных с точки зрения раскрытия их содержания в определённой «текстовой зоне», фрагменте текста; 4) сделать вывод о роли адекватных оценочных слов – характеристик лица в реализации функций текста. **Объект** исследования – прилагательные – характеристики собственного имени, функционирующие в публицистике А. И. Солженицына.

Предмет изучения – слова с оценочной семантикой при антропонимах в аспекте возможности их воздействия на адресата. В работе использовались метод первичного лингвистического описания, т. е. отбор, систематизация и описание языкового материала; метод компонентного анализа (на основе статей толковых словарей и контекстуальной реализации семантики лексемы). Материалом для исследования служат публицистические произведения А. И. Солженицына, вошедшие в собрание сочинений автора в 9 томах (том 7 и 8), изданное в Москве в 1999–2005 гг.

Категория оценки в лингвистике

Категория оценки выявляется на всех уровнях языка, она связана с внутренним миром человека, и поэтому изучение оценки в языке – это многоаспектный и во многом спорный вопрос. Исследованию оценочной лексики посвящены работы Е. А. Важаевой [4], Е. П. Волковой [6], Н. И. Голубникова [8], И. М. Джафаровой и О. В. Моргуновой [10], В. С. Кабардиной [11], С. О. Малевинского и С. А. Ахмадзаи [18], Н. А. Прокофьевой и Е. А. Щегловой [25], С. С. Фомина [28] и др. М. Л. Лебедева [14], У. О. Малярчук-Прошина и К. В. Светличная [19] подчёркивают важную роль лексики данного типа при воздействии на читателя публицистического текста. Оценочная лексика – это своеобразная подсистема; она совмещает функцию замещения (обозначение субъектом отношения объекта к стереотипу, соответствие или несоответствие ему) и функцию выражения (обозначение субъектом ценностного отношения к объекту) [7, с. 34]. Имена прилагательные, по наблюдениям Н. Н. Беловой [3], А. Р. Минемуллиной [24], являются одним из регулярных и важ-

ных средств выражения оценочного значения. Признаки, отображаемые именами прилагательными, объективно не принадлежат объекту (в настоящем исследовании – лицу), а формируются в результате умозаключений субъекта. Так же, как и Н. Д. Арутюнова [1], Е. М. Вольф [7] и др., понимаем оценку как отрицательную или положительную характеристику объекта, данную на основе мыслительной деятельности говорящего, анализа им той или иной ценности. Определяем оценочность, опираясь на исследование В. А. Марьянчик [23, с. 77], как языковое выражение категории оценки, выявляющее качества предмета, лица, явления. Существует множество классификаций оценочных слов. На наш взгляд, наиболее обоснованными и подробными являются классификации, представленные в работах Т. В. Маркеловой [20; 21; 22] и Н. Д. Арутюновой [2]. Т. В. Маркелова полагает, что оценка – это функционально-семантическая категория, она проявляется в ценностном отношении субъекта к определённом объекту. Исследователь сопоставляет три типа оценочных знаков – функции (значение лексемы включает оценку), коннотации (приобретают оценку только в контексте), прагмемы (в их лексическом значении выявляется оценочный компонент (сема или семема). Н. Д. Арутюнова выделяет два типа значений: общеоценочные (в их реализации участвуют синонимические ряды с доминантами «плохой» и «хороший») и частнооценочные (характеризуют отдельные аспекты объекта). К частнооценочным значениям Н. Д. Арутюнова относит гедонистические (сенсорно-вкусовые), интеллектуальные и эмоциональные (психологические), утилитарные, эстетические, нормативные, телеологические оценки. Вслед за исследователем под сенсорно-вкусовыми оценками понимаем оценки, связанные с чувственным опытом, ощущениями. Интеллектуальные оценки – это оценки мира с рациональных позиций; эмоциональные оценки отражают чувства и эмоции человека. Эстетические оценки приписывают объекту эстетическую

ценность. Утилитарные оценки сводят впечатления к общему знаменателю: «полезно / вредно»; нормативные – соотносят предмет с определённой нормой; телеологическая оценка имеет отношение к целесообразности, цели.

Имена прилагательные-характеристики лица имени собственного в публицистике А. И. Солженицына

Компонент «очень хорошо» выявляется в двух оценочных именах прилагательных, употреблённых А. И. Солженицыным в публицистических произведениях, – *безупречный, блистательный* («превосходный») (это знаки-функции). Метафорическая оценка в контексте произведений автора характерна для лексем *оглядчивый* и *фонтанирующий* (это знаки-коннотации). К прагмемам относятся слова: *безвольный, бездарный, безликий, безответственный, больной, беспечный, несчастный, воинственный, враждебный, вялый, глупый, дерзкий, достойный, знаменитый, искренний, кроткий, легковесный, малоизвестный, мечтательный, миролюбивый, многоликий, недооценённый, нерешительный, неумелый, непоследовательный, ничтожный, ослепительный, остроумный, предприимчивый, пустоголовый, раздумчивый, раздражённый, сердитый, сдержанный, сметливый, сумасбродный, себялюбивый, терпеливый*. Например, имя прилагательное *ничтожный* имеет денотативную сему 'качество', оценочную сему – 'мелкий, жалкий'. Слово можно интерпретировать как неодобрительное ('плохой'). Таким образом, публицист (субъект оценки) основывается на конкретных признаках и качествах объекта оценки, делает выводы.

Интеллектуальные оценки-характеристики представлены в большинстве анализируемых словоупотреблений (39). Ряд имён прилагательных обозначает черты характера общественных и политических деятелей, исторических лиц.

1. *Всегда такой оглядчивый, сдержанный, терпеливый* Алексеев ... подписал

фантастическую телеграмму, призывающую генералов переступить свою генеральскую компетенцию и судить о судьбах императорского трона¹.

Имя прилагательное *оглядчивый* находится вне литературной лексики. А. И. Солженицын использует в этом контексте слово из Словаря В. И. Даля *оглядчивый* («у кого привычка часто оглядываться назад») ² в переносном значении – «действовать с оглядкой на прошлое».

2. Наиболее изю всех *раздумчивый Шрагин* настойчиво убеждает нас: «дело не в марксистской идеологии, а в нас самих»³.

Лексема *раздумчивый*, которую употребляет публицист, является разговорной («склонный к раздумью, размышлению») ⁴. По наблюдениям Л. Г. Смирновой [27, с. 213], оценочный компонент семантики производного слова ярче проявляется тогда, когда слово является стилистически маркированным – книжным или, как в данном случае, разговорным.

3. Или, как выразился левый «Мидстрим» (*остроумный Макс Гельтман*)...⁵

4. ...откуда и зачем вытащили генерала Хабалова ... *бездарного, безвольного, глупого*⁶.

5. Почему при остром напряжении с хлебом в столице – его распределение поручено *безликому безответственному Вейсу*?⁷

6. Ещё обложка предупреждает нас, в чём будут состоять прогулки: *франтоватость беспечного Пушкина*...⁸

Прусского монарха Фридриха II А. И. Солженицын в статье «Русский вопрос к концу XX века» характеризует как *дерзкого*, т. е. «безрассудно смелого, отважного»⁹, а также как *сметливого* (хорошо и быстро соображающего)¹⁰.

Примеры:

7. ... *вмешательством России* остановлена война за польское наследство, война за австрийское наследство и *дерзкий Фридрих*¹¹.

8. Тем временем *сметливый* Фридрих сообразил, что на фоне кровоеобильной русско-турецкой войны очень удобно разделить Польшу¹².

9. Это – о Севастополе, которого и *сумасбродный Хрущёв* не догадался «подарить» Украине...¹³.

10. Как и к началу страшной Мировой войны царь застигнут был со своими избранцами – *легковесным* Сазоновым, *пустоголовым* Сухомлиновым, которые и воignали Россию в войну¹⁴.

Публицист включает в текст статьи наряду с нейтральным по стилю словом *легковесный* разговорное имя прилагательное *пустоголовый* со значением «бестолковый, глупый»¹⁵.

11. А *кроткий, чистый, почти безупречный Николай II*...¹⁶

¹ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 407.

² Оглядчивый // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 572.

³ Солженицын А. И. Наши плюралисты // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 572.

⁴ Раздумчивый // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 1070.

⁵ Солженицын А. И. Наши плюралисты // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 318.

⁶ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 395.

⁷ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 395.

⁸ Солженицын А. И. Колеблет твой треножник // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 434.

⁹ Дерзкий // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 253.

¹⁰ Сметливый // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 1218.

¹¹ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2005. С. 137.

¹² Там же. С. 146.

¹³ Там же. С. 197.

¹⁴ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 396.

¹⁵ Легковесный // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 490.

¹⁶ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 400.

В данном предложении синонимы предполагаются от семантически менее интенсивного к семантически более интенсивному, образуют градационный ряд.

12. *Может быть все предшествующие цари романовской династии были нравственно ниже Николая II, – и конечно Пётр, топтавший народную душу, и себя-любивая Екатерина...*¹

13. *Почему в эти испытательные недели России назначен премьер-министром... отрёкающийся от власти неумелый вялый князь Голицын?*²

Согласно Большому толковому словарю русского языка, лексема *вялый* имеет значение «лишённый живого интереса к окружающему, равнодушный и бездеятельный»³, она точно выражает отношение субъекта и эксплицирует дескриптивные свойства лица.

В следующих примерах автором определены внутренние качества человека с опорой на причины появления признака.

1. *Почему в эти испытательные недели России назначен премьер-министром... отрёкающийся от власти неумелый вялый князь Голицын?*⁴

В тексте работы «Размышления над Февральской революцией» использован лексема *неумелый* подчёркивается то, что названное лицо не владеет достаточным опытом, навыками, знаниями в политической деятельности.

2. *Но вот Пруссия, воинственный и предприимчивый Фридрих II захватил у Австрии Силезию...*⁵

Основание оценки *воинственный* – готовность к столкновению⁶, а оценки *предприимчивый* – обладание практической сметкой⁷.

А. И. Солженицын использует ряд оценочных слов – кратких прилагательных, или предикативов. Вопрос о месте предикатива в грамматической системе русского литературного языка является дискуссионным. Предикатив как новая, «гибридная», аналитическая часть речи всесторонне изучена П. А. Лекантом [15; 16], М. В. Дегтярёвой [9], А. А. Козловской [13], Д. А. Савостиной [26] и другими. Для них характерно широкое понимание предикатива (к нему относят и краткие прилагательные, и слова категории состояния).

В следующих примерах представлены отадективные предикативы, они демонстрируют читателю устойчивые, доминирующие черты характера исторического лица.

1. *А кроткий, чистый, почти безупречный Николай II... не прощён тем более, чем, не по месту, не по времени, был он кротче и миролюбивей*⁸.

Вслед за М. В. Дегтярёвой [9], Д. А. Савостиной [26] считаем компаративные формы *кротче, миролюбивей* «скрещёнными», произведёнными от основы положительной степени предикатива (*кроток, миролюбив*), а не прилагательного (*кроткий, миролюбивый*). Полагаем, что в контексте публицистического произведения данные формы экспрессивны, выражают интенсивность предикативного признака.

2. *Современники и историки сходятся в оценке характера Александра I: ... мечтателен, непоследователен, нерешителен, неуверен, многолик*⁹.

¹ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 400.

² Там же. С. 395.

³ Вялый // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 190.

⁴ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 395.

⁵ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2005. С. 137.

⁶ Воинственный // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 145.

⁷ Предприимчивый // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 961.

⁸ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 400.

⁹ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2005. С. 149.

Книжное слово *многоликий* в литературном языке употребляется по отношению к множеству людей и по отношению к абстрактным понятиям (жизнь, искусство и т. п.)¹. Однако, согласно данным Национального корпуса русского языка, конструкция «многоликий (многолик) + имя собственное» также находится в пределах узуса, встречается в публицистических и художественных текстах XX в. (18 контекстов)².

3. *И достоин уважения, безупречен серьёзностью и трудолюбием только Шингарёв*³.

Краткие прилагательные-характеристики имени собственного (*достоин, безупречен*) отражают результат оценочной деятельности субъекта – высокую положительную оценку. В выражении «безупречен серьёзностью и трудолюбием» наблюдается окказиональная лексическая сочетаемость.

Слово с компонентом оценки *фонтанирующий* приобретает в тексте публициста метафорическое значение. Сравним: фонтанирующая скважина (специальное)⁴ – *фонтанирующий Шульгин*⁵. Автор произведения осуществляет перенос наименования, основанный на сходстве действия: бить фонтаном (о жидкости и об идеях (переносное значение)). Метафора выполняет в данном предложении характеризующую функцию.

Интеллектуальную оценку содержат лексемы *мягкий* и *реакционный*. Эти иронически употреблённые слова публицист заключает в кавычки.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 368.

² Многоликий // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2010. С. 548.

³ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 419.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 886.

⁵ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 395.

Имя прилагательное *мягкий*, имеющее изначально положительное значение («кроткий, уступчивый, поддающийся какому-либо воздействию, напору»)⁶, в ироническом контексте приобретает противоположный заряд:

А «*мягкий*» Косыгин... – он, по стенограмме, на Политбюро советовал отправить меня в Вержоянск, чтоб я там уж и кончился⁷.

Употребление иронизма автором демонстрирует его критическое отношение к советскому государственному деятелю.

Реакционный, т. е. «действующий в интересах реакции, поддерживающий старое, отжившее в борьбе против нового, передового, прогрессивного»⁸. Реакционным был для образованщины, по мнению публициста, Ф. М. Достоевский, хотя для Запада, для всего мира он, напротив, был прогрессивным:

«*Реакционный*» Достоевский был и во все интеллигенцией ненавидим...⁹

Ирония А. И. Солженицына, обусловленная его менталитетом, является стилистической особенностью текстов анализируемых произведений.

С точки зрения известности-неизвестности, значимости даются публицистом интеллектуальные оценки Н. И. Подвойскому, И. М. Бикерману, Г. И. Успенскому.

1. *Арестовали – 5 большевиков, петербургский комитет, среди них сестру Ленина Анну Елизарову и вскоре знаменитого Подвойского*¹⁰.

⁶ Мягкий // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 567.

⁷ Солженицын А. И. Выступление в Новосибирском академгородке 28 июня 1994 // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2005. С. 233.

⁸ Реакционный // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 1108.

⁹ Солженицын А. И. Образованщина // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 105.

¹⁰ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 391.

2. Был такой *малоизвестный*... Иосиф Бикерман¹.

3. Сильно *недооценённый*, глубоко искренний Глеб Успенский...²

Имена прилагательные *недооценённый* и *искренний* интенсифицированы наречиями степени *сильно* и *глубоко*. Лингвисты квалифицируют подобные лексемы как слова с экспрессивно-синонимической семантикой [5]. В их лексическом значении наблюдается определённый уровень развития признака.

Эмоциональные оценки (содержатся в 5 словах) возникают, как правило, из тех ощущений, которые, независимо от самоконтроля и воли, испытывает автор. С эмоциональной сферой связана характеристика *ничтожный* («мелкий, жалкий, лишённый внутренней значительности»)³.

1. А если «профессиональному историку потребуется срочно под перо славянофил XX века, так... хватает *ничтожного* Шарапова и сдувает с него пыль в глаза⁴.

2. ... так и в Москву был назначен такой же *ничтожный* Мрзовский⁵.

Эмоционально-психические состояния объекта описания выражают адъективные лексические единицы *сердитый* («выражающий гнев, раздражение; проникнутый или вызванный такими чувствами»)⁶ и *раздражённый* («находящийся в состоянии возбуждения, раздражения»)⁷:

1. *Сердитый* на них [российских либералов] Бубликов ... справедливо писал о них...⁸.

2. ... об этом и все рефрены постоянно *раздражённого* Зиновьева⁹.

Имя прилагательное *бессчастный* уточняет и углубляет характеристику А. С. Пушкина:

Бессчастный наш Пушкин!¹⁰

В Словаре русского языка это слово имеет пометы «просторечное» и «устаревшее» («не имеющий счастья, удачи; несчастный»)¹¹.

Характеристику *искренний*, т. е. «выражающий подлинные мысли и чувства; правдивый, откровенный»¹², автор даёт Г. И. Успенскому. Это определение описывает чувственный мир лица.

Эмоциональные оценки, таким образом, представляют собой экспрессивную реакцию публициста на оцениваемое.

Нормативная оценка содержится в двух лексемах – *больной* и *враждебный*. Имена прилагательные – антонимы к этим словам – *здоровый* и *дружественный*. Примеры:

1. И к тем же дням... *возвратился* в ставку *больной* Алексеев...¹³

2. Не как врагов-плюралистов... не как *враждебного* Сияевского..., «единственно опасного из писателей эмигрантов», ... освободили из лагеря досрочно¹⁴.

¹ Солженицын А. И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Таймс» // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 391.

² Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 165.

³ Ничтожный // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 653.

⁴ Солженицын А. И. Наши плюралисты // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 304–305.

⁵ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 395–396.

⁶ Сердитый // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 1179.

⁷ Раздражённый // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 1069.

⁸ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 418.

⁹ Солженицын А. И. Наши плюралисты // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 299.

¹⁰ Солженицын А. И. Колеблет твой треножник // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 431.

¹¹ Бессчастный // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. С. 86.

¹² Искренний // Большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 399.

¹³ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 389.

¹⁴ Солженицын А. И. Наши плюралисты // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 305.

Эстетические оценки (выявлены в 2 словах) вытекают из синтеза психологических и сенсорно-вкусовых оценок. У А. И. Солженицына в эстетических оценках М. И. Цветаевой, А. В. Колчака и А. И. Непенина слиты зрительное ощущение и ментальная характеристика. В тексте письма IV всесоюзному съезду Союза советских писателей высокая эстетическая оценка эксплицирует уникальность поэта для русской культуры:

*Первое робкое впечатление **ослепительной** Цветаевой... было объявлено «грубой политической ошибкой»¹.*

Объекты описания (А. В. Колчак и А. И. Непенин) характеризуются способностью производить приятные впечатления:

*Только на флоты незадолго стали **блистательные** Колчак и Непенин, два самых молодых адмирала Европы...².*

Оценочная адеквативная лексика А. И. Солженицына отличается большим разнообразием: публицистом представлены и положительные (мелиоративные) оценки (*безупречный, безупречен, блистательные, воинственный, дерзкий («смелый»), достоин, знаменитый, искренний, кроткий, кротче, миролюбивей, недооценённый, оглядчивый, ослепительная, остроумный, предприимчивый, раздумчивый, «реакционный», сдержанный, сметливый, терпеливый, фонтанирующий, чистый*), и отрицательные (пейоративные) (*бездарный, безвольный, безликий, безответственный, несчастный, беспечный, больной, враждебный, вялый, глупый, легковесный, малоизвестный, мечтателен, многолик, «мягкий», неумелый, непоследователен, нерешителен, неуверен, ничтожный, пустоголовый, раздражённый, сердитый, себялюбивая, сумасбродный*).

Таким образом, для публицистических произведений А. И. Солженицына харак-

терно психологическое оценивание, преобладают интеллектуальные оценки, а также знаки-прагмемы. Все оценки автора – узальные, общепринятые для всего языка, ингерентные (термин Н. А. Лукьяновой) [17]. Используются наиболее типичные для выражения оценки в языке качественные имена прилагательные, выполняющие двойную функцию – денотативную и субъективно-характеризующую. Качественные имена прилагательные со значением характеристики лица – имени собственного у А. И. Солженицына служат одним из основных элементов описания ведущих черт характера, а также внутреннего психологического состояния героя.

Заключение

Как мы подчёркивали, А. И. Солженицын – автор, «глубоко проникающий в законы родной речи, стремящийся использовать до предела её возможности» [29, с. 26]. Высокой значимостью для публициста обладают качественные характеристики личных имён, реализуемые категорией имён прилагательных. Автор использует, как правило, имена прилагательные, обозначающие неочевидные признаки человека. Выбор оценочных слов А. И. Солженицыным диктуется описанием реальных лиц, формирует определённый взгляд на эти лица. Даже метафорическое употребление оценочных имён прилагательных придаёт речи публициста выразительность. Оценочные имена прилагательные отражают мировоззрение, духовный облик А. И. Солженицына, являются важным языковым средством идиостиля автора. Публицист выступает и как ценитель (употребляет прилагательные с положительной оценочной семантикой), и как критик (использует слова с отрицательной оценочной семантикой). Оценка признака человека с точки зрения автора служит средством воздействия на читателя (слушателя), способствует более глубокому пониманию авторской позиции.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

¹ Солженицын А. И. Письмо IV всесоюзному съезду Союза советских писателей // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 8.

² Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А. И. Публицистика: собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА: Книжный клуб, 2001. С. 396.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Белова Н. Н. Семантика оценки в именах прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 27 с.
4. Важаева Е. А. Оценочная лексика как способ презентации качества в рекламе товаров для детей // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 5. С. 177–194.
5. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 213–219.
6. Волкова Е. П. Оценочная лексика в контекстах с семантикой необдуманности действия // Педагогическое образование и наука. 2020. № 4. С. 86–88.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Голубников Н. И. Оценочная лексика как способ формирования образа политического деятеля // Язык, культура и литература: ежегодник. Волгоград: Абсолют, 2021. С. 10–15.
9. Дегтярёва М. В. Частеречный статус предикатива. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 162 с.
10. Джафарова И. М., Моргунова О. В. Оценочная лексика в русском языке греко-латинского происхождения // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: материалы IV Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов, 10–12 апреля 2019 г. Екатеринбург: Уральский государственный медицинский университет, 2019. С. 132–135.
11. Кабардина В. С. Роль и значение оценочной лексики в законодательстве Российской Федерации // Право и законность: вопросы теории и практики: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, 13 февраля – 24 апреля 2020 г. Абакан: Хакассский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, 2020. С. 97–98.
12. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М.: Едиториал УРСС, 2009. 218 с.
13. Козловская А. А. Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 104–111.
14. Лебедева М. Л. Функции оценочной лексики в сетевом медиатексте // Медиалингвистика: материалы VI Международной научной конференции, 30 июня – 2 июля 2022 г. СПб.: Медиапайпер, 2022. С. 738–742.
15. Лекант П. А. Часть речи предикатив // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. М.: МПУ, 1995. С. 3–8.
16. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: МГОУ, 2007. 213 с.
17. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Новосибирск Наука, 1986. 230 с.
18. Малевинский С. О., Ахмадзаи С. А. Телеологические оценки и их языковое выражение // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. № 3 (136). С. 107–114.
19. Малярчук-Прошина У. О., Светличная К. В. Оценочная лексика в публицистике // Наука сегодня: вызовы и решения: материалы международной научно-практической конференции, 27 марта 2019 г. Вологда: Маркер, 2019. С. 104–108.
20. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Московский государственный университет печати имени Ивана Фёдорова, 2013. 300 с.
21. Маркелова Т. В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592.
22. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019. 232 с.
23. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: Едиториал УРСС, 2013. 272 с.
24. Минемуллина А. Р. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015. 264 с.
25. Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Особенности обращения к оценочной лексике в журнале «Вокруг света» первого периода // Медиалингвистика: материалы V Международной научной конференции, 30 июня – 2 июля 2021 г. СПб.: Медиапайпер, 2021. С. 374–378.

26. Савостина Д. А. Использование форм предикатива в русской литературе 1 трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
27. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2013. 610 с.
28. Фомин С. С. Оценочная лексика в статье Н. С. Лескова «О русской иконописи» // Мир Н. С. Лескова: поэтика, прагматика, стилистика: сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, 18 февраля 2021 г. / под ред. А. В. Антюхова, О. А. Головачевой, И. И. Кютиной, Н. В. Трошиной. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2021. С. 408–411.
29. Цынк С. В. Собственно лексические архаизмы в произведении А. И. Солженицына «Двести лет вместе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 1. С. 24–30.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Belova N. N. *Semantika otsenki v imenakh prilagatel'nykh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of Evaluation in Adjectives: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2011. 27 p.
4. Vazhdaeva E. A. [Evaluative Vocabulary as a Way of Presenting Quality in Advertising Goods for Children]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities], 2020, vol. 162, no. 5, pp. 177–194.
5. Vinogradov V. V. [The Main Types of Lexical Meanings]. In: Vinogradov V. V. *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 213–219.
6. Volkova E. P. [Evaluative Vocabulary in Contexts with the Semantics of Thoughtlessness of Action]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2020, no. 4, pp. 86–88.
7. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p.
8. Golubnikov N. I. [Evaluative Vocabulary as a Way of Forming the Image of a Political Figure]. In: *Yazyk, kul'tura i literatura* [Language, Culture and Literature]. Volgograd, Absolyut Publ., 2021, pp. 10–15.
9. Degtyaryova M. V. *Chasterechnyi status predikativa* [Partial Status of the Predicative]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2007. 162 p.
10. Dzhafarova I. M., Morgunova O. V. [Evaluative Vocabulary in the Russian Language of Greek–Latin Origin]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi meditsinskoj nauki i zdorovohraneniya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchennykh i studentov, 10–12 aprelya 2019 g.* [Topical Issues of Modern Medical Science and Health Care: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, April 10–12, 2019]. Yekaterinburg, Ural State Medical University Publ., 2019, pp. 132–135.
11. Kabardina V. S. [The Role and Significance of Evaluative Vocabulary in the Legislation of the Russian Federation]. In: *Pravo i zakonnost': voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 13 fevralya – 24 aprelya 2020 g.* [Law and Legality: Issues of Theory and Practice: Collection of Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference, February 13 – April 24, 2020]. Abakan, Hakas State University named after N. F. Katanov Publ., 2020, pp. 97–98.
12. Kacnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of Language and Speech Thinking]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009. 218 p.
13. Kozlovskaya A. A. [Personal Forms of the Predicative with the Semantics of Positive Expression in the Lyrics of A. Akhmatova]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2021, no. 1 (24), pp. 104–111.
14. Lebedeva M. L. [Functions of Evaluative Vocabulary in the Network Media Text]. In: *Medialingvistika: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 30 iyunya – 2 iyulya 2022 g.* [Medialinguistics: Materials of the VI International Scientific Conference, June 30 – July 2, 2022]. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2022, pp. 738–742.
15. Lekant P. A. [Part of Speech Predicative]. In: *Struktura, semantika i funkcionirovanie v tekste yazykovykh*

- edinitis* [Structure, Semantics and Functioning in the Text of Language Units]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1995, pp. 3–8.
16. Lekant P. A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical Categories of Words and Sentences]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2007. 213 p.
  17. Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya. Problemy semantiki* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use. Problems of Semantics]. Novosibirsk, Novosibirsk Nauka Publ., 1986. 230 p.
  18. Malevinsky S. O., Akhmadzai S. A. [Teleological Assessments and Their Language Expression]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], 2019, no. 3 (136), pp. 107–114.
  19. Malyarchuk-Proshina Yu. O., Svetlichnaya K. V. [Evaluative Vocabulary in Journalism]. In: *Nauka segodnya: vyzovy i resheniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27 marta 2019 g.* [Science Today: Challenges and Solutions: Materials of the International Scientific and Practical Conference, March 27, 2019]. Vologda, Marker Publ., 2019, pp. 104–108.
  20. Markelova T. V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and Semantics of Means of Expressing Evaluation in Russian]. Moscow, Ivan Fedorov Moscow State University of Printing Arts Publ., 2013. 300 p.
  21. Markelova T. V. [Sign-pragmeme as a Semiotic Dominant of the Axiological Field]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 581–592.
  22. Markelova T. V., Petrushina M. V. *Otsenochnye vyskazyvaniya v kommunikativnom prostranstve russkogo yazyka* [Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian Language]. Moscow, Institute of Contemporary Art Publ., 2019. 232 p.
  23. Mar'yanchik V. A. *Aksiologichnost' i otsenochnost' media-politicheskogo teksta* [Axiological and Evaluative Media-political Text]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2013. 272 p.
  24. Minemullina A. R. *Otsenochnye prilagatel'nye v yazyke sovremennykh sredstv massovoi informatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Estimated Adjectives in the Language of Modern Media: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kirov, 2015. 264 p.
  25. Prokof'eva N. A., Shcheglova E. A. [Peculiarities of Addressing Evaluative Vocabulary in the Journal "Vokrug Sveta" of the First Period]. In: *Medialingvistika: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 30 iyunya – 2 iyulya 2021 g.* [Medialinguistics: Materials of the V International Scientific Conference, June 30 – July 2, 2021]. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2021, pp. 374–378.
  26. Savostina D. A. *Upotreblenie form predikativa v russkoi literature 1 treti XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Use of Predicative Forms in Russian Literature of the 1st Third of the Twentieth Century: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 22 p.
  27. Smirnova L. G. *Leksika russkogo yazyka s otsenochnym komponentom znacheniya: sistemnyi i funktsional'nyi aspekty: dis. ... d-ra filol. nauk* [Vocabulary of the Russian Language with an Evaluative Component of Meaning: Systemic and Functional Aspects: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Smolensk, 2013. 610 p.
  28. Fomin S. S. [Estimated Vocabulary in the Article by N. S. Leskov "On Russian Icon Painting"]. In: Antyuhov A. V., Golovacheva O. A., Kiyutina I. I., Troshina N. V., eds. *Mir N. S. Leskova: poetika, pragmatika, stilistika: sbornik dokladov uchastnikov Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18 fevralya 2021 g.* [World of N. S. Leskov: Poetics, Pragmatics, Stylistics: Collection of Reports of Participants of the National Scientific and Practical Conference, February 18, 2021]. Bryansk, Bryansk State University named after I. G. Petrovsky, 2021, pp. 408–411.
  29. Tsynk S. V. [Actually Lexical Archaisms in the Work of A. I. Solzhenitsyn "Two Hundred Years Together"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2012, no. 1, pp. 24–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цынк Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Национального исследовательского ядерного университета МИФИ Дмитровградского инженерно-технологического института;
e-mail: stsynk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Tsynk – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Humanities, Branch of the National Research Nuclear University MEPhI of the Dimitrovgrad Institute of Engineering and Technology;
e-mail: stsynk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цынк С. В. Оценочные прилагательные при именах собственных в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 60–71.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-60-71

FOR CITATION

Tsynk S. V. Evaluative Adjectives for Proper Names in Publicistic Works by A. I. Solzhenitsyn. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 60–71.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-60-71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'37:81'38+82-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-72-84

СООТНЕСЁННОСТЬ ЭПИГРАФОВ И ТЕКСТА В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопрос о роли повторов в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», а также художественную функцию эпиграфов, их значение в этом произведении.

Процедура и методы. В работе проведён стилистико-семантический анализ, особое внимание обращено на устойчивое повторение многих мотивов и образов, отдельных слов и выражений, на сопоставление эпиграфов и текста этой пушкинской повести.

Результаты. Автор исследования предполагает, что некоторые повторы в «Пиковой даме» не рассчитаны на напоминание о прежних употреблении и возникают случайно. Но большинство пушкинских самоповторений использовано вполне сознательно, продуманно и несёт определённую эмоционально-экспрессивную нагрузку. Делается вывод, что Пушкин сумел достичь в своей повести точного соотнесения эпиграфа и текста, искусно использовать художественные повторы как авторский литературный приём, проявляющийся на разных уровнях его поэтики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определение художественной функции эпиграфов и их взаимоотношения с текстом «Пиковой дамы» может иметь значение для комментирования пушкинской повести, выявления многозначности и многоплановости основных персонажей произведения, его философской проблематики, в частности проблемы необходимости и случайности. В «Пиковой даме» явственно просматривается переключка фабульной ситуации и лексико-семантических связей эпиграфов с текстом и сюжетными поворотами каждой главы.

Ключевые слова: значение повторов, поэтика, символика, текст, художественная функция, эпиграф

RELATIONSHIP OF EPIGRAPHS AND TEXT IN A. S. PUSHKIN'S STORY “THE QUEEN OF SPADES”

S. Dzhanumov

Moscow City Pedagogical University

prosp. 2nd Selskokhozyaystvenny 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. We consider the role of repetitions in A. S. Pushkin's story “The Queen of Spades”, as well as the artistic function of epigraphs and their meaning in this work.

Methodology. Use is made of a stylistic and semantic analysis of Pushkin's story “The Queen of Spades”. Special attention is paid to the steady repetition of many motifs and images, as well as individual words and expressions in “The Queen of Spades”; the epigraphs and the text of Pushkin's story are compared.

Results. It is suggested that some of the repetitions in “The Queen of Spades” are not designed to remind the previous usages and arise by chance. But most of Pushkin’s self-repetitions are used quite consciously and thoughtfully and carry a certain emotional and expressive load. It is found that Pushkin managed to achieve in his story an exact correlation between the epigraph and the text and skillfully used literary repetitions as the author’s literary device, which manifests itself at different levels of his poetics.

Research implications. Determining the artistic function of epigraphs and their relationship with the text of “The Queen of Spades” can be important for commenting on Pushkin’s story, as well as for identifying the ambiguity and diversity of the main characters of the work, its philosophical issues, in particular, the problem of necessity and chance. In “The Queen of Spades”, the echo of the plot situation and the lexical-semantic connections of epigraphs with the text and plot twists of each chapter are clearly visible.

Keywords: meaning of repetitions, poetics, symbolism, text, artistic function, epigraph

Введение

Художественный стиль «Пиковой дамы» не раз становился предметом изучения. После классической статьи академика В. В. Виноградова «Стиль "Пиковой дамы"» (1936) [3, с. 74–147], предвосхитившей многочисленные позднейшие работы, появилось немало исследований, посвящённых этой и другим проблемам, связанным с пушкинской повестью. Их обзор дан в словарной статье О. С. Муравьевой¹, а также в пристатейной библиографии (которая, естественно, носит выборочный характер, но учитывает основные работы о пушкинской повести), в четвёртом выпуске «Пушкинской энциклопедии». Но ещё до указанной выше работы В. В. Виноградова, в 1932 г., одним из выдающихся филологов, историков и публицистов русского зарубежья П. М. Бицилли в Праге в периодическом издании “Slavia” была напечатана небольшая, но чрезвычайно содержательная статья «Заметки о Пушкине» [1], вторая часть которой – «Символика “Пиковой Дамы”» – посвящена стилистико-семантическому анализу пушкинской повести. Как отмечает в послесловии к статье И. В. Анненкова, во второй части «Заметок о Пушкине» учёный «проводит ... свою излюбленную идею о словах-образах, аккумулирующих в себе основные идеи и символы произведения художественной литературы» [2, с. 36].

¹ Муравьева О. С. Пиковая дама (1833) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 4: П–Р. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 47–71.

Тем не менее, не все стилистические особенности этой пушкинской повести учтены в работах исследователей. Одним из недостаточно освещённых вопросов является вопрос о роли и функции повторов в «Пиковой даме». Поэт и пушкинист Владислав Ходасевич в предисловии к своей книге «О Пушкине» (1937) писал: «Общеизвестно обилие повторений в произведениях Пушкина ... Если бы можно было собрать и надлежащим образом классифицировать их все, то мы бы получили, между прочим, первостепенной важности данные для суждения о языке и стиле Пушкина, о его поэтике, о связи формы и содержания в его творчестве» [12, с. 397–398].

И хотя в своей книге В. Ходасевич анализировал пушкинские самоповторения, или «автореминисценции» (по терминологии Ходасевича), прежде всего в поэтическом творчестве Пушкина (не случайно первое издание вышло в свет под названием «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924)), методика его исследования во многом применима и к прозе писателя. Сам А. С. Пушкин, как известно, «первыми достоинствами прозы» считал «точность и краткость»². И этим принципам он неукоснительно следовал во всех своих прозаических произведениях. Но при всём том пушкинская художественная палитра даже в прозе отличается богатством и

² Пушкин А. С. О прозе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 19.

разнообразием красок, изобразительно-выразительных средств, стилистических приёмов. На этом фоне обращает на себя внимание устойчивое повторение многих мотивов и образов, отдельных слов и выражений в «Пиковой даме».

Другой важной проблемой, связанной с изучением повести Пушкина «Пиковая дама», является художественная функция эпиграфов, их значение в этом произведении. Во многом эта проблема решена в содержательной статье И. В. Кошкинко «К толкованию эпиграфов повести А. С. Пушкина “Пиковая дама”» (2016) [7]. Но соотносённость эпиграфов и текста этой пушкинской повести, на наш взгляд, нуждается в более углублённом исследовании, что и является предметом работы.

Роль эпиграфов, их переключки с текстом повести

В монографии «Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А. С. Пушкина...» мы уже отмечали, что отдельные строки или слова пушкинских эпиграфов в «Капитанской дочке» переключаются с репликами персонажей, так или иначе «отзываются» в авторском повествовании [6, с. 163]. Действует это правило и в «Пиковой даме», хотя и здесь связь между эпиграфами и основной коллизией повести более значительна и многозначна.

Эпиграф ко всей повести гласит: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Указан и источник эпиграфа – «Новейшая гадательная книга» (курсив Пушкина. – С. Д.).

Пушкин в других своих произведениях не раз упоминал гадателей и гадательные книги. Вспомним хотя бы «гадателя, толкователя снов»¹ Мартына Задеку из пятой главы «Евгения Онегина». Хотя в пушкинскую эпоху гадательные книги воспринимались в кругу образованных людей как курьёз, всё же они пользовались популярностью среди читателей и особен-

но читательниц того времени. Склонен к суевериям, несмотря на свою кажущуюся рассудочность, и герой повести – Германн: «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков»².

Шутливо-иронический эпиграф к «Пиковой даме» не только задаёт тон всему повествованию, но и выполняет прогнозирующую функцию. Пиковая дама, так неожиданно появившаяся вместо туза, играет роковую роль в судьбе Германна, ставит крест на всех его авантюрных планах, меркантильных помыслах и расчётах. Старая графиня, лик которой явственно проступает сквозь картонную масть пиковой дамы в последней главе повести, действительно имела право испытывать «тайную недоброжелательность» к Германну. Он её невольный убийца, он не выполнил её загробную волю – не женился на её воспитаннице Лизавете Ивановне. Таким образом, заглавие повести и слова из эпиграфа – «пиковая дама» – не только дважды повторяются в последней главе произведения, но и соотносятся с крушением надежд Германна.

Слово «тайная» из эпиграфа (и родственные слова «тайна», «таинственность», «потаённая») также часто обыгрывается в пушкинской повести, наполняется разным семантическим содержанием, создаёт особую атмосферу повести. Так, Сен-Жермен, который помог ещё молодой графине – «московской Венере» – отыгаться после «ужасного проигрыша» при французском дворе, как сообщается в повести, «несмотря на свою таинственность (здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, курсив мой. – С. Д.), имел очень почтенную наружность, и был в обществе человек очень любезный»³. Именно он, по словам Томского, открыл графине «...тайну, за которую всякой из нас дорого бы дал»⁴. Графиня же, как с досадою замечает её

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 107.

² Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 229.

внук Томский, ни одному из своих четырёх сыновей «не открыла... своей тайны»¹.

В статье С. А. Гудимовой «Мифологическая структура “Пиковой дамы” А. С. Пушкина и П. И. Чайковского» (2019) также обращается внимание на мотив тайны в пушкинской повести: «В повести тайна анализируется в своих последствиях и губительных влияниях, она только приоткрывается, но никогда не раскрывается полностью» [4, с. 74].

Слово «тайна» образует одну из стилевых доминант, лежащих в «зоне» Лизаветы Ивановны. Во второй главе повести Лизавета Ивановна, спросив у Томского о «молодом инженере» и тем самым невольно выдав себя, сожалеет, что «нескромным вопросом высказала свою тайну ветреному Томскому»². Она же, получив первое письмо от Германна, беспокоится о том, что «впервые входила... в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною»³. В свою очередь, Томский, танцуя на балу с Лизаветой Ивановной «бесконечную мазурку», шутит «над её пристрастием к инженерным офицерам»: «...и некоторые из его шуток были так удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала несколько раз, что её тайна была ему известна»⁴.

Мотив «тайны» постоянно звучит в честолюбивых помыслах и заветных желаниях Германна: «Что, ... если старая графиня откроет мне свою тайну!...»⁵. В сцене ночного посещения дома графини Германн, стоя на коленях, настойчиво умоляет графиню: «Для кого вам беречь вашу тайну?», «...Не откажите мне в моей просьбе! – откройте мне вашу тайну!...». Последнюю фразу, как заклинание, он произносит дважды, почти слово в слово: «Откройте мне только вашу тайну»⁶. Не чувствуя «угрызения совести при мысли о мёртвой старухе», Германн вместе с тем в отчаянии

от того, что старая графиня унесла свою тайну в могилу: «Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения»⁷.

Маниакальная идея, овладевшая Германном, – во что бы то ни стало узнать «три верные карты» (это словосочетание трижды повторяется в повести⁸), «вынудить клад у очарованной фортуны» – также связана с мотивом «тайны»: «Все мысли его слились в одну, – воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила»⁹ (ср. с приведённой выше цитатой (слова Томского), где ключевые слова по существу те же: «тайну, за которую всякой из нас дорого бы дал»).

Через подобные лексические повторения Пушкин тонко, ненавязчиво говорит о меркантильности, одержимости идеей обогащения не только героя повести – Германна, но и других «молодых игроков» – Томского, конногвардейца Нарумова. Ведь не один только Германн мечтает «представиться» старой графине, «подбиться в её милость», но и Нарумов. Вспомним просьбу Томского, обращённую к своей “grand maman”: «Позвольте вам представить одного из моих приятелей, и привезти его к вам в пятницу на бал»¹⁰.

Самое же выражение «тайная недоброжелательность» из эпитафии к повести тоже характерно для словаря Пушкина, является своеобразной фразеологической «автореминисценцией». В статье «О народном воспитании» (1826) Пушкин использует это выражение в несколько ином контексте, чем в «Пиковой даме»: здесь он призывает молодых дворян «...соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»¹¹.

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 229.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 237.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Там же. С. 241–242.

⁷ Там же. С. 245.

⁸ Там же. С. 235 (дважды), 241.

⁹ Там же. С. 249.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Пушкин А. С. О народном воспитании // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 47.

Большую смысловую нагрузку несёт и стихотворный эпиграф к первой главе повести:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули – бог их прости! –
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом¹.

(Эпиграф этот, по-видимому, принадлежит самому Пушкину и имеет автобиографический подтекст, что подтверждается письмом поэта к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. из Петербурга: «Пока Киселёв и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто
Гнули, ... их ... от 50-ти на 100.
И выигрывали и отписывали мелом.
Так в ненастные дни занимались они делом»².

Эпиграф не только намечает основную тему этой главы (да и всей повести в целом) – страсть к карточной игре, но также воспроизводит атмосферу игрецкого риска и азарта, даёт ключ ко всему повествованию. Как всегда у Пушкина, отдельные слова и выражения эпиграфа эхом отзываются в тексте не только первой главы, но и других глав, особенно заключительной, шестой. Это относится, прежде всего, к некоторым, общепринятым тогда, излюбленным карточным словечкам и терминам, т. е. к своеобразному карточ-

ному жаргону того времени: «гнули ... от пятидесяти на сто», т. е. загибать угол карты (в игре в банк, в фараон), указывая этим на удвоенную ставку, «отписывали мелом», т. е. списывать проигрыш.

Показательно, что уже в первой главе Чаплицкий, которому графиня открыла тайну трёх карт, «...поставил на первую карту *пятьдесят* (цифра из эпиграфа. – С. Д.) тысяч и выиграл соника (т. е. выиграл на первой карте. – С. Д.); *загнул* пароли (т. е. удвоил ставку. – С. Д.), *пароли-пе* (т. е. учетверил ставку. – С. Д.), – отыгрался, и остался ещё в *выигрыше*...»³ (концовка фразы – ещё один повтор, на этот раз из первой главы «Пиковой дамы»: «Те, которые *остались в выигрыше*, ели с большим аппетитом...»⁴).

Во второй главе повести Германн, зачарованный «удивительным анекдотом» о трёх картах, находясь весь во власти своего «огненного воображения» и своей неотвязной мечты об огромном карточном выигрыше, о приобретении «фантастического богатства», ночью видит сон: «...ему пригрезились карты, зелёный стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, *гнул* углы решительно, *выигрывал* беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман»⁵, т. е. и здесь повторяются отдельные слова и карточные термины из эпиграфа к первой главе. Как пишет в своей посмертно опубликованной статье 1922 г. «Пиковая дама» об этом сне Германна полузабытый ныне пушкинист Д. С. Дарский (1883–1957), «по раздражительной яркости картины нам ясно, что внутренний враг одолел, и идеал покоя и независимости рухнул. Отныне гордого человека нет, теперь вступил во владения человек страстей» [5, с. 316].

В последней главе повести профессиональный банкомёт Чекалинский, проведший «весь век за картами», «учтиво» вслушиваясь в «требования» игроков,

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

² Пушкин А. С. П. А. Вяземскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 14. М.: Воскресенье, 1996. С. 26.

³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 236.

«отгибал лишний угол, загигаемый рассеянною рукою»¹. Последняя фраза по существу – это ещё один пушкинский самоповтор. Ср. с повестью «Выстрел»: «Он (офицер. – С. Д.), играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол»².

В эпиграфе к первой главе «Пиковой дамы» игроки «и выигрывали, / И отписывали / Мелом». А в последней главе повести Германн, начав играть, *надписывает «мелом куш над своею картою»*³, а затем *выигрывает*: «– Выиграла! – сказал Германн, показывая свою карту»⁴, т. е. почти дословно повторяется ситуация из эпиграфа.

Сама сцена карточной игры в первой главе и описание в последней, шестой главе общества игроков, их частых сборищ по вечерам в доме Чекалинского очень напоминает, а иногда и в точности воспроизводит любимое занятие молодых людей в открывающем первую главу эпиграфе. Ср.: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно...»⁵; «Молодёжь к нему (Чекалинскому. – С. Д.) нахлынула, забывшая балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства»⁶. И там, и здесь атмосфера беззаботного времяпровождения: «Несколько генералов и тайных советников играли в вист; молодые люди сидели, развалясь на штофных диванах, ели мороженое и курили трубки»⁷ (ср.: «Томский закурил трубку...»⁸).

Дважды повторённое в эпиграфе «в ненастные дни» напоминает зимний петербургский пейзаж в третьей главе повести. В ненастную ночь Германн идёт в дом графини: «Погода была ужасная: ветер выл,

мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты»⁹.

О том, что «Пиковая дама» – светская повесть, свидетельствуют эпиграфы ко второй, третьей и четвёртой главам произведения. Несмотря на то, что эти эпиграфы имеют характер цитат и приводятся на французском языке, все они, по-видимому, сочинены самим Пушкиным.

Фраза, как бы выхваченная автором из какого-то светского разговора, служит эпиграфом ко второй главе повести: «– Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes. – Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches. *Светский разговор*»¹⁰ (перевод: «– Вы, кажется, решительно предпочитаете камеристок. – Что делать, сударыня? Они свежее»¹¹). На самом деле источник этого эпиграфа уточняется из письма Д. В. Давыдова А. С. Пушкину от 4 апреля 1834 г.: «Помилуй! что за дьявольская память? – бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой М. А. Нарышкиной на счёт *les suivantes qui sont plus fraîches*, а ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений Пиковой Дамы»¹².

Эпиграф этот предваряет рассказ о незавидной участи «камеристки» и воспитанницы старой графини, «домашней мученицы»¹³ Лизаветы Ивановны (здесь напрашивается невольное сравнение с «сущим мучеником четырнадцатого класса»¹⁴ Самсоном Выриным, героем пушкинской повести «Станционный смотритель» – ещё одна авторская реминисценция).

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

² Пушкин А. С. Выстрел // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 66.

³ Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 250.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же. С. 249.

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Там же. С. 239.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Переводы иностранных текстов. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 2. М.: Воскресенье, 1995. С. 1068.

¹² Д. В. Давыдов – Пушкину. 4 апреля 1834 г. Маза // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 15. М.: Воскресенье, 1995. С. 123.

¹³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 234.

¹⁴ Пушкин А. С. Станционный смотритель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 97.

О том, что «бедная воспитанница» (дважды повторенный эпитет¹) Лизавета Ивановна выполняет в доме графини именно нелёгкие обязанности камеристки, говорит сам автор: «Она (Лизавета Ивановна. – С. Д.) разливала чай и получала выговоры за лишний расход сахара; она вслух читала романы, и виновата была во всех ошибках автора; она сопровождала графиню в её прогулках, и отвечала за погоду и за мостовую»².

Эпиграф, середину и конец второй главы связывает ещё одна повторяющаяся и, казалось бы, несущественная деталь – милость и «свежесть» камеристок и Лизаветы Ивановны, которая, тем не менее, «в свете играла ... самую жалкую роль. Все её знали, и никто не замечал .... Молодые люди, расчётливые в ветреном своём тщеславии, не удостоивали её внимания, хотя Лизавета Ивановна была сто раз милее наглых и холодных невест, около которых они увивались»³.

И единственный человек, который, как кажется вначале Лизавете Ивановне, оценил её по достоинству, был Германн: «Германн увидел *свежее* личико и чёрные глаза. Эта минута решила его участь»⁴ (ещё одна пушкинская автоцитата из наброска, написанного в мае 1830 г. и имеющего автобиографический характер: «*Участь моя решена. Я женюсь...*»⁵). Акцентируя внимание на слове «свежий», Ю. В. Осипова в статье «Символика цвета в повести А. С. Пушкина “Пиковая дама”» (2020) подчёркивает: «Старость, увядание графини противопоставляется свежести и молодости Лизаветы Ивановны (у которой “свежее личико” и голова убрана “свежими цветами”» [10, с. 44].

Своеобразно обыгрывается в пушкинской повести и эпиграф к третьей главе: “*Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.*

Переписка.»⁶ (перевод: «Вы пишете мне, мой ангел, письма по четыре страницы быстрее, чем я успеваю их прочитать»⁷). Впервые этот эпиграф также на французском языке (без слов «мне, мой ангел») встречается в неоконченной повести Пушкина «На углу маленькой площади...» (1829)⁸. (ср. с фразой из письма поэта к жене от 12 сентября 1833 г. (т. е. за месяц-два до окончания «Пиковой дамы») из села Языково Симбирской губернии: «У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом»⁹).

Напомним, что первую половину этой главы занимает подробное и детальное описание оживлённой и всё учащающейся («убыстряющейся», если воспользоваться пушкинским словом из эпиграфа) переписки Германна и Лизы. И не только Германн пишет сначала переведённые «с немецкого», «слово-в-слово» взятые «из немецкого романа»¹⁰, а затем вдохновлённые «страстию»¹¹ пространственные «бедной воспитаннице» графини, но и сама Лизавета Ивановна невольно и незаметно для себя втягивается в эту любовную переписку и пишет «письма по четыре страницы» Германну: «Лизавета Ивановна уже не думала их (письма Германна. – С. Д.) отсылать: она упивалась ими; стала на них отвечать, – и её записки час от часу становились *длиннее* (курсив наш. – С. Д.) и нежнее»¹², вплоть до последнего, сыгравшего роковую роль письма, где она назначает Германну ночное свидание в своей комнате в доме графини.

Таким образом, и здесь, в третьей главе, повторяется в несколько трансформиро-

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 233, 240.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Там же. С. 406.

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Переводы иностранных текстов. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 2. М.: Воскресенье, 1995. С. 1068.

⁸ Пушкин А. С. На углу маленькой площади // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 145.

⁹ Пушкин А. С. Н. Н. Пушкиной. 12 сентября 1833 г. Языково // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 15. М.: Воскресенье, 1996. С. 79.

¹⁰ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 237.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² Там же. С. 238.

ванном виде сюжетная ситуация, заявленная в эпиграфе. Причём именно начиная с третьей главы сюжетное развитие повести убыстряется, а события начинают принимать необратимый характер. Эту «быстроту» не только переписки, но и динамики взаимоотношений героев повести передают размышления Лизаветы Ивановны в начале четвёртой главы: «Она села, не раздеваясь, и стала припоминать все обстоятельства, в такое короткое время и так далеко её завлѣкшие. Не прошло трёх недель с той поры, как она в первый раз увидела в окошко молодого человека, – и уже она была с ним в переписке, – и он успел вытребовать от неё ночное свидание!»¹.

Четвёртая глава, в отличие от трёх предыдущих, предваряется не шутивно-ироническим эпиграфом, снижающим налёт романтики и с карточной игры, и с любовных взаимоотношений героев повести, а вполне серьёзным высказыванием, в котором в нескольких словах разоблачается аморальная и глубоко циничная сущность Германна, его пренебрежение общечеловеческими нравственными понятиями и ценностями: “7 Mai 18**. Homme sans mœurs et sans religion! *Переписка*”² (перевод: «7 мая 18**. Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого!»³).

На первый взгляд, этот эпиграф противоречит всему тому, что сказано о Германне в предыдущих главах. До поры до времени Германн твёрдо придерживается законов, «им самим над собою признанным»⁴ (слова Пушкина в одном из писем, сказанные по другому поводу), живёт по своим раз и навсегда установившимся правилам. И одно из этих правил, один из этих жизненных принципов им неукоснительно со-

блюдается, о чём дважды в чеканной, афористической форме повторено в повести. Сначала в первой главе: «...я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее»⁵. И затем во второй главе, объясняя особенности психологии и «морального кодекса» своего героя, его жизненного кредо, Пушкин снова отсылает нас к первой главе, выделяя процитированные выше слова курсивом, подавая их уже как автоцитату Германна: «Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки (ср. замечание одного из гостей Нарумова о Германне: «...отроду не брал он карты в руки»⁶. – С. Д.), ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) *жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее...*»⁷. Комментируя эту дважды повторённую фразу в статье «Горе от ума на страницах “Пиковой дамы” (что необходимо в жизни человека)» (2021), Н. Н. Кульчицкая замечает: «Его (Германна. – С. Д.) слова раскрывают суть его природы, которая и проявляется в том, что именно сущностно необходимо для него, а что излишне» [8, с. 224–225].

Вместе с тем, и тоже дважды в четвёртой главе, обыгрывается в повести характеристика Германна, данная ему Томским: «...у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния»⁸. «Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томского раздались в её душе: *у этого человека по крайней мере три злодеяния на душе!*»⁹ (Курсив Пушкина. – С. Д.). Там же, в четвёртой главе, ещё раз встречается сравнение Германна с Наполеоном: «...он (Германн. – С. Д.) сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона»¹⁰. Цитируя эти строки повести, Н. Л. Степанов в своей монографии

¹ Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 243.

² Там же. С. 243.

³ Переводы иностранных текстов. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 2. М.: Воскресенье, 1995. С. 1068.

⁴ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 138.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же. С. 227.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 244.

¹⁰ Там же. С. 245.

«Проза Пушкина» (1962) так объясняет это настойчивое и несколько раз повторяющееся сравнение Германна с Наполеоном: «Настойчивость Пушкина понятна. Он стремится этим сходством подчеркнуть не только холодную расчётливость Германна, его авантюризм, но и показать *типичность* (курсив автора монографии. – С. Д.) такого характера, его принципиальную важность для эпохи» [11, с. 169].

У Пушкина, как известно, на разных этапах его творчества было неоднозначное отношение к Наполеону. Но в одном поэт был твёрдо убеждён: для Наполеона тоже не существовало «никаких нравственных правил и ничего святого». Вспомним стихотворение «Наполеон» (1821), где поэт, обращаясь к Наполеону, восклицает: «Ты человечество презрел...»¹.

Те же этические принципы, вернее, отсутствие таковых, беспредельный эгоизм и личное честолюбие Наполеона подчеркнуты в одном из лирических отступлений второй главы «Евгения Онегина»: «Мы все глядим в Наполеоны; / Двухногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...»².

Мотивируя социальный и психологический облик своего героя особенностями национального характера, Пушкин акцентирует внимание на его происхождении. Вспомним реплику Томского в самом начале первой главы: «– Германн *немец*: он расчётлив, вот и всё!.. (Здесь и далее курсив мой. – С. Д.)»³. Во второй главе, впервые давая развёрнутую характеристику героя повести и обрисовывая несколькими штрихами его прошлое, автор сообщает читателю: «Германн был сын обрусевшего *немца*, оставившего ему маленький капитал. Будучи твёрдо убеждён в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил од-

ним жалованьем, не позволяя себе малейшей прихоти»⁴. И, наконец, уже в третий раз (в третьей главе повести) черты национальной принадлежности Германна подчеркнуты авторским замечанием о первом письме героя к Лизавете Ивановне, «словов-слово» взятого «из *немецкого романа*»⁵.

Немаловажна ещё одна деталь в характеристике Германна, проливающая свет и на отношение автора к своему герою. Развенчивая романтические иллюзии Лизаветы Ивановны относительно Германна, Пушкин в той же четвёртой главе замечает: «Портрет, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ею самою, и, благодаря новейшим романам, это, уже *пошлое лицо*, пугало и пленяло её воображение»⁶.

Таким образом, эпиграф к четвёртой главе подготавливает читателя к раскрытию сущности образа Германна, даёт ключ к его всесторонней характеристике. Уже в предыдущих главах мы убедились, что у Германна действительно «нет никаких нравственных правил и ничего *святого*». Для него цель оправдывает средства, даже самые аморальные. Например, ради проникновения в тайну трёх карт он готов «сделаться ... любовником»⁷ восьмидесятилетней старухи, не говоря уже о его холодно-расчётливом и предельно циничном поведении с Лизаветой Ивановной. Но, не имея ничего нравственного и святого за душой, он ожидает встретить эти качества у других. Так, умоляя старую графиню «назначить» ему «эти три верные карты», Германн закладывает её «чувствами супруги, любовницы, матери, – всем, что ни есть *святого* в жизни...»⁸.

И вновь мы видим текстуальное совпадение эпиграфа и узловых сюжетных «ходов» главы, проявляющееся в отборе лексических и художественных средств, в повторении и обыгрывании одних и тех же слов, в данном случае, слова «святой».

¹ Пушкин А. С. Наполеон // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1994. С. 214.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 37.

³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 227.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Там же. С. 244.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Там же. С. 241.

Продолжает действовать это правило и в пятой главе повести. Эпиграф к ней, взятый из книги шведского учёного, теософа-мистика Шведенборга (Сведенборга) (1688–1772), гласит: «В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон-В***. Она была вся в белом, и сказала мне: “Здравствуйте, господин советник!” Шведенборг»¹.

При всей своей полумистической, полуфантастической окрашенности эпиграф этот явно имеет лукавый и иронический подтекст. Не то мы видим в самой пятой главе, где появление призрака старой графини приводит Германа в трепет, что, впрочем, не мешает ему после исчезновения «женщины в белом платье»² зажег свечку и деловито записать «свое видение»³. Таким образом, шуточный эпиграф несколько противоречит мрачному, сумрачному содержанию главы, где довольно подробно описаны похороны старой графини, «надгробное слово» молодого архиерея, «внутреннее волнение» Германа, его дневные и ночные видения, обморок Лизаветы Ивановны во время похорон.

И здесь, в пятой главе, просматривается переключка фабульной ситуации и лексико-семантических связей эпиграфа с текстом и сюжетными поворотами самой главы, переключка, закреплённая опять-таки буквальным повторением одних и тех же деталей: ночное видение «советника» и Германа, явление к обоим персонажам «ночью» титулованной «покойницы» (в эпиграфе – «баронессы фон В***», в самой главе – «графини»). И там и здесь ночные призраки обряжены во всё белое: ср. «Она была вся в белом...»⁴ и «...вошла женщина в белом платье», «белая женщина»⁵. Наконец, и в эпиграфе, и в самой пятой главе призрак непосредственно обращается к субъекту видения:

«...и сказала мне: «Здравствуйте, господин советник!»⁶ (лукавая ирония эпиграфа ещё и в том, что «покойница» желает здравия живому); «– Я пришла к тебе против своей воли, – сказала она твёрдым голосом, – но мне велено исполнить твою просьбу...»⁷. Дополнительный штрих к лексической перекличке эпиграфа и самой главы придаёт и настойчивое повторение, обыгрывание слова «покойница» и его синонимов. Ср.: «...Германн отправился в *** монастырь, где должны были отпевать тело *усопшей* графини»; «*Усопшая* лежала в нём (в гробу. – С. Д.) с руками, сложенными на груди, в кружевном чепце и в белом атласном *платье*»⁸; «Наконец приблизилась старая барская барыня, ровесница *покойницы*»; «Наконец приподнялся (Германн. – С. Д.), бледен, как сама *покойница*...»⁹, «В эту минуту показалось ему, что *мёртвая* насмешливо взглянула на него...»¹⁰.

Эпиграф к шестой, последней главе повести вновь возвращает нас к картёжной теме и терминологии. Как и почти все предыдущие, он несёт на себе явственный отпечаток насмешливой иронии: «*Атанде!* – Как вы смели мне сказать *атанде?* – Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с!*»¹¹ (Атанде – термин карточной игры, означающий «подождите, больше не делайте ставок» – русифицированная форма французского слова «attendez» (которое, произносится, конечно, как и все французские слова, с ударением на последнем слоге) – «подождите»).

Предполагаемый источник эпиграфа установил Н. О. Лернер в книге «Рассказы о Пушкине» (глава «История “Пиковой дамы”») (1929): «Что касается до эпиграфа к VI главе, то “материал” для него мог дать Пушкину анекдот о графе Гудовиче, который рассказывается в “Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского» [9, с. 161].

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Там же. С. 246.

⁹ Там же. С. 246, 247.

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ Там же. С. 249.

Действительно, в этих записках одного из ближайших друзей Пушкина мы находим мемуарное свидетельство Вяземского – забавный случай о графе И. В. Гудовиче, генерале-фельдмаршале, в 1809–1812 гг. (до вторжения французов) главнокомандующем в Москве: «Фельдмаршал граф Гудович крепко стоял за своё звание. ... Он говаривал, что с получением полковничьего чина, он перестал метать банк сослуживцам своим. Неприлично, продолжал он, старшему подвергать себя требованию какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя против вас, почти повелительно вскрикивает: *аттанде!*»¹.

Прямо в тексте шестой главы это «роковое» слово («Атанде, слово роковое, / Мне не приходит на язык...» – беловая рукопись второй главы «Евгения Онегина»²) не встречается, хотя в конце пятой главы, в сцене ночного видения Германна, предостережение «в сутки более одной карты» не ставить³ было одним из условий «женщины в белом платье» – покойной графини. И Германн строго следует этому указанию «покойницы» – в каждый из трёх вечеров в доме Чекалинского он не делает больше одной ставки. Правда, это не отменяет предопределённого для него рокового финала.

Но зато в шестой главе встречаются персонажи эпиграфического диалога. Ведь обращение «Ваше превосходительство» было в дореволюционной России титулованием лиц, имевших военное звание генерала или соответствующего ему гражданского чина тайного советника. Завсегдатаями и постоянными игроками в доме Чекалинского, наряду с молодёжью, как раз и являются «их превосходительства», причём это дважды повторено в главе: «Несколько генералов и тайных советников играли в вист»⁴; «Генералы и тай-

ные советники оставили свой вист...»⁵, т. е. не делали больше ставок, как это и было заявлено в эпиграфе.

О том, насколько неукоснительно следует Пушкин своему правилу повторять или обыгрывать в тексте соответствующей главы ситуации, мотивы и образы, или даже отдельные слова и выражения из эпиграфа, свидетельствует и такая, казалось бы, незначительная деталь, как «перенос» в шестую главу почтительно-вежливой частицы «-с» из обращения к «их превосходительству» в эпиграфе. Чекалинский дважды использует эту частицу в диалоге с Германном: «– Сколько-с? – спросил, *прищуриваясь* (здесьидалеекурсивной. – С. Д.),банкомет: – извините-с, я не разгляжу»⁶ (ср.: «В эту минуту показалось ему (Германну. – С. Д.), что мёртвая насмешливо взглянула на него, *прищуривая* одним глазом»⁷; «В эту минуту ему (Германну. – С. Д.) показалось, что пиковая дама *прищурилась* и усмехнулась»⁸).

Германн не внял символическому предостережению из эпиграфа не делать ставок и, говоря словами Пушкина из черновых набросков к VIII главе «Евгения Онегина», «все ставки жизни проиграл»⁹. Эта связь между черновым вариантом пушкинского романа и «Пиковой дамой» впервые отмечена В. В. Виноградовым в статье «Стиль “Пиковой Дамы”». Он же разъяснили и смысл «этого игрецкого анекдота» из эпиграфа в композиции повести: «Подобострастное “атанде-с” нельзя понять, если усмотреть в нём только символическое выражение проигрыша. Точно также образ высокомерно-чванного “вашего превосходительства”, прикрикнувшего на понтёра, не может быть перенесён целиком на личность Чекалинского. Таким образом, внутренние символические формы этого эпиграфа не только выводят его за пределы прямых значений, из сферы карточной игры, сохраняя в нём неиспользованный остаток смысло-

¹ Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 186.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 563.

³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 247.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 519.

вой энергии, но и всю эту сцену торжества пиковой дамы влекут в иной семантический план, где образ Германна, как развенчанного Наполеона, склоняется перед роком, перед слепым случаем («Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с*») [3, с. 104].

Заключение

Рамки статьи не позволили нам подробно раскрыть все функции повторов в пушкинской повести. Мы остановились только на роли эпитафий и их функциональных аспектах, их переключках с текстом соответствующих глав и всей повести в целом. Мы попытались показать эстетическую выразительность и значение эпитафий для выявления своеобразия пушкинской поэтики. Нельзя не согласиться с высокой оценкой пушкинских эпитафий в указанной выше книге Н. О. Лернера «Рассказы о Пушкине»: «Эпитафии, одна из обычных особенностей пушкинской прозы и вообще литературы пушкинской эпохи, были всегда предметом усердной заботы Пушкина. ... Умел он выбирать их мастерски; в «Пиковой даме»

эпитафии подобраны также очень искусно» [9, с. 160–161]. О символике эпитафий и их роли в развитии сюжета повести очень ёмко и лаконично написал В. В. Виноградов в статье «Стиль «Пиковой Дамы»»: «Эпитафии, как символические стержни заданного и подразумеваемого строя значений, делают основными вехами сюжетного движения» [3, с. 113].

Что касается художественных повторов рассматриваемой повести, можно предположить, что некоторые повторы в «Пиковой даме» не рассчитаны на напоминание о прежних употреблениях и возникают случайно. Но большинство пушкинских самоповторений использовано вполне сознательно, продуманно и несёт большую эмоционально-экспрессивную нагрузку. Пушкин сумел достичь в своей повести точного соотношения эпитафии и текста, искусно использовать художественные повторы как авторский литературный приём, проявляющийся на разных уровнях его поэтики.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И. В. «Чистая критика» Петра Бицилли // Русская речь. 2003. № 1. С. 34–36.
2. Бицилли П. М. Заметки о Пушкине // Русская речь. 2003. № 1. С. 27–33.
3. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74–147.
4. Гудимова С. А. Мифологическая структура «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и П. И. Чайковского // Вестник культурологии. 2019. № 2 (89). С. 73–82.
5. Дарский Д. С. «Пиковая дама». (Публикация В. А. Викторovichа) // Пушкин. Исследования и материалы: сборник научных трудов. Т. 15. СПб.: Наука, 1995. С. 308–324.
6. Джанумов С. А. Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А. С. Пушкина (литературно-критические статьи и заметки, художественная и автобиографическая проза, письма). М.: Московский городской педагогический университет, 2015. 296 с.
7. Кошкин И. В. К толкованию эпитафий повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 85–98.
8. Кульчицкая Н. Н. Горе от ума на страницах «Пиковой дамы» (что необходимо в жизни человека) // История и современность филологических наук: XVI Виноградовские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, г. Москва, 5–6 марта 2020 г.: в 2 т. Т. 2: Русская литература. Междисциплинарные гуманитарные проблемы. М.: Книгодел: Московский городской педагогический университет, 2021. С. 224–230.
9. Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. 222 с.
10. Осипова Ю. В. Символика цвета в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 6–1 (151). С. 42–47.
11. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 300 с.
12. Ходасевич В. Ф. О Пушкине // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине / сост. И. П. Андреева, С. Г. Бочаров, А. Л. Зорин, И. З. Сурат. М.: Согласие, 1997. С. 395–511.

REFERENCES

1. Annenkova I. V. ["Pure Criticism" by Peter Bitsilli]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2003, no. 1, pp. 34–36.
2. Bitsilli P. M. [Notes on Pushkin]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2003, no. 1, pp. 27–33.
3. Vinogradov V. V. [Style of the "Queen of Spades"]. In: *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii. Vyp. 2* [Pushkin. Vremennik of the Pushkin Commission. Iss. 2]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1936, pp. 74–147.
4. Gudimova S. A. [The Mythological Structure of the "Queen of Spades" by A. S. Pushkin and P. I. Tchaikovsky]. In: *Vestnik kul'turologi* [Bulletin of Culturologists], 2019, no. 2 (89), pp. 73–82.
5. Darsky D. S. ["Queen of Spades". (Publication by V. A. Viktorovich)]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy: sbornik nauchnykh trudov. T. 15* [Pushkin. Research and Materials: A Collection of Scientific Papers. Vol. 15]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 308–324.
6. Dzhanumov S. A. *Narodnye pesni i malye zhanry fol'klora v tvorchestve A. S. Pushkina (literaturno-kriticheskie stat'i i zametki, khudozhestvennaya i avtobiograficheskaya proza, pis'ma)* [Folk Songs and Small Genres of Folklore in the Work of A. S. Pushkin (Literary Critical Articles and Notes, Artistic and Autobiographical Prose, Letters)]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2015. 296 p.
7. Koshchienko I. V. [On the Interpretation of the Epigraphs of A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades"]. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2016, no. 4, pp. 85–98.
8. Kul'chickaya N. N. [Woe from Wit on the Pages of the "Queen of Spades" (Which is Necessary in a Person's Life)]. In: *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk: XVI Vinogradovskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 5–6 marta 2020 g. T. 2: Russkaya literatura. Mezhdisciplinarnye humanitarnye problem* [History and Modernity of Philological Sciences: XVI Vinogradov Readings: Collection of Scientific Articles Based on Materials of the International Scientific Conference, Moscow, 5–6 March, 2020. Vol. 2: Russian Literature. Interdisciplinary Humanitarian Problems]. Moscow, Knigodel Publ., Moscow City Pedagogical University Publ., 2021, pp. 224–230.
9. Lerner N. O. *Rasskazy o Pushkine* [Stories about Pushkin]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 222 p.
10. Osipova Yu. V. [The Symbolism of Color in A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades"]. In: *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2020, no. 6–1 (151), pp. 42–47.
11. Stepanov N. L. *Proza Pushkina* [Pushkin's Prose]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 300 p.
12. Khodasevich V. F. [On Pushkin]. In: *Khodasevich V. F. Sobranie sochinenii. T. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine* [Collected Works. Vol. 3: Prose. Derzhavin. About Pushkin]. Moscow, Soglasie Publ., 1997, pp. 395–511.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А. Соотнесённость эпитафий и текста в повести А. С. Пушкина «Пиковая Дама» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 72–84.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-72-84

FOR CITATION

Dzhanumov S. A. Relationship of Epigraphs and Text in A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 72–84.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-72-84

УДК 82(091) "19"

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94

МИФОГЕННЫЙ И МИФОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА. РОМАНТИЗМ (ЧАСТЬ I)

Козин А. А., Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование процессов мифологизации, характеризующих стратегии развития романтизма в зарубежных странах.

Процедура и методы. На основе анализа репрезентативных литературных феноменов рассматриваются социокультурный и эстетический генезис, трансформации, свойственные парадигме мифа на разных этапах эволюции романтизма в разных странах. Методологическая основа исследования: мифологические направления литературоведения, герменевтика, современная компаративистика, рецептивная эстетика, с элементами социокритики и структуралистского подхода.

Результаты. Произошедший в романтизме переход к «самоценности личности», возникновение новых личностных моделей определили особенности мифологизации в первую очередь в изображении героя. Рассматриваются отдельные аспекты периода становления и расцвета романтической эстетики вплоть до трансформации её в символизме, явившем в литературе новую стадию мифологизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Концепция литературного мифа как текста и гипертекста культуры, ассоциативно или опосредованно производными от него, может быть использована в дальнейших исследованиях о романтизме.

Ключевые слова: гипертекстуальность, литературный миф, мифогенезис, мифологизация, мифопоэтика, романтизм

MYTHOGENIC AND MYTH-CREATING POTENTIAL OF IMAGES IN FOREIGN LITERATURE OF THE XIX CENTURY. ROMANTICISM (PART I)

A. Kozin, N. Litvinenko, I. Lunina, O. Redina

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. We study processes of mythologization that characterize the strategies for the development of Romanticism in foreign countries.

Methodology. Using the analysis of representative literary phenomena, we consider the sociocultural and aesthetic genesis, as well as transformations inherent in the hero's paradigm at different stages of evolution of Romanticism in different countries. The methodological basis of the research relies on mythological directions of literary criticism, hermeneutics, modern comparative studies, and receptive aesthetics, with elements of sociocriticism and structuralist approach.

Results. The transition to the "intrinsic value of the individual" that took place during Romanticism and the emergence of new personal models determines the features of mythologization, first of all, in the image of the hero. Certain aspects of the period of the formation and flourishing of romantic aesthetics up to its transformation in symbolism are considered, which reveals a new stage of mythologism in literature.

Research implications. The concept of a literary myth as a text and hypertext of culture, associatively or indirectly derived from it, can be used in further research on Romanticism.

Keywords: hypertextuality, literary myth, mythogenesis, mythologization, mythopoetics, Romanticism

Введение

Проблемы изучения мифогенезиса и мифологизации литературы XIX столетия, романтизма остаются в центре исследовательского внимания гуманитариев на протяжении всех последующих эпох [9]. Огромный мифотворческий потенциал литературы XIX в. востребован литературой не только модернизма, но и постмодернизма, постпостмодернизма [12; 13]. Наша цель – обозначить генезис и отдельные векторы мифологизации, характеризующие литературный процесс в XIX в., трансформации и переосмысление моделей и традиций, значимых проблемно-эстетических комплексов, символически стягивающих в образах-мифах новую социокультурную и личностную парадигму [6]. Обновлённая и востребованная в романтизме, она восходит к «основным» мифам, к религиозным мифам [7; 8], древним художественным архетипам и традициям предшествующих веков. В XIX в., в условиях социальных, национально-исторических потрясений, революционных и постреволюционных эпох, она вбирает и структурирует новые исторические, биографические и литературно-эстетические, социокультурные мифы, которые взаимодействуют между собой и связывают «современность» с универсальными ценностными представлениями, выработанными или вырабатываемыми древней и современной культурой. Мы стремимся обозначить типологическую природу формирующихся на этой основе литературных феноменов и процессов. В пределах небольшой работы (первой из запланированного цикла) мы обозначим отдельные особенности генезиса и эволюции данных явлений.

При обилии трудов, посвящённых проблемам специфики мифотворчества и мифологизма в зарубежных литературах XIX в.¹, генезис мифов, процессы перерастания образа в миф, их масштабные

социокультурные «типологизации» и клиширования остаются недостаточно изученными, как и взаимодействие инвариантов мифологизированных представлений и образов на внутринациональной и межнациональной основе. Обозначенный процесс в XIX в. затрагивает произведения не только романтизма, но и «смежных» с ним или родственных ему литературных направлений, разнообразные жанровые формы развития литературы. Остаётся актуальным изучение мифогенной специфики не только литературных, но и связанных с ними новых социокультурных мифов, участвующих в формировании «нового опыта свободы» – эстетической и гражданской. Сохраняет актуальность изучение литературного мифа как гипертекста.

XIX в. – новая эпоха формирования и исследования мифов, рождения научных направлений в их изучении, возникновения «персонифицированных» мифов. «После Гёте и В. фон Гумбольдта, Дидро и Бюффона, Канта и Фихте, после романтиков идеалом впервые была осознана “индивидуальность” и “личность”», – пишет Л. Баткин, относивший рождение этого феномена (XV–XIX вв.) к «всемирно-исторической переориентации», сопоставимой по значимости с «осевым временем» возникновения древних цивилизаций» [2, с. 11]. Романтики, отмечает С. Зенкин, искали «в мифах священные заветы предков, корни и первофеномены культуры, а порой и руководство к коллективному действию» [9]. Новая специфика воплощения личностного начала формировалась в мифе о герое, концентрирующем в себе философско-эстетическую и социальную проблематику эпохи, векторы превращения повседневного и исторического опыта в миф.

Исследованием особенностей мифомышления в романтизме занимались не только писатели, поэты, критики (йенские, гейдельбергские, французские, английские, американские романтики), но и представители разных направлений философско-эстетической, гуманитарной мысли каждой из стран [27; 29; 31].

¹ См.: [28]; Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [сайт]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/literature-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries> (дата обращения: 04.04.2022).

Миф в зарубежной литературе эпохи романтизма: проблемы изучения

Мифопространство – широко используемый ресурс обновления, трансформации мотивов, тем, образов, которые восходят к традициям античной, библейской и национальных культур. Возникшие в условиях новой эпохи, мифологические структуры и образы обладают глубокой универсальной и символической семантикой. Изучая их, мы учитываем связи мифа с историей и искусством [11], со спецификой бессознательного и архетипами [23], трансформацию феноменов сакрального и профанного в литературе [22], наличие как формы знания «имагинативного абсолюта» [5]. Для нас важна подчёркиваемая А. Ф. Лосевым «личностная форма» [16] бытия мифа в романтизме, «многосмысленность» романтического мифа, который всегда соединяет прошлое с настоящим и будущим и никогда не пребывает «по ту сторону добра и зла», важно методологически значимое понимание «непрозрачности языка», о которой в связи с теоретическими аспектами изучения мифомышления писал Р. Барт [25]. Вслед за французским литературоведом Бакэ мы рассматриваем миф как своеобразный нарратив. В «складках» мифа исследователь не без основания обнаруживает не только «схему», но и потенциальное наличие нарратива [31], полагая, что именно гипертекстуальность создаёт, в частности, литературный миф, условия для обновления его мифологической основы. И, наоборот, как подчёркивал Леви-Стросс, миф создаёт гипертекстуальность [30], меняющую его горизонты.

Соглашаясь с устоявшимся представлением о неопределённости термина «миф», его сложности и многозначности, связях с категорией художественного образа, процессами символизации в литературе, мы сочли наиболее продуктивным для понимания романтического мифотворчества учесть «структуру референции»¹, обра-

титься к «истокам» – к трудам философа Ф. Шеллинга, который писал об особой роли «абсолютного в ограничении без упразднения абсолютного»; мифология «есть мир и, так сказать, в более торжественном одеянии, в своём абсолютном облике, истинный универсум в себе, образ жизни и полного чуда хаоса в божественном образотворчестве, который уже сам по себе поэзия и всё-таки сам для себя материал и стихия поэзии...» [21, с. 105]. Кассирер констатировал: «Отныне миф предстаёт, равно как и познание, нравственность и искусство, в качестве самостоятельного, замкнутого в себе “мира”, который следует не верить чужим, привнесённым извне мерилom ценности и реальности, а постигать в его имманентных структурных закономерностях» [11]. В этой интерпретации создаваемый художником «истинный универсум» сам по себе, с очевидностью, становится мифом в себе – и «для себя», в своей персонифицированной, лично явленной ипостаси. Творцы его, йенские романтики, Шатобриан, как на другой основе – английский метафизик и поэт Уильям Блейк, американские романтики Э. По и Г. Мелвилл, – формировали поэтику «высокого» романтизма, впитавшего и излучавшего свет философско-эстетических утопий по контрасту с обывательскими дистопиями нового времени.

В социокультурном масштабе европейской и американской литератур «высокий» мифологизм сочетал множество личностных и социокультурных моделей: миф о гении-творце и богоборчество, тоску по идеалу и «томление по истине» – о ребёнке, герое и героях – как центральную мифологему, организующую художественное целое литературных произведений. В метафизическом и трансцендентном пространстве взаимоотражений, поисков высших духовных смыслов романтические мифы взаимодействовали, перекликались, вступали в диалогические связи друг с другом, формируя динамически напряжённое и целостное художественное единство эпохи.

¹ Нидерландский учёный Ф. Р. Анкерсмит цитирует слова Н. Гудмена из книги «Способы создания миров» (1978, рус. 2004): «Если я спрашиваю о мире, вы можете рассказать мне, каков он бывает под углом зрения одной или более структур референции» [1, с. 121–122].

Исчерпывая свои ресурсы, в полемике или в дополнение к ещё не освоенным пластам действительности, в соответствии с парадигмами романтической иронии, они перемещались в сниженно бытовизированные, готически, социально маркированные миры массовой романистики, насыщая их своей энергией, порождая пространство новых модификаций образов-символов, образов-представлений, образов-мифов. Возникали масштабные, универсальные, пребывающие в динамике становления и трансформаций социокультурные исторические мифы о французской революции, американской мечте и викторианской эпохе, «социалистические», прогностические, мифы о будущем и народе, – воплощаемые в символических персонализациях, в античных и библейских мотивах, в образах Героев... Граница между этими литературными пластами могла быть не только отчётливой, но и подвижной, зыбкой, весьма условной.

Помимо собственно «уровневой» «специализации», соотношения высокого и массового в семантическом поле романтического мифа прочерчиваются различия, обусловленные тематическими предметами мифологизации. Так, если обратиться к французской романтической литературе XIX в., можно увидеть, насколько она насыщена историческими мифами – в нарративной историографии (Тьерри, Ламартин, Ж. Мишле) и романистике эпохи (Шатобриан, А. де Виньи, А. Дюма, Э. Сю), социальными мифами (Гюго, Жорж Санд, Э. Сю), эстетическими (кружки, школы, поэтические объединения (Гюго, «битва за романтизм», за «Эрнани», объединение «Парнас», «проклятые поэты»)), театральными (о Фредерике Леметре и Робере Макэре, о Мари Дорваль и Э. Кине), о парижских, и не только парижских дэнди (Дж. Браммел, О. Уайлд, Э. Сю, Ш. Бодлер), в разных странах на основе жизнотворчества новой эпохи возникают литературно-биографические мифы (о Байроне, Жорж Санд, Паганини, Бодлере, Э. По) и т. д. Каждая историческая фигура, каждая биография, каждое произведение,

имевшее успех или открывавшее или множившее эстетические горизонты, личностные художественные модели, приобретало свойства, семантику мифа.

Исследуя древние мифы, английский этнограф Э. Б. Тайлор справедливо подчёркивал особую специфику историзма в мифе, искажающего «реальность», но никогда не уничтожающего историчность полностью¹. Тем очевиднее, что ярко и парадоксально социокультурная и историческая реальность просвечивает в литературных, в том числе персонафицированных мифах XIX в. Считая мифологию «сверстником человечества» и полагая, что мифы «сродни стихам», американский мифолог Дж. Кэмпбелл видел в мифологии «совокупность знаковых сигналов и аффективных образов, пробуждающих и направляющих энергию» [14, с. 23, 203, 237; 26]. Собственно, с этой энергией и рождались литературные мифы.

Литература, культура XIX в. обладали мощными символическими ресурсами [19], которые создают почву для мифологизации. Символисты были убеждены, что символ – «высшее выражение человечества», что миф, как писал Анри де Ренье, «подобен раковине на берегу времени, в которой слышен шум моря, и это море – человечество»². Исторические и литературно-художественные миры вписывались современниками и критиками в пространство сознательно и бессознательно трансформируемых представлений, шла ли речь о революции или борьбе за независимость, о великом Наполеоне, Наполеоне Малом или о Филиппе Орлеанском, «короле-гражданине», «короле-буржуа», «короле-груше». Историческое и литературно-художественное создавали своеобразный симбиоз. «Реальность», получая символи-

¹ Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [сайт]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/literature-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries> (дата обращения: 04.04.2022).

² Ренье А. де. Современные поэты / пер. с фр. Н. Мавлевич // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М.: Московский государственный университет, 1993. С. 455–456.

ческую семантику, приобретала черты неопределённости, постоянно подвергалась пересмотру и переоценке, формируя тот или иной миф или модификацию мифа. Уместно вспомнить слова Петтацони, итальянского историка религий, высказанные в работе «Истина мифа» (1954). «Миф – это реальная история, потому что он – священная история, не только по своему содержанию, но и потому, что он приводит в движение сакральные силы» [20, с. 102]. Это тем более важно осмыслить как универсальное свойство мифов, обнаруживающих новые взаимосвязи с фольклором, древней архаикой, религией, природой, наукой и культурой.

Мифы, как и демифологизация, возникают как результат общекультурного процесса психологической идентификации индивида с символически воспринимаемыми явлениями. Литературовед Жан-Марк Тета, ссылаясь на труды П. Рикёра, пишет о «“символических ресурсах культуры”, с помощью которых “сам” строит свою идентичность ... Посредничество культурных произведений абсолютно необходимо для выработки личной идентичности» [20, с. 102]. Очевидно, что этот принцип лежит и в основании процессов мифологизации, той особой личностной нарративной или ненарративной модели идентичности, которую разрабатывал и воплощал романтизм.

В литературном персонализированном пространстве мифы становятся носителями совокупных социально-эстетических смыслов [17; 18]. Почву, на которой они произрастали в XIX в., великолепно охарактеризовал В. Гюго в предисловии к сборнику «Осенние листья» (ноябрь 1831 г.): «Внутри страны пересматриваются вновь все решённые уже социальные вопросы; все части политического тела выворачиваются, переплавляются или перековываются в горниле революции, на звонкой наковальне газет; старые слова... преобразуются и меняют свой смысл; эхо трибуны не умолкает в прессе, эхо прессы звучит над трибуной; мятеж притаился и замер... И внутри и вне Франции

колеблются верования, умы возбуждены; новые религии... уже лепечут, предлагая свои рецепты, пригодные с одной стороны и непригодные с другой; старые религии меняют кожу; ... теории, вымыслы, системы везде приходят в столкновение с действительностью; вопрос о будущем уже изучен и исследован так же, как и вопрос о прошлом»; Гюго пишет не только о Франции, но и обо всём Западном мире, стремившемся «вывести и открыто отстоять формулу человечества в девятнадцатом столетии»¹. Формула, а точнее, формулы человечества, о которых пишет автор «Собора Парижской богородицы» (1831) – это мифы, которые опрокинуты в прошлое, обращены в будущее, используя метафору Гюго, это та кипящая лава, которая заполняет сознательное и бессознательное общественного сознания, его запросы и ожидания, веру или отблески веры в настоящее и будущее, в золотой век.

Образ Фауста: некоторые аспекты мифологизации

Мифогенезис многих процессов мифотворчества на рубеже XVIII–XIX вв. был связан с переосмыслением ранее возникших и формирующихся образов, тем, мотивов, опирающихся на опыт не только Античности, но и народных легенд, последующих их обработок и трансформаций. На этом этапе ярко проявляются те разновидности символизма, которые выделял М. Метерлинк. Это «символизм бессознательный, который сопутствует произведению помимо воли его творца, часто даже вопреки ей, превосходя его замыслы», и «символизм ... умозрительный, преднамеренный», который «возникает из сознательного желания облечь в плоть и кровь некую мыслительную абстракцию»².

¹ Гюго В. Предисловие к сборнику «Осенние листья» [Электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/rulizar/nonf_publicism/gyugo/0/j29.html (дата обращения 15.03.2022).

² Метерлинк М. Интервью (1901) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдородора / сост. Г. К. Косиков. М.: Московский государственный университет, 1993. С. 441–444.

Умозрительный символизм сродни аллегории, считает Метерлинк, – и видит его прообраз во второй части «Фауста» Гёте.

Вокруг образа Фауста стараниями ряда литераторов, не только немецких, образовалось внушительное мифологическое пространство, позволяющее проводить аналогии в области мифотворчества как такового: «Истоки фаустовского мифа можно обнаружить в глубоком прошлом – в форме легенд. Среди них, полагает А. Н. Богомолов, особенно значима история о Симоне-маге, история о Киприане и Юстинии, а также о Феофиле. В этих сюжетах присутствует момент сговора с нечистой силой» [3, с. 63]. Литературоведы отмечают популярность книги И. Шписа «История о докторе Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике» (*Historia von Dr. Iohann Fausten, dem weitbeschreiten Zauberer und Schwartzkünstler etc.*, 1587), которая, как отмечает Г. Г. Ишимбаева [10, с. 11], стала «прецедентным текстом», явилась отправной точкой эстетического метаболизма эпохального образа.

Его литературные интерполяции начались уже в XVI в., когда К. Марло в «Трагической истории доктора Фауста» (*The Tragical History of Doctor Faustus*, 1604) предпринял попытку посмотреть на знаменитого шарлатана-чернокнижника «изнутри» с позиций позднего Ренессанса. Идея учёного-недоучки обрела положительную коннотацию – стремления к знаниям, а его мелочная натура раздулась до вселенской гордыни. Ирония Марло относительно всепача человека проявилась наглядно и ярко, и после векового перерыва мощно прозвучала в Германии, и сам Фауст стал сложнее – вобрал в себя многие тенденции, навеянные духом Просвещения. В романе Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» («*Fausts Leben, Thaten und Höllenfahrt*», 1791) он, помимо идеи носителя прогресса, исполнен донжуанской чувственной разнузданности, которая затмила все его более или менее созидательные способности и, в конечном счёте, привела в преисподнюю. Кроме того, по замечанию Г. В. Якушевой, он соотнесён

с одним из первопечатников Иоганном Фаустом (Фустом), помощником и соперником И. Гутенберга, а «книга – высший дар Просвещения – трактуется ... не только как инструмент познания истины, но и как орудие её искажения в угоду корысти и тщеславию – “дьявольскому”» в человеке» [24, с. 8]. У Г. Э. Лессинга «Фрагменты к Фаусту» (*Dramenfragmente D. Faust*, 1775) трикстер из Народной книги получает характеристики, свойственные убеждениям «бурных гениев». Здесь отчётливо звучит мысль об изначальной добродетельности Фауста и в то же время о его чрезмерной жажде знаний. Эпохальным явлением в немецкой и, чуть позже, мировой литературе стал «Фауст», созданный И. В. Гёте (*Faust*, 1806, 1831). Гёте вдохнул новую жизнь в фаустиану: с момента появления трагедии уже мало кто ориентировался на народную легенду – герой стал не только новым литературным мифом (как Дон Кихот и Дон Жуан), но и архетипом Нового времени, репрезентацией западного типа личности «фаустовской эры», что было отмечено О. Шпенглером в «Закате Европы».

Секрет мифологической, говоря словами Р. Барта, «непрозрачности» гётевского Фауста (и это давно уже не секрет) кроется в особом подходе Гёте к исследованию природы – в самом широком смысле. Преуспев в области естественных наук, познав, что такое управление государством, виртуозно используя естественнонаучные знания для решения задач в области эстетики и наоборот, Гёте сам собою являл подобие мифа, что и отразилось на образах его трагедии. Они максимально опредмечены и столь же максимально абстрагированы; их поступки закономерны и в то же время зачастую лишены элементарной логики. Тем не менее, всё логично и всё объяснимо, ибо фабульная суть поэмы являет собой систему шифров, которая открывается посредством применения к ней различного рода кодов.

В ряду сложившихся вариантов дешифровки этих кодов есть религиозная интерпретация фаустовского сюжета, которая

представлена в статье «Легенда о Фаусте и идея дьявола» (1945) английской писательницы Дороти Ли Сейерс. Её вклад как автора пьесы о Фаусте «Плата дьяволу» (1939), христианского мыслителя и переводчика «Божественной комедии» Данте отмечает Н. Р. Ленкова [15]. Дороти Ли Сейерс обратила внимание на условия сделки с дьяволом, которые зачастую символизируют то, что превыше всего ценится в ту или иную культурную эпоху. Для Ренессанса (К. Марло) – это человеческий разум, чувственные удовольствия, путешествия. Для Просвещения – знание, прогресс, совершенствование. И Гёте, утверждая в поэме «оптимистический взгляд оптимистической эпохи», обманывается, по мнению Ли Сейерс, в отношении лёгкой одолжимости зла [32].

В литературном мифе о Фаусте Дороти Ли Сейерс раскрывает тот высший символический смысл, который Данте упоминал как анагогический, но вписывает его в конкретный исторический контекст – пору второй мировой войны.

Заключение

Миф о Фаусте, как и многие другие мифопоэмы, мифодрамы, мифороманы, взывает к исторической памяти, национальным традициям, к современным и историческим аллюзиям, к наследию и жизни культуры, религиозному пониманию Добра и Зла, пробуждая и трансформируя скрытые смыслы. Миф рождается в том числе из метафоры и символа, может накапливать свои деструктивные и обновляющие ресурсы, варьируя те или иные эстетические признаки и мотивы.

На основе ассоциативных семиотических знаков, метафор и мифологем, текстовых и подтекстовых стратегий он пробуждает мощные архетипические пласты бессознательного и культуры. Литературные мифы формируют свою читательскую аудиторию, но и читательская аудитория, общественно-эстетическое сознание, откликающееся на запросы времени, формируют мифопространство эпохи. В этом процессе участвуют писатели, поэты, художники, журналисты, литературные критики, интерпретирующие, тиражирующие тот или иной миф, увеличивающие его силу. Французский литературовед Пьер Брюнель использует выражение «иррадиации мифа» [30]. Они создают и углубляют связи «реального» с «воображаемым».

Французские литературоведы пишут о «воображаемом» конкретной личности, целого народа, определённой эпохи. В это понятие они включают околонучные формы знания, религиозные верования, научную фантастику, нереалистическое искусство, политические стереотипы и социальные предрассудки [4]. Уточним: вообразимое входит в структуру не только творческого акта, но и рецепции, создания образа и мифа. Репродуктивное или символическое, оно обладает творческим потенциалом, тяготеет к системному объединению образов, которые несут в себе принцип самоорганизации, позволяющий «воображаемому» постоянно обновляться [4], формируя и видоизменяя миф, включая его в «бесконечную и всемирную игру интертекстуальных переключек» [10].

Статья поступила в редакцию 31.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Баткин Л. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 279 с.
3. Богомолов А. Н. Рождение мифа о Фаусте на Западе в XVI в. // Миф в истории, политике, культуре. 2020. № 4. С. 62–66.
4. Вальтер Ф. Сегодняшний день французской школы сравнительной мифологии (На материале романов о короле Артуре XII–XIII веков) // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 164–188.
5. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Университетская книга, 2010. 218 с.
6. Григорьев Н. В. Соотношение мифа и искусства в культуре (историко-теоретическое исследова-

- ние) // Теория и история культуры в РГПУ им. А. И. Герцена. 1988–2018 / под ред. И. И. Докучаева, Л. М. Мосоловой. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 30–129.
7. Давыдов И. П. Философия религиозного мифа // Давыдов И. П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. С. 117–168.
  8. Ефремова Л. В. Научный подход к мифологии: «Поэтика мифа» Е. М. Мелетинского // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 188–191.
  9. Зенкин С. Работа с мифом (Заметки о теории) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo> (дата обращения: 15.03.2022).
  10. Ишимбаева Г. Г. Миф о Фаусте и его трансформация в немецкой литературе и философии XVI–XX вв. // Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд: сборник аннотаций докладов Всероссийской научной конференции / сост. Н. В. Захаров, В. С. Макаров, Б. Н. Гайдин. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 11.
  11. Кассирер Э. Философия символических форм: в 2 т. Т. 2. Мифологическое мышление / пер. С. А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.
  12. Корнилова Е. Н. Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. М.: Наследие, 2001. 247 с.
  13. Косыхин В. Г. За пределами постмодернизма: Жан Бодрийяр и другое пространство мифа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 2. С. 124–128.
  14. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить / пер. с англ. К. Семёнова. М.; Киев: Гелиос: София, 2002. 256 с.
  15. Ленкова Н. Р. Английская фаустиана XX века. М.: Флинта, 2000. 199 с.
  16. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
  17. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. 170 с.
  18. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2006. 407 с.
  19. Рикёр П. Символика интерпретации зла // Рикёр П. Конфликт интерпретаций / пер. И. С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. С. 373–511.
  20. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции теории Поля Рикёра / пер. М. Маяцкого // Социологическое обозрение. 2012. № 2. Т. 11. С. 100–120.
  21. Шеллинг Ф. Философия искусства / пер. И. С. Попова. СПб.: Алтейя, 1996. 496 с.
  22. Элиаде М. Священное и мирское / пер. Н. К. Гарбовского. М.: Московский государственный университет, 1994. 144 с.
  23. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. А. Чечиной. М., АСТ, 2019. 495 с.
  24. Якушева Г. В. Фауст в искушениях XX века. М.: Наука, 2005. 235 с.
  25. Barthes R. Mythologies. Paris: Éditions du Seuil, 1957. 267 p.
  26. Campbell J. Mythes to live // forew. F. E. Johnson. 2 print. New York: Viking Press, 1972. 276 p.
  27. Brunel P. Mythocritique: Théorie et parcours. Paris: Presses univ. de France, 1992. 294 p.
  28. Cellier L. Lépopée humanitaire et les grands mythes romantiques Paris: Classiques Garnier, 2022. 484 p.
  29. Foeller-Pituch E. Classical Myths in the Works of Nineteenth-Century American Writers // International Journal of the Classical Tradition. 1995. № 3. Vol. 1. P. 98–108.
  30. Lévi-Strauss Cl. L'Homme nu. Paris: Plon, 1971. 560 p.
  31. Moreau M. Le mythe, thème & variations [Электронный ресурс] // Acta fabula. 2011. Vol. 12. № 2. URL: <http://www.fabula.org/revue/document6139.php> (дата обращения: 27.05.2020).
  32. Sayers D. L. The Faust Legend and the Idea of the Devil // The Poetry of Search and the Poetry of Statement (And Other Posthumous Essays on Literature, Religion and Language). London: Victor Gollancz Ltd, 1963. 286 p.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor (Rus. ed.: Kukartsev M., Kolomoets E., Kataev V., transl. *Istoriya i tropologiya: vzlyot i padenie metafory*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2003. 496 p.).
2. Batkin L. *Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti* [Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 279 p.
3. Bogomolov A. N. [The Birth of the Myth of Faust in the West in the 16th Century]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture], 2020, no. 4, pp. 62–66.

4. Val'ter F. [The Present Day of the French School of Comparative Mythology (Based on the Arthurian Novels of the 12th–13th Centuries)]. In: *Voprosy literatury* [Topics in Literature], 2007, no. 2, pp. 164–188.
5. Golosovker Ya. E. *Logika mifa* [The Logic of Myth], Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2010. 218 p.
6. Grigor'ev N. V. [Correlation between Myth and Art in Culture (Historical and Theoretical Study)]. In: Dokuchaev I. I., Mosolova L. M., eds. *Teoriya i istoriya kul'tury v RGPU im. A. I. Gertsena. 1988–2018* [Theory and History of Culture at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 1988–2018]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2021, pp. 30–129.
7. Davydov I. P. [Philosophy of Religious Myth]. In: Davydov I. P. *Khram i ritual: sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021, pp. 117–168.
8. Efremova L. V. [Scientific Approach to Mythology: “Poetics of Myth” by E. M. Meletinsky]. In: *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2020, no. 10, pp. 188–191.
9. Zenkin S. [Work with the Myth (Notes on Theory)]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2011, no. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo> (accessed: 15.03.2022).
10. Ishimbaeva G. G. [The Myth of Faust and Its Transformation in German Literature and Philosophy of the 16th–20th Centuries]. In: Zaharov N. V., Makarov V. S., Gaidin B. N., eds. *Kristofer Marlo i ego tvorchestvo v russkoi i mirovoi kul'ture: mezhdisciplinarnyi vzglyad: sbornik annotatsii dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Christopher Marlo and his Work in Russian and World Culture: An Interdisciplinary View: A Collection of Abstracts of Reports of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2018, p. 11.
11. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2 (Rus. ed.: Romashko S. A., transl. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2. Mifologicheskoe myshlenie*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 280 p.).
12. Kornilova E. N. *Mifologicheskoe soznanie i mifopoetika zapadnoevropeiskogo romantizma* [Mythological Consciousness and Mythopoetics of Western European Romanticism]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. 247 p.
13. Kosyhin V. G. [Beyond Postmodernism: Jean Baudrillard and Another Space of Myth]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 124–128.
14. Campbell J. Myths to Live (Rus. ed.: Semyonov K., transl. *Mify, v kotorykh nam zhit'*. Moscow, Kiev, Gelios Publ., Sofiya Publ., 2002. 256 p.).
15. Lenkova N. R. *Angliiskaya faustiana XX veka* [English Faustiana of the XX century]. Moscow, Flinta Publ., 2000. 199 p.
16. Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Mif. Number. Essence]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 919 p.
17. Meletinsky E. M. *Ot mifa k literature* [From Myth to Literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019. 170 p.
18. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poets of Myth]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2006. 407 p.
19. Ricoeur P. The Symbolism of Evil (Rus. ed.: Vdovina I. S., transl. *Simvolika interpretatsii zla*. In: Ricoeur P. *Konflikt interpretatsii* [Conflict of Interpretations]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, pp. 373–511).
20. Tétaz J.-M. Narrative Identity as a Theory of Practical Subjectivity. On the Reconstruction of the Theory of Paul Ricoeur (Rus. ed.: Mayacky M., transl. *Narrativnaya identichnost' kak teoriya prakticheskoi sub'ektivnosti. K rekonstruktsii teorii Polya Rikyora*. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2012, no. 2, vol. 11, pp. 100–120).
21. Schelling F. Philosophy of Art (Rus. ed.: Popov I. S., transl. *Filosofiya iskusstva*. St. Petersburg, Alteiya Publ., 1996. 496 p.).
22. Eliade M. The Sacred and The Profane: The Nature of Religion (Rus. ed.: Garbovsky N. K., transl. *Svyashchennoe i mirskoe*. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 144 p.).
23. Jung C. G. The Archetypes and The Collective Unconscious (Rus. ed.: Chehina A. A., transl. *Arkhetypy i kollektivnoe bessoznatel'noe*. Moscow, AST Publ., 2019. 495 p.).
24. Yakusheva G. V. *Faust v iskusheniyakh XX veka* [Faust in the Temptations of the Twentieth Century]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 235 p.
25. Barthes R. *Mythologies*. Paris, Éditions du Seuil, 1957. 267 p.
26. Campbell J. *Mythes to live*. New York, Viking Press, 1972. 276 p.
27. Brunel P. *Mythocritique: Théorie et parcours*. Paris, Presses univ. de France, 1992. 294 p.

28. Cellier L. *Lépopée humanitaire et les grands mythes romantiques* Paris, Classiques Garnier, 2022. 484 p.
29. Foeller-Pituch E. Classical Myths in the Works of Nineteenth-Century American Writers. In: *International Journal of the Classical Tradition*, 1995, no. 3, vol. 1, pp. 98–108.
30. Lévi-Strauss Cl. *L'Homme nu*. Paris, Plon, 1971. 560 p.
31. Moreau M. Le mythe, thème & variations. In: *Acta fabula*, 2011, vol. 12, no. 2. Available at: <http://www.fabula.org/revue/document6139.php> (accessed: 27.05.2020).
32. Sayers D. L. The Faust Legend and the Idea of the Devil. In: *The Poetry of Search and the Poetry of Statement (And Other Posthumous Essays on Literature, Religion and Language)*. London, Victor Gollancz Ltd, 1963. 286 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: kozzin@mail.ru

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru

Редина Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: olgaredina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Kozin – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: kozzin@mail.ru

Ninel A. Litvinenko – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

Irina E. Lunina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: lounir_odin@mail.ru

Olga N. Redina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: olgaredina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I) / А. А. Козин, Н. А. Литвиненко, И. Е. Лунина, О. Н. Редина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 85–94.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94

FOR CITATION

Kozin A. A., Litvinenko N. A., Lunina I. E., Redina O. N. Mythogenic and Myth-creating Potential of Images in Foreign Literature of the 19th century. Romanticism (Part I). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 85–94.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-95-109

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ СОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯНИНА-ЕДИНОЛИЧНИКА В КНИГЕ ОЧЕРКОВ Ф. И. ПАНФЁРОВА «В ПРЕДУТРЕННЮЮ РАНЬ» (1927)

Культышева О. М., Ращупкина О. С.

Нижевартовский государственный университет

628605, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать наиболее репрезентативные с точки зрения отражения диалектически противоречивого процесса перестройки крестьянского сознания в период коллективизации очерки книги Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927).

Процедура и методы. Проанализированы тексты очерков из книги Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань», приведён анализ взглядов современников писателя на его творчество, посвящённое теме коллективизации (П. Алгасова, А. Исбаха и др.). В исследовании использованы биографический, культурно-исторический и социологический методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в условиях общественной ломки процесс изменения сознания крестьянина-единоличника видится писателю сложным, но закономерным условием становления советской деревни.

Теоретическая и/или практическая значимость. Произведения Ф. И. Панфёрова анализируются как воплощение основных тенденций «колхозной прозы» 1920–30-х гг.; исследование восполняет пробел в изучении малоизвестных очерков писателя.

Ключевые слова: «В предутреннюю рань», очерк, Ф. И. Панфёров, тема коллективизации, тема перестройки крестьянского сознания

REFLECTION OF THE DIALECTICAL CONTRADICTION OF THE RESTRUCTURE OF THE PEASANT-INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS IN F. I. PANFEROV'S BOOK OF ESSAYS "IN THE EARLY MORNING" (1927)

O. Kultysheva, O. Stanislavovna

Nizhnevartovsk State University

ul. Lenina 56, Nizhnevartovsk 628605, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Russian Federation

Abstract

Aim. We analyze F. I. Panferov's book of essays "In the early morning" (1927) that is most representative from the point of view of reflecting the dialectically contradictory process of restructuring peasant consciousness during collectivization.

Methodology. The texts of essays from F. I. Panferov's book "In the early morning" are considered; the views of the writer's contemporaries on his work devoted to the topic of collectivization (P. Algasov, A. Isbakh, etc.) are analyzed. Use is made of biographical, cultural-historical, and sociological methods.

Results. The analysis shows that in the conditions of social breakdown, the process of changing the consciousness of a peasant-sole proprietor is seen by the writer as a complex, but natural condition for the formation of the Soviet village.

Research implications. The works of F. I. Panferov are analyzed as the embodiment of the main trends of the “collective farm prose” of the 1920s–30s; the study fills a gap in the study of poorly known essays of the writer.

Keywords: “In the early morning”, essay, F. I. Panferov, theme of collectivization, theme of the restructuring of the peasant consciousness

Введение

Тема путей развития «многомиллионно-крестьянского населения» стала главной в творчестве Ф. И. Панфёрова. Всеволод Сурганов в аналитическом очерке «Живая сила» (1976) сказал о периоде 1920-х гг.: «Вопрос, волновавший Панфёрова, встал в те годы перед многими из будущих его собратьев по перу. В недрах российской деревни, проходившей через пламя гражданской войны, формировалось поколение художников-самородков, которому предстояло вписать в историю молодой советской литературы одну из самых ярких страниц»¹ – тему колхозного строительства.

Действительно, ни отечественная, ни мировая литература не имели в те годы опыта осмысления коренной перестройки общественного бытия крестьянства и деревни в целом. Поэтому путь, выбранный Фёдором Ивановичем Панфёровым, – путь человека, с одной стороны, вышедшего из деревни и знающего её жизнь изнутри, с другой – участвующего в обновлении жизни в соответствии с революционными идеалами: это путь преобразования настоящего посредством художественно-публицистических обобщений.

Ф. И. Панфёров, сын бедного крестьянина, принявший идеалы революции и поддерживающий советскую власть, работая в редакциях советских газет и журналов, участвуя в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), был активным строителем социализма в деревне. Актуальность темы исследования определяется тем, что Панфёров, стоявший у истоков советской литературы, отражая процессы, происходившие в деревне в 1920–30-х гг., сумел показать диалекти-

ческую противоречивость перестройки сознания крестьянина-единоличника и сложности коллективизации как процесса, меняющего вековой уклад жизни мужика-крестьянина, что представляет научный интерес.

Галерея образов крестьян в книге очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927)

В основу художественного метода Ф. И. Панфёровым были положены наблюдения за меняющейся жизнью мужика-крестьянина. Так, Павел Козловский, вспоминая о первых днях знакомства с Фёдором Ивановичем, отмечает следующие особенности сбора художественного материала для будущих произведений: «Весь день он просидел рядом, наблюдая, как я принимаю посетителей и отдаю распоряжения по сельсовету. Он ни разу не вмешался в разговор, но, я чувствовал, внимательно слушал и посетителей и меня»², «Не без пользы провёл Фёдор Иванович и следующий, воскресный день. По его просьбе мы побывали в избах у многих активистов. Знакомились с их семейным бытом, с хозяйством. В каждом случае Фёдор Иванович старался втянуть в разговор не только хозяина, но и членов его семьи»³, «Теперь он уже просил меня съездить с ним в соседние деревни, побывать на полях, где ещё продолжались весенние работы. Он не пропускал ни одного общественного схода, стал принимать участие в заседаниях сельсовета, зачастил в сельхозартель “Свет”. Здесь он внимательно ознакомился с бухгалтерскими запися-

¹ Сурганов В. Живая сила // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 13.

² Козловский П. Лучший из лучших // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 61.

³ Там же. С. 63.

ми, интересовался учётом»¹. Накопленный материал творчески перерабатывался и приобретал, в большинстве случаев, форму очерка.

Михаил Гаврилович Майзель в начале 1930-х гг. объяснял развитие жанра очерка в конце 1920-х гг. следующим образом: «В условиях констатированного отставания художественной литературы от темпов социалистической реконструкции, первостепенно важное значение приобретает очерк. Своевременная фиксация всех разнообразных изменений, которые под напором новых общественных отношений происходят в окружающей действительности, составляют первую и наиболее существенную отличительную черту очерка. ... Именно в очерке находит своё отражение то преходящее, что несёт в себе наша эпоха и что, несмотря на свой временный характер, имеет огромное значение для революции» [3, с. 198]. Жанр очерка позволял Ф. Панфёрову отражать живые и противоречивые процессы, происходящие в современной ему деревне.

Весной 1926 г. Фёдор Панфёров, будучи редактором «Крестьянского журнала», отправляется в командировку на Тамбовщину. Александр Иванович Панфёров в биографической книге «Мой старший брат» так вспоминает об этом: «Попав в село Воронцовка, он некоторое время пожил в колхозе, по своему обыкновению, сблизился со многими людьми. ... Среди множества людей его внимание привлёк председатель Воронцовского сельсовета Павел Артамонович Козловский, человек своеобразный, огромного роста, большой силы и незаурядного ума. Они сдружились, и Фёдор целые дни проводил вместе с ним, внимательно наблюдая всё то, чему оказывался свидетелем»².

Творческим итогом этой поездки стал сборник «На реке Цне», многие произ-

ведения из которого год спустя вошли в книгу очерков «В предутреннюю рань», выпущенную в 1927 г. издательством «Московский рабочий»³. Эти произведения стали предтечей романа «Бруски», поэтому слова Александра Исбаха, посвящённые панфёровскому роману, можно в полной мере отнести и к очеркам, вошедшим в книгу «В предутреннюю рань»: «Панфёров чуть ли не впервые запечатлел жизнь новой, советской деревни во всей её сложности и многообразии»⁴.

В 1928 г. П. Алгасов в отзыве о книге очерков Ф. Панфёрова «В предутреннюю рань» говорит, что писатель «...местами лучше, местами хуже, обрисовал и подлинно-новую жизнь и притом в стадии её социально-бытовой завязи, а в некоторых случаях хорошо показал её в столкновении и борьбе с властвующими на деревне стихиями (спасение плотины, напр.). Новая жизнь у него не слетает на землю в виде райской птицы, по декрету соввласти, а рождается туго – в горе, в пыли, в солёной грязи – из тёмной мужицкой утробы. Иногда на его новом быте заметны следы невысохшей ещё родовой крови и застарелого деревенского пота»⁵. Алгасов отмечает следующую художественную особенность очерков, входящих в книгу: «В изображении явлений и людей Панфёров пользуется приёмами бытового письма с преобладанием диалогов. От себя он вносит несколько приторную певучесть и наивную влюблённость в ладную мужичью речь, которую он не только любит, но и знает, как знает вообще деревню и все дни её жизни»⁶.

Таким образом, в книге «В предутреннюю рань» речь персонажей является

¹ Козловский П. Лучший из лучших // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 63.

² Панфёров А. Мой старший брат. Штрихи жизни Фёдора Панфёрова. М.: Московский рабочий, 1980. С. 141.

³ См.: Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. 147 с.

⁴ Исбах А. Из самой глубинки // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 75.

⁵ Алгасов П. Ф. Панфёров «В предутреннюю рань» (Изд. «Московский рабочий». М. – Л. 1927, Стр.147. Ц. 1 р.) [Отзыв о книге] // Печать и революция: журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1928. Кн. 5. С. 211.

⁶ Там же. С. 211.

одним из важнейших средств создания образов крестьян, а содержание реплик позволяет читателю увидеть разные взгляды на процессы, происходящие в деревне.

Тридцать очерков, составляющих книгу «В предутреннюю рань», разделены автором на три части: в первую – «На распутье» (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.) – входят двенадцать очерков, во вторую – «Козловская республика» – семь, в третью – «Коллективщики» – одиннадцать.

Открывает сборник очерк «Маркел», в котором перед читателем предстаёт образ немногословного крестьянина, который везёт рассказчика и инструктора укома, ленинградского рабочего Котова, в Знаменку и всю дорогу «о чём-то тягуче думает». Маркел отвечает на вопросы гостей, не проявляя инициативы в разговоре. Вспоминая о помещике, мужик говорит: «Да-а-а. Чудной он у нас был – Строганов... Чудил всё...»¹. Очевидно, что Маркел ощущает собственную принадлежность к другим мужикам (на это указывает местоимение «нас»), т. е. он отражает сознание многих, для которых барин – не классовый враг, а всего лишь чудной человек, построивший мост через реку, которым пользовались всего лишь две недели в году во время разлива реки Цны. Историческую смену власти Маркел принимает равнодушно. О далёком прошлом он говорит: «Барин когда был, мост во всю длину сделал, чтобы во время разлива Цны проезд иметь»². Действия новой власти, совершённые в недалёком прошлом, также не оцениваются им, а констатируются: «Впрочем, была тут у нас – барская ещё (баня. – О. К., О. Р.), исполком на какой-то бюджет продал»³. О настоящем Маркел, отвечая на вопрос гостей о коммунистах, говорит: «Коммунисты? А как же без них? Теперь без них ничего нет... Все везде сидят...»⁴. Таким образом, перед читателями предстаёт крестьянин, который равнодушен к происходящим полити-

ческим процессам. Единственное, что его волнует – это будущие полевые работы. Именно поэтому он лишь однажды проявляет инициативу в диалоге, произнеся слова «Пахать скоро»⁵ (подробнее об этом очерке: [2]).

В очерке «Спектакль» действие происходит вечером перед Благовещением. Избач, обращаясь к знаменским комсомольцам, предлагает продемонстрировать «антирелигиозность»: «Товарищи, накануне Благовещения, этого дурмана – надо во всю показать себя, чтобы опиум подкопать»⁶. Грамматические и речевые несоответствия в реплике указывают на низкий уровень образованности человека, который должен «открывать глаза» мужикам на сложные политические процессы, проживаемые ими в настоящем. Необразованность избача и неподготовленность комсомольцев, которые решили «закатить спектакль» из времени Парижской Коммуны, создают комический эффект: актёры не знают слов; мальчишки, сидящие возле сцены, повторяют реплики суфлёра; зрители – «большинство комсомольцы, человек пятьдесят – ближе к сцене придвинули лавки, уселись звучно щёлкают семечки (орфография сохранена. – О. К., О. Р.)»⁷. Драматизм разыгрываемой сцены остаётся не понят пришедшими на спектакль: приговор коммунара к расстрелу и его казнь их абсолютно не трогают: «Машке не дали докончить хохотом, подхватили: А ты разденься... Разденься-ка, Машка... Ну-ка, отчублуть»⁸. Перед читателями предстают молодые люди, которых можно назвать авангардом деревни: они комсомольцы, но сознательность их, как и уровень культуры, очень далека от идеального представления читателей об истинных комсомольцах.

В очерке «Одиннадцать дохлых лошадей» Панфёров знакомит читателей с Николаем Крутовым – постоянным возчиком вика (ВИК – волостной исполни-

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 6.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 13.

тельный комитет. – О. К., О. Р.), который рассказывает гостям «биографию своей бедовой жизни»¹. Вехами в этой биографии является гибель лошадей, которых с 1904 по 1924 гг. у Николая побывало одиннадцать. Последняя была куплена на кредитные деньги, которые нужно вернуть. Разговорчивый Николай Крутов знакомит со своей жизнью, упоминая, что при наличии лошади он не пашет землю, а нанимает для этого других, ибо система деления земли между мужиками нерациональна: «При графе-то нас как считали – кнутошниками: на чужих лошадях только может-де работать... Земли у нас не было... а и теперь поле отвели – первый загон в четырёх вёрстах, последний в десяти. Пока туда едешь – кормить лошадь надобно... Да и земли-то... горе... Вон оно – гляди»². Поле первого знаменского земельного общества, которое видят рассказчик и секретарь волкома ВКП Беляев, производит удручающее впечатление: «Кое-где виднеются брошенные загончики жиденького проса, местами просо перепахано и засеяно рожью – от этого поле кажется каким-то несуразным – пёстрым»³. Николай объясняет увиденное: «Да ведь жаль загон бросать. Вон просо мужик посеял, а оно не уродилось, – ну и жаль землю бросать»⁴. Вложенный мужиком-крестьянином труд не всегда возвращается сторицей. Крестьянин-единоличник – заложник обстоятельств – понимает, что современные орудия труда могут изменить жизнь («Трактор – он шутя эту землю возьмёт. А тут на четвёрке пятнадцать сажень – больше в день не спашешь»⁵), но приобрести трактор нет возможности. Для Беляева выход очевиден: «В коллектив вам надо собраться... Прямой тебе расчёт итти (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.) в коллектив. А там и трактор купите»⁶, – но Николай после непродолжительной паузы отвечает: «Себя там потеряешь, и хозяина

не сыщешь... А тут – сам себе воля... Сам приладишь, сам и наладишь – с себя и спрашивай»⁷. Желание быть «самому хозяином» – это позиция мужика-собственника, который признаёт преимущества прогресса, но не готов стать его частью.

В очерке «Тутуля» Ф. И. Панфёров изображает собрание мужиков в сельском совете: «И стояли мужики: ближе к сцене, на сцене – за спиной молодого преда – в дублёных, овчинных шубах с большими воротниками... А по углам и назади в нардоме – в полушубках, в шапчонках рваных»⁸. У присутствующих разные цели: Маркел Пестрюков пытается повлиять на выборы и поставить на должность молодого, а значит, управляемого человека. Этот хитрый мужик циничен и понимает, что система власти несовершенна. На вопрос предволкресткома «Что я отвечу перед высшей властью?.. Скажут, где мнение крестьян?», Маркел, растягивая слова, отвечает: «Ну, скажешь, тебе не привыкать»⁹. Он один из тех, на ком овчинная шуба. В репликах же бедных мужиков, тех, на ком полушубки, считается неприязнь к таким, как Маркел. Васька Доронин, в прошлом председательствующий на собраниях, зло гаркает: «Открывай, что ль... аль на тебя глядеть пришли да на твоих... Ишь, всю местность тулупами заставили!»¹⁰. Но голоса мужиков из этих двух групп сливаются в один хор, когда Митрий Чалкин задаёт вопрос: «Пускай он скажет, – куда хлеб девали? А то заседания, вопросы... Посеву было двести десятин, трактор имелся, а хлеба осталось двести пудов – вот пускай скажет» – «Гам, вой, крики – распахнулись тулупы, заговорили, загорланили, и утонул безвозвратно голос предволкресткома в этом мужицком гаме»¹¹. Автор создаёт образ толпы, готовой уничтожить любого, кто претендует на их собственность, на главную ценность в жизни крестьянина – хлеб. Они не хотят и не могут услышать

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же. С. 24.

каких-то объяснений. Мужик в толпе превращается в зверя, когда дело касается его собственных интересов.

В очерке «Шлѐнка» Фѐдор Иванович рисует образ Ивана Яковлевича Соколова, которого все мужики называют Ванька Шлѐнка. Его отец был зажиточным крестьянином, который владел пятьюстами десятинами своей земли, тридцатью лошадьми, на его поле полсела работало. Он был человек-труженик: «Как снег сошёл – так в поле в работе. Ноги у него истрескаются в кровь, а он: по жнивью, так по жнивью – ничего не разбирал»¹. Но дети пошли не в отца, поэтому никто не помнит настоящей фамилии Ивана – Соколов, для всех он Шлѐнка – запаршивевшая овца, рядом с которой даже простая овца из одного места не будет пить. Рассказчик, живя в течение недели у Шлѐнки, видит его всё время лежащим на полатях. Происходящее во внешнем мире вызывает у Шлѐнки и его жены только отрицательную реакцию: «Всѐ давай да давай... Ссуду давай, налог давай, страховку давай, на строй давай, – бурчит Шлѐнка»². Но на вопрос рассказчика, что взяли с него лично, не может дать ответа. Этот крестьянин не привык работать, он может только критиковать и раздавать советы. Например, он рекомендует рассказчику, получающему шестнадцать рублей, просить прибавку к жалованью. Но когда рассказчик объясняет Шлѐнке, что если повышать зарплату тем, кто просит прибавки, то деньги пойдут с мужиков, тот меняет своё мнение на противоположное: «Э, – резко оборвал меня Шлѐнка, – шестнадцать хватит... прокормишься!»³. Этот мужик ленив настолько, что не делает абсолютно ничего. Его единственное желание – отдыхать, лёжа на полатях. Ни огромное количество тараканов, звук падения которых напоминает рассказчику шум дождя, ни буланка, у которой отнялись задние ноги, не способны изменить поведение Шлѐнки. На всё у него готов

один ответ: «Я говорил, что надо сделать, а сам никак не удосужусь».

В «Сватовстве» читатели могут наблюдать за тем, как меняется сознание молодёжи, готовой отказаться от прошлых традиций. Сюжет отражает процесс сватовства: Иван засылает в дом возлюбленной Стешы сватов. Причиной напряжѐнности сторон становится вначале количество вѐдер самогона, который должна предоставить одна из сторон на свадьбу, ведь с самогонщиками объявлена борьба, а позже отказ матушки-попадѣи благословлять Стешку на брак, т. к. мать жениха из староверов. На что Стешка в присутствии собравшихся говорит, что пойдѣт замуж и без еѣ благословления, чем вызывает негодование женщины. Но поп-батюшка отмахивается от жены, говоря: «Новое время... не тревожь...»⁴. Заканчивается произведение упоминанием о том, что всю ночь будущие родственники гуляли, распивая самогон, и «гут же, в углу, на сундуке, раскачивался, пел “Могилу” пьяный милиционер»⁵, который должен был бороться с самогонщиками. Для молодых оказываются важны не традиции, а эмоции, чувства, поэтому с такой лёгкостью девушка, ежедневно посещающая келью, ради личного счастья готова отказаться от религиозных правил, требующих благословления духовной наставницы, крестной.

В последнем очерке первой части книги «В предутреннюю рань» – «К одному берегу» – автор с помощью метафорического сравнения создаѣт образ крепкого хозяйственника Ильи Максимыча Плакущева, который держал в руках покровских мужиков «так крепко, как новая карга»⁶ держит дубовые сваи»⁷. Революция измени-

¹ Панфѐров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 26.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Карга – железная скоба, с носками в разбежку, туда и сюда, вколачиваемая пильщиками в бревно и в козлы; иногда и прямая скоба, для возки брёвен. См.: Карга // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: [сайт]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=12861> (дата обращения: 01.07.2022).

⁷ Панфѐров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 49.

ла привычную жизнь Ильи Максимыча: «Скучал Плакущев после революции: землю у него отобрали комбедчики, хлеб из амбара выгрузили, пересчитали мешки с хлебом, меж собой поделили, Плакущеву оставили – пай»¹. Привыкший к тому, чтобы «загребать», Плакущев решает попросить на сходе у мужиков право пользоваться островом, на котором обещает развести сад для всех, но по факту засаживает участок картофелем и тыквой, которые дают осенью хороший урожай для него лично. Земля для него – ценность: ради земли Плакущев готов строить каверзы, поэтому, когда решением суда часть плодородной земли перешла мартыновцам, выступающим «за четырёхполку, за трактор, за агрономию»², Илья Максимыч в течение двух лет обивал пороги судов, чтобы не отдать её коллективу. Но решение губсуда поставило точку в этой истории: «Окончательно отвести землю мартыновцам за Алаем на Зелёной»³. Утрата плодородной земли запустила процесс передела земельных наделов и показала, что мужики неоднородны: «Передел, так всем передел! Мы, как безлошадный пролетариат и вообще лошадный хотя, – нам дядьба около вас некогда... Мартынов уж трактор, а мы дядим... кусать скоро нечего. Гаркнули стороны. Лопнула железная карга Плакущева, пошатнулись дубовые сваи. Уцепились владельцы Коровьего острова за каргу – силы напрягали силы чернозёмные, мужицкие»⁴. Конфликт вскрывает многолетнее противостояние бедных и зажиточных крестьян. И в момент открытой ссоры с мужиками Плакущев произносит фразу, раскрывающую его истинное лицо «Между нами братства нет, а вы хотите равенство!»⁵. Годы, прошедшие после революции, смена власти, механизмов управления не изменили Илью Максимыча. Он

всё тот же собственник, думающий лишь о своём благе.

Во второй части книги, которая получила название «Козловская республика», галерея образов крестьян расширяется. Уже в первом очерке «За землей» мы видим двух мужиков – Кузьмича и Микольку, которые – «с “христом и матом” – ввалились к нам в вагон»⁶. Обращает на себя внимание следующая художественная деталь: в переполненном пространстве нет свободных мест, и Кузьмич, уткнув «рыжую с кудерками бороду в верхнюю полку», спрашивает земляка: «Ну, Миколька, на подловку?»⁸. На что Миколька «беспресловово развёл руками» и произнёс фразу: «На подловку, так на подловку. Привычны». В этом ответе чётко слышится готовность принять текущие обстоятельства, не сопротивляться им. Но следующая ироничная реплика Кузьмича показывает, что мужик не так прост: «В слободной-то республике, да за свои денежки, – подмигнул Кузьмич, – А то и тут, – добавил он и уселся на мешок прямо в проходе»⁹. Эта мысль находит подтверждение и в словах героя, обращённых к пассажирам поезда, идущим к выходу из вагона: «Эй, куда прёшь? На язык норовишь! Эй! Вы! Ай да социализированы! Граждане слободной республики!»¹⁰. Образ героя приобретает новые черты в диалоге с комсомолкой, которую Кузьмич пытается разыграть. Узнав, что девушка из Москвы, он спрашивает: «Ну, как там Ленин наш живёт?». Услышав в ответ: «Умер давно тов. Ленин», говорит: «Вот-те на. А говорят, живёт: в избе такой лежит... не ест, не пьёт, а живой...»¹¹, «А нам сказывали на спектакле – живой. Бегунок к нам такой из Тамбова приезжал и перед нами:

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Подловка – ж. пск. вор. донск. искажён. подволока, чердак. См.: Подловка // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: [сайт]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=12861> (дата обращения: 01.07.2022); здесь: в значении «верхняя полка».

⁸ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 56.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ Там же.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же.

живой Ленин, живой, да и только»¹. Эти реплики создают, на первый взгляд, образ балагура, хохмача, но Кузьмич не так прост. Вначале он характеризует прочитанное в «Крестьянской газете» письмо «к Калинину Владимиру»: «Ну... ничего письма... Башкан парень... Только, – усмехнулся, – сапоги-то мы носим по тридцать лет, а не то, чтобы каждый год... Вот они у меня, – хлопнул он рукой по голенищу сапога, – с Порт-артурской войны, а всё ничего... А Владимир этот каждый год сапоги хочет мужику... Бестолочь»². Портретная деталь – усмешка – выражает недоверие к лозунгам и обещаниям советской власти. Позже читатель узнаёт историю героя: до революции Кузьмич «около барина Болдырева тёрся – от Болдырева ему перепало. Купил тогда участок земли в двадцать десятин... Пахал, сеял. Потом революция у него участок отняла. Лежал он несколько лет непаханный (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.), – пыреем да бурьяном зарос. А тут Михаил Антонович артель организовал – землю им бывшую болдыревскую отвели, а при отводе и участок Кузьмича прихватили. Думалось до этого Кузьмичу, – авось, участок назад вернётся, и ещё кое-что думалось...»³. Кузьмич не сопротивлялся, видя пустующий участок, но когда понял, что земля уходит другим, попытался предпринять шаги, чтобы она не досталась артели, прикрываясь интересами сивенских мужиков: «Не за себя страдаю... за народ страдаю... за народ, потому как у вас “естественный захват”, и я буду за эту идею биться»⁴. Кузьмич, противопоставляя себя артельщикам (использование местоимения «вас» доказывает это), был готов затаиться и ждать, видеть принадлежащий ему в прошлом земельный надел пустующим, но оказался не готов передать его другим для общего блага. Индивидуализм и собственничество – вот сущность природы крестьянина Кузьмича.

В очерке «Подход» читатель видит мужиков – членов сельсовета и крестьянского актива, которым глава предсельсовета Павел Артамонович Козловский читает телеграмму о возврате семсуды. Мужики не готовы расставаться со «своим, кровным». Слова крестьянина Ваньки-Звонка: «Мы на фронтах кровь проливали... Мы воевали, а хозяйство наше шло в упадок... хозяйство в расстройстве, а тут платить... мы бы рады платить, да не продавать же последние шобана»^{5,6} – находят поддержку у баб и мужиков. Но реплика Евдокима – одного из присутствующих в сельсовете крестьян – показывает, что и в народной среде есть сознательные элементы: «Выбрали нас не на то, чтобы мы ввали, да пятки лизали... И мы должны навстречу пойти – собрать всё до ста процентов»⁷. Вот только причина, по которой Евдоким побуждает мужиков к возврату семсуды, связана не с его идеологической позицией или широтой политических взглядов, а с крестьянской сущностью: «Ну, нонче семсуду не отдадим – на будущий год спросится...»⁸. В этих словах считается зависимость крестьянина от власти, готовность принять неизбежное, выбрать меньшее зло.

В очерке «Земля» Панфёров создаёт образы двух крестьян – Трюфелькина Матвея и Меркушева Андрея. У них разные судьбы, но их выделяет умение работать на земле. Однако это не приносит им счастья. Один болен: «И в поле Трюфелькин передом идёт – землю разрабатывает так, что люблю глядеть. Оттого у Трюфелькина всегда хлеб, всегда добро есть. Одна беда: от работы у Трюфелькина внутри будто всё пересохло, и живот всосался пустым лукошком, прикрытым самотканной рубахой»⁹. Другому из зависти сожгли ригу и назва-

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 58.

² Там же.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Шобан – вероятно, образовано от шобоны, шобаны, местн. тряпьё, изношенная одежда. См.: Шобан // Демиарт: [сайт]. URL: <https://demiart.ru/forum/journal.php?user=102605&comm=137688> (дата обращения: 01.07.2022).

⁶ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 63.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 66.

ли кулаком: «Пришла новая война, с этой войны Меркушев в плен попал, три года на ферме в Германии жил и там многому научился. Домой вернулся, заместо огурцов и капусты на огороде турнепс (свёклу) посеял – со 150 кв. саженей 500 пудов собрал – всю зиму двух коров и лошадь турнепсом кормил...»¹. И Трюфелькин, и Меркушев понимают, что прежняя форма возделывания земли – трёхполка – изжила себя, но осознают они и то, что мужик не готов принять новое. «Народ... Народ, голубчик, Пал Артамоныч, попятится. Для него четырёхполка, ровно новые ворота козлу – вот что», – говорит Трюфелькин². «На высылку надо итти всем, – говорил он (Меркушев. – О. К., О. Р.), как только из плена вернулся, – общество такое большое – петля нам, и трёхполка – петля», «Заклевали Меркушева... Ригу сожгли. Да ещё кое-кто из ячейки подбавил – кулаком назвали. С той поры и примолк Меркушев»³. Именно к этим мужикам идёт за поддержкой Козловский, да ещё к красноармейцу Королеву, который вначале отказывается поддержать идею перехода на четырёхполку («Боязно... сомнут...»), но позже соглашается. Решение Козловского о переходе на четырёхполку, поддержанное активистами, вызывает переполох в селе. Но спустя несколько дней на сходе «сотни корявых рук уткнулись в небо – за четырёхполку»⁴. Панфёров показывает, как инициатива равнодушного председельства Козловского меняет вековые устои, а также что среди мужиков есть те, кто готов развиваться.

В очерке «Без точки» писатель поднимает острую тему уплаты сельхозналога. Зажиточный крестьянин Иван Петрович Чалкин не скрывает своего нежелания платить: «Всё с нас да с нас... а с бедноты-то когда?»⁵. Оставшись наедине с собой, он рассуждает о том, что корову нельзя обла-

гать налогом, так как она «молочная кормилица во всем крестьянском хозяйстве», лошадь тоже облагать налогом нельзя, т. к. «она и так за лето маяты примет сколько, а тут...», да и землю облагать налогом не следует: «Никто её не сработал, сама явилась. Причём поту от неё, ох, сколько пролито, а тут – обложи...»⁶. Панфёров вводит специфический приём психологического изображения: сон Ивана Петровича о том, что он не может воспользоваться мостом, построенным советской властью, а потому тонет в реке, через которую был вынужден перебираться вплавь, возвращаясь из Тамбова домой. Этот сон меняет его позицию. Вопросы, задаваемые ему Козловским во сне, объясняют, почему он должен платить сельхозналог: «Мосты государство строит, дороги государство строит, больницы государство строит и лечит бесплатно, школы притом строит и всего такого много. Армию, допустим, содержит, чтоб тебя охранять! А ты что? Ты налог платить отказался. Так?»⁷. Читатель видит, что зажиточный мужик способен принять доводы и сделать правильные выводы, оказавшись в ситуации, представляющей для него угрозу.

Подобное перерождение мужика Митрия Чуркина мы видим в очерке «Аграфена Чуркина». Муж «своими длинными ручищами» бьёт жену просто так: «За что? Сам потом догадаться не мог»⁸. Но разговор с женделегаткой Анчуркой, прозванной так за «смелость и великий рост», которая угрожает Митрию «съездить мокроступом по рожке», меняет его поведение: «С тех пор и пошло всё по-иному»⁹. Заканчивается очерк идиллической картиной: Митрий в новой шапке, «сделанной лет пятнадцать тому назад – при женитьбе ещё», вместе с женой Аграфеной идёт в народ, где слушает «бабы речи про мужицкую жизнь»¹⁰.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 68.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 85.

Завершается вторая часть книги «В предутреннюю рань» очерком «Сход», в котором мы видим мужиков, собравшихся для обсуждения вопросов о землеустройстве и о семсуде. Вновь пробуждается в мужиках собственничество: желание оставить себе первосортную землю, а коллективу отдать обглодыши, нежелание платить семсуду. Мужики в толпе остаются той же бессознательной массой, для которой собственные интересы важнее общественных, государственных. Века (именно так! – О. К., О. Р.) Фёдоровна Панфёрова, пересказывая эту сцену, свидетелем которой был её отец, пишет: «Крик, конечно, поднялся до самого неба – можно было подумать, отбирают у них последнее»¹. Предсельсовету Козловскому, имя которого вынесено в заголовок второй части книги («Козловская республика»), удаются справиться с мужиками, что характеризует его как мудрого руководителя, знающего природу крестьянина.

В третьей части «Коллективщики» Панфёров изображает крестьян, принявших решение объединиться в коллектив (артель, коммуну). От этих героев читатель ждёт высокого уровня самосознания, ведь они преодолели индивидуализм собственников и живут по новым правилам совместной собственности. Но уже в первом очерке «На реке Цне» появляется образ Митьки, который до революции работал на псарне у барина. Этот мужик, уличённый Савастьяновым в том, что покинул без разрешения скотный двор, устав от блеяния овец и мычания коров, которые вечно голодны, слышит упрёк в свой адрес: «Э-э-эх, ты! – протянул Савастьянов. – Привык у барина на псарне вилять!»². И после этого начинает защищать классового врага: «А что барин... про барина ничего дурного не скажешь!.. Барин был человек. Его все в округе знали и хулу на него не несли, а на нас вот!»³. Митька не раскаивается ни в своём безответственном поведе-

нии, ни в сказанном, он лишь жалеет о том, что его увидел председатель Савастьянов: «Понесла же меня холера... вот дурак – опять влопался... теперь опять на собрании вопрос обо мне... итти так бы надо сторонкой, вон там, а я тут – напрямик»⁴, т. е. только лишь факт вступления в коммуну и жизнь в ней по новым правилам не является залогом того, что сознание человека непременно изменится и станет идеологически верным, соответствующим официальной позиции власти.

В очерке «В избе Савастьянова» действия происходят за три года до описываемых в книге событий: мужики, разговаривая с приехавшим Яковлевым (Яковлев Я. А. – замнаркома РКИ СССР. – О. К., О. Р.), делятся с ним своими проблемами: нерациональное использование земли привело к её оскудению, нападения бандитов лишили мужиков сельхозорудий – не осталось ни одной настоящей «пахалки». Выслушав их, старший товарищ говорит о преимуществах коллективного ведения хозяйства, что позволит «перестроить жизнь, уйти от нужды». Собравшиеся в тот вечер в избе Савастьянова мужики – Лаврушка, Митька Борзятник, Штыркин, братья Савастьяновы и дедушка Архип – принадлежат к разным поколениям, но их объединяет одно – желание результативно трудиться на земле. Собравшиеся крестьяне считают, что не сумеют найти в себе силы изменить вековой уклад – уйти от трёхполки и этим пойти против народа. В частности, Савастьянов говорит: «Он, народ, что буря: понесётся в одну сторону – не сдержишь!»⁵. На что Яковлев предлагает им собрать актив, организовать коллектив, «Власть пойдёт вам навстречу: даст кредит, льготы, машины. А когда вы окрепнете – оплатите власти»⁶. Решение мужики выносят чуть позже, оно озвучено в очерке «Варькина жизнь». Савастьянов отвечает Яковлеву: «Итти... бесповоротно! Хуже не будет... а сообща возьмёмся – осилим»⁷.

¹ Панфёрова В. Ф. Дело всей жизни: повесть о Фёгоре Панфёрове. М.: Советский писатель, 1987. С. 144.

² Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 92.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Там же. С. 103.

«Так вот – три года тому назад, в весну двадцать пятого года – воронцовские крестьяне во главе со Степаном Савастьяновым и Лаврентием Сергеевым, в количестве тридцати семей, выбрались из общества и организовали в бывшем, полуразрушенном барском имении сельскохозяйственный коллектив»¹ – так начинается очерк «Плотина». Ожидаемо, что текст будет наполнен риторикой торжества новой жизни, ведь читателю уже известно, что коллектив получил трактор – он «победителем гудел на конце села»², но холод в маленьких домиках и голод точат изнутри тех, кто решил пойти против векового уклада. «Чай, не две жизни дано? Одна. А этому когда конец – не видно... Дождём ли, Степан?.. По дороге развалимся...»³, – говорит жена Степана Савастьянова. «Погоди, Татьяна, доживём, оденемся... Заживём в тёплых избах, баранину есть будем»⁴, – уговаривает её муж. Бессознательность жены, её сомнения побеждает уверенность мужа в счастливом завтрашнем дне. Но когда коллективисты сталкиваются со стихией – лёд на реке Цне угрожает сохранности плотины, – после двух дней борьбы с «полчищем седых северян» даже мужчины проявляют слабость: «По мужикам пошёл сначала тихий говор. Говор перешёл в злобное ворчание. Митька Борзятник кинул в сторону лом, крикнул – Не буду больше!... Аж будь проклята ваша коммуна... Што, – душу положить?»⁵. Остаются один на один со стихией двое – Лаврушка и Степан Савастьянов. Мужики же, «разойдясь по избам, быстро разулись, закутались в мохры и крепко заснули»⁶. Кажется, что беды не миновать. Но ситуация неожиданно меняется – растрёпанная Варька (жена Лаврушки) будит баб, которые отправляют своих мужей к плотине – сообщая им (бабам, девкам, ребятам, мужикам) удаётся отбить наступление реки.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 85.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 111–112.

⁶ Там же. С. 112.

Последними словами очерка становятся слова Варьки: «Сила в нас, сила!»⁷. Таким образом, Панфёров показывает, как крестьяне преодолевают страх за свою жизнь, свою слабость перед усталостью, потому что чувствуют свою ответственность за результат, за общее дело.

В очерке «Страда» нарисована идиллическая картина жатвы бабами из коллектива ржи: пение, шутки, обильный урожай создают гармоничную картину полноты жизни. В противовес дана история уборки урожая Ванькой-Звонком и Клусей. По весне Ванька сеял рожь без штанов, выполняя наказ бабушки и думая, что это даст хороший урожай, но «пшеничка кургузым собачьим хвостиком выщелочилась из земли, загнулась крючком и выпачкала носик в пыли»⁸. Он срывает зло на беременной жене – «звонит руганью», а затем и вовсе бежит с ненавистного поля. Встретив по дороге Савастьянова, он просит его принять в коллектив: «Дядя Петя! Возьми, – взвыл он, – мозоли от жизни такой. – И залился Звонок звонкими слезами»⁹. Желание Ваньки-Звонка влиться в коллектив становится своеобразным сигналом времени – даже он, некогда не принимавший идею жизни в коллективе, насмехающийся над коллективистами, готов изменить свою судьбу. «А вот скоро и вся деревня так побежит...»¹⁰, – думает Савастьянов.

В очерке «Соха-та, матушка» главным героем становится дедушка Харламий, который прожил долгую жизнь и считает себя вправе передавать опыт следующим поколениям: «До сей поры дедушка Харламий в своём хозяйстве держался одного и внука своего учил: “Держись, малец, за соху-матушку – она соха-то матушка не выдаст... Бывало, как сохами наворочам – урожай во какой”»¹¹. Старика страшат нововведения. В частности, он

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Там же. С. 121.

¹⁰ Там же.

¹¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 122.

убеждён, что «трактор-та прокоптит всю землю сквозь...»¹. Данный мотив является однопорядковым с характерными для ряда писателей переходного периода (Н. Клюев, С. Есенин и др.) «мотивами разрушительного воздействия цивилизации и технического прогресса» [1, с. 206]. Технический прогресс пугает представителей старого поколения, поскольку требует перестройки, ломки складывавшейся веками жизни. Об этом предупреждал юного Панфёрова инженер-большевик Сивашев ещё до революции. В автобиографической повести «Родное прошлое» Фёдор Иванович вспоминает разговор о возможной механизации сельского труда, произошедший незадолго до революции, в ходе которого опытный большевик говорит: «Такого коня нет на земле, а ежели появится, то он все полоски у мужиков поломает – не примут такого коня»². События, происходящие десять лет спустя и описанные в данном очерке, подтверждают справедливость этих слов. Старик насмехается над коммунистами, называет их чурилами. Но когда коллективисты начали молотить трактором крестьянский хлеб, то дедушка Харлампий, наблюдая за работой трактора, хрипит: «Дерёт... Вот это дерёт»³ и соглашается на то, чтобы обмолотили и его снопы с хлебом. Старик сложно осознать, что тот объём работы, на который у него уходили недели, может быть выполнен за час машиной. Но, несмотря на сомнения, он готов попробовать новое, прогрессивное. Механизация труда – благо для мужика. Крестьянин не может не понять её очевидных преимуществ.

Очерк «Октябрины» посвящён рождению членом коллектива Варькой сына. Вначале мужики в доме Кирилла Савастьянова выбирают имя мальчику по календарю, в котором имена переплелись: «наряду с Октябриной, Революцией, – Кирилл, Мефодий и святой Лука»⁴. Жена Кирилла предлагает назвать Кузьмой, т. к.

близок день Кузьмы-бессребренника, на что Степан Савастьянов отвечает: «Это отошло, в предание отошло. Теперь мы должны»⁵. Выбранное имя рекомендовано товарищем рассказчика – гостем из столицы – Ким (Коммунистический интернационал молодёжи). Но это имя автоматически лишает ребёнка возможности пройти таинство крещения, что возмущает сестру хозяина дома – Шесту: «Да вы что? Что надумали? Без креста мальчонку. А-а-а... Не дадим... Мы, православные, соберёмся и не дадим...»⁶. Но счастливая мать Варька не переживает по поводу невозможности окрестить ребёнка с таким именем. Она согласна с мужем Лаврушкой, который выбрал имя сыну. Хотя рассказчик отмечает, что наутро не только сёстры, но и сама Варька не могут вспомнить, как вчера назвали ребёнка. Обряд крещения заменяют на октябрины, приглашают гостей. И если вначале родные отказываются идти, а старый дедушка Пётр называет происходящее язычеством, то в день октябрин все собираются за столом. Разговор возвращается к теме крещения ребёнка. Кузьма Иванович авторитетно заявляет, что «Бог не примет... вода не пристанет после октябрин, как с утки скатится»⁷. Дедушка Пётр зажимает волосатый рот рукой и не заканчивает фразу: «ты крещена, я крещён, а эти, как...»⁸. Этот разговор перерастает в диалог об утрате молодёжью веры: «Нонче весной приехали, – что это, мол, вы, детки, не молитесь. А они: не твоё дело, да ещё про дурман какой-то»⁹. Точку в споре ставит Штыркин: «Эх, деда... бывало, везде икон навешаем – и в риге, и на гумне, и в курятнике. Выйдешь, бывало, из дому, – молится, кланяется, – и ну везде козырять, к ним прикладываться, – а кур нет, хлеба нет... А теперь без икон, да всё есть»¹⁰.

В предпоследнем очерке «Шабры» (соседи. – О. К., О. Р.) перед читателем пред-

¹ Там же.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 129.

стают образы двух крестьян, живущих по соседству. Первый из них – бесхозяйственный Соловей, которого на селе зовут Адамом. Полтора года он жил без крыши, т. к. она превратилась в труху, хотя, по словам рассказчика, у иного хозяина камышовые крыши по двадцать лет живут. А когда руки дошли до починки крыши, Соловей «камышу накопил и, не дожидаясь, когда он просохнет, прямо зелёный и как попало побросал его на крышу. А вместо жердей надёргал стеблей подсолнуха и уложил их на макушку. После этого, как только дунет ветер, камыш сползает к подножью мазанки, и Соловей вновь возится с крышей»¹. Такая бесхозяйственность становится причиной насмешек над Соловьём. Гости спрашивают у Адама, почему он покрывает крышу старым камышом. И слышат в ответ, что камыш взять негде, при этом за огородами «огромным зелёным морем волнуется камыш»². Читатель узнает о прошлом Адама, что он был дезертиром, что когда-то работал и в совхозе, но обыкновенно он спал вместе с быками в поле, а не трудился. Ему лень обработать копыта у хромящей лошади. Единственная его забота – ночью загонять в сети мелкую рыбёшку. Соловей – мужик-лентяй, который обвиняет в своих неудачах других и не готов брать ответственность даже за собственную жизнь: «У бедняка-то всё валится, а у богатея вон – ничего»³. Побитая рига Соловья, заросший сорняками огород, полуразрушенная изба, слепая и хромящая лошадь противопоставлены высокой, с крутыми скатами риге соседа – Андрея Меркушина, его ухоженному огороду, кирпичному домику с крепкими сараями и полукровной рыжей матке с двумя прекрасными жеребятами. Андрей – хороший хозяин, думающий, трудолюбивый. Именно Меркушин говорит о жадности русского мужика, у которого «рот широк», о лени, о неготовности сделать шаг и изменить жизнь: «Власть всё

даёт – кредит, ссуды, налог не берёт с бедняка. На выселок хочешь итти, дорога широкая, в артель иди. А бьёмся, как рыба об лёд, бьёмся... Кости понапрасну ломаем... Привычка. Привычка через дедовский порог шагать»⁴. Этот герой – образец не только хозяйственности, но и сознательности. Он благодарен новой власти, трезво оценивает настоящее, видит несколько путей развития, и, главное, он понимает, что нужно перешагнуть через «дедовский порог». В данном случае «дедовский порог» – это символическая деталь, которая способна схватить сущность явления разом, выделяя в ней главное: к дедовскому прошлому у советской деревни возврата нет, хотя и коллективное будущее, к которому нужно сделать решительный шаг, пока кажется крестьянину пугающим и непривычным.

Заключение

Анализ книги очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» позволяет сделать вывод, что в ней показан мучительный для русского крестьянина процесс изменения его сознания под влиянием общественной ломки. Привычное, хоть и не идеальное, прошлое собственника кажется ему лучшей альтернативой неизвестному коллективистскому будущему. Собственническое начало тормозит перестройку советской деревни. Однако писатель с удовлетворением отмечает зарождение в рядах крестьян новой прослойки «коллективщиков», которые осознают, что к дедовскому прошлому возврата нет, как бы ни было трудно принять новые, коллективные условия труда на земле. При этом диалектическая противоречивость процесса перестройки крестьянского сознания отражена в очерках книги Панфёрова как закономерный движущий принцип всякого развития.

Сегодня, спустя почти 100 лет, когда нет уже ни социализма, ни колхозов в их советском понимании, ни необразованного русского мужика, очерки Ф. И. Панфёрова воспринимаются неподвзято. Если в

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 137.

1990-е гг. подвергали ожесточённой критике коллективизацию и тех авторов, кто, как соцреалист Парфёнов, по сути, показал её неизбежность, жизненную необходимость для русской деревни, то сегодня у современных исследователей есть возможность взглянуть на отражённый в очерках писателя данный процесс «с высоты времени», как на неприукрашенный документ той эпохи.

В очерках Панфёрова – не мимолётное свидетельство об этом относительно кратком этапе времени, а правдивая фиксация жизни крестьянина переломного периода. Изобразительный ряд образов крестьян достоверно передаёт их психологию, под-

вергшуюся трансформации. Автор глазами очевидца описываемых событий с особой симпатией запечатлевает в проанализированных нами очерках крестьян, которые пытаются сознательно принять новый уклад жизни, вписать себя в будущее перестраивающейся страны.

Следует подчеркнуть, что Парфёнов стоял у истоков магистральной темы советской литературы. В этом смысле он является предшественником и для М. А. Шолохова, и, возможно, для будущих деревенщиков 1960-х гг.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Култышева О. М. Н. Ключев и В. Маяковский: общие философско-нравственные корни // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья: проблемы преемственности (V Смирновские чтения): материалы V Международной научной конференции, г. Москва, 10 февраля 2022 г. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 201–218.
2. Култышева О. М., Ращупкина О. С. Отражение темы становления новых форм общественного бытия в книге очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927): на примере очерков «Маркел» и «В предутреннюю рань» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 7. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2022/7/4.html> (дата обращения: 01.07.2022).
3. Майзель М. Краткий очерк современной русской литературы. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 208 с.

REFERENCES

1. Kultysheva O. M. [Klyuev and V. Mayakovsky: Common Philosophical and Moral Roots]. In: *Slovesnoe iskustvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya: problemy preemstvennosti (V Smirnovskie chteniya): materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 10 fevralya 2022 g.* [Verbal Art of the Silver Age and Russian Diaspora: Problems of Continuity (V Smirnov Readings): Materials of the V International Scientific Conference, Moscow, February 10, 2022]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 201–218.
2. Kultysheva O. M., Rashchupkina O. S. [Reflection of the Theme of the Formation of New Forms of Social Life in F. I. Panferov's Book of Essays "In the Early Morning" (1927): On the Example of the Essays "Markel" and "In the Early Morning"]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Problems of Theory and Practice], 2022, vol. 15, no. 7. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2022/7/4.html> (accessed: 01.07.2022).
3. Majzel M. *Kratkii ocherk sovremennoi russkoi literatury* [Brief Essay on Modern Russian Literature]. Moscow, Leningrad, State Publishing House of Fiction Publ., 1931. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Культышева Ольга Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета;
e-mail: kultisheva@inbox.ru

Ращупкина Ольга Станиславовна – аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета;
e-mail: 77ros@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Olga M. Kultysheva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University;
e-mail: kultisheva@inbox.ru

Olga S. Rashchupkina – Postgraduate Student, Department of Philology, Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University;
e-mail: 77ros@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Культышева О. М., Ращупкина О. С. Отражение диалектической противоречивости перестройки сознания крестьянина-единоличника в книге очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 95–109.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-95-109

FOR CITATION

Kultysheva O. M., Rashchupkina O. S. Reflection of the Dialectical Contradiction of the Restructure of the Peasant-Individual Consciousness in F. I. Panferov's Book of Essays "In the Early Morning" (1927). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 95–109.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-95-109

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-110-117

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КИТАЯ В РОМАНЕ П. КРУСАНОВА «УКУС АНГЕЛА»

Ли Гэнь

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне**518172, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, д. 1, Китайская Народная Республика**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Поиск и анализ элементов китайской культуры в романе современного русского писателя П. Крусанова «Укус ангела».

Процедура и методы. В работе предлагается толкование основных приёмов писателя: неомифологическое повествование рассматривается как центральный способ художественной типизации. Анализируется роль китайских подтекстов в структуре образа главного героя. Для этого используются методы интерпретации, обобщения, поиска интертекстуальных связей с классической китайской литературой.

Результаты. В ходе исследования были найдены имплицитные указания на китайскую культуру и литературу, что подтвердило изначальную догадку автора о насыщенности текста аллюзиями к восточной философии и мифологии. Автор приходит к выводу, что китайский уровень текста задействован в реализации евразийской концепции писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обнаруженные данные позволяют расширить интертекстуальное поле произведения, включив в него некоторые культурные элементы, не учтённые предыдущими исследователями.

Ключевые слова: мифология, неомифологизм, ода, религия, фразеология, эстетика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

CULTURAL CODE OF CHINA IN P. KRUSANOV'S NOVEL "ANGEL'S BITE"

Li Gen

*Shenzhen MSU-BIT University**Guojidaxueyuan str. 1, Shenzhen 518172, People's Republic of China**Lomonosov Moscow State University**1 Leninskye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to find and analyze elements of Chinese culture in the novel "Angel's Bite" by the modern Russian writer P. Krusanov.

Methodology. The writer's main techniques are interpreted: The neo-mythological narrative is considered as a core method of artistic typification. The role of Chinese subtexts in the structure of the central image is analyzed. Use is made of the methods of interpretation, generalization and search for intertextual connections with classical Chinese literature.

Results. Hidden references to Chinese culture and literature are found, which confirm an original hypothesis that the text is filled with allusions of Eastern philosophy and mythology. A conclusion is made that the Chinese layer of the text is involved in the deep realization of the Eurasian conception of the writer.

Research implications. The conclusions obtained allow one to expand the intertextual field of the novel by including some cultural elements that have not been observed by previous researchers.

Keywords: mythology, neomythologism, ode, religion, phraseology, aesthetics

Acknowledgements. The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Введение

В русской литературе широко известна жанровая традиция, где художественной задачей является иконописное воспроизведение образа государя. Начиная с од М. В. Ломоносова и Г. В. Державина и заканчивая историческими романами А. Н. Толстого, русские писатели в разных исторических условиях, разными средствами и в то же время в соответствии с разными задачами создавали возвышенный облик русских монархов. Роман современного писателя Павла Крусанова «Укус ангела» в этом плане обыгрывает принципы подобного идеалистического изображения, находясь на пересечении жанровых установок. Однако одическая тенденция в «Укусе ангела» воплощается в сугубо мифологизированном ключе: панегирик монарху (Ивану Некитаеву) не является округлённым воспроизведением реально-исторической личности. Крусанов не изображает, а именно создаёт (т. е. выдумывает) подчёркнуто фиктивный, символический образ правителя. Приём размывания исторической конкретики в пространстве неомифологического повествования может считаться магистральным способом типизации.

Для возведения титанического образа государя, следовательно, не могли быть уместны прежние дескриптивные методы, ориентированные только на конкретную деятельность правителя. Если они и появляются, то функционируют лишь как составные фрагменты мифологизированного образа. В каждом конкретном действии обнаруживается ритуально-мифологический план. Например, сцена купания, в которой Иван практически топит своего брата, воспроизводит обряд инициации и актуализирует религиозную семантику

символа водной стихии (как силы крещенского обновления и как деструктивной хаотической силы) [4].

Иными словами, для воспроизведения масштаба сверхисторической личности писатель обращается к синтезу различных мифологем, которые углубляют внутреннюю перспективу в образе персонажа. Ракурсы, культурные схемы, которыми пользуется писатель, многочисленны. Личность императора укрупняется путём приращения мифологических сюжетов из средневековой эсхатологии [4], античной литературы [2], образов мусульманской мифологии [9] и, наконец, китайской истории и культуры [1; 5]. Образ правителя констеллируется путём согласования разнородных интертекстуальных реминисценций. Личность героя, таким образом, становится суммой подтекстов [3; 6; 7].

«Генеалогический портрет» государя

Сюжетным стержнем романа является путь Ивана Некитаева к обретению абсолютной власти. Мифологизм зачатия с самого начала вводит в повествование тему евразийства. Никита Некитаев, русский офицер, соблазняет дочь рыботорговца (Джан Третью) в День Воссоединения, и последняя самовольно покидает дом своего отца. Впоследствии Джан Третья обручается с Некитаевым-старшим и поселяется с ним в офицерской квартире, где рождается их первая дочь, «луноликая фея Ван Цзыдэн со стальными, как Ладога, глазами»¹. Её называют Таней, потому что «в семье Некитаевых родовыми женскими именами были Татьяна и Ольга», «что, безусловно, было приятно матери, так как имя

¹ Крусанов П. В. Укус ангела. СПб.: Изд-во К. Тублина, 2000. С. 6.

созвучием напоминало ей о славной эпохе в истории застеленной лёссами отчизны»¹. Словосочетание же «китайчатая Таня», к которому часто прибегает повествователь, чисто фонетически воспроизводит национальный синтез на паронимическом совпадении звуковых комплексов [та] в соединении имени и эпитета: *китайчатая Таня*. Младший брат Иван рождается через два года после своей сестры в севастопольском госпитале. Таким образом, родословная Некитаева является прозрачной концептуализацией евразийских идей. Относясь в равной степени к русскому и китайскому пространству, герой олицетворяет идею интеграции России с Востоком, в которой первая не ассимилируется с восточной культурой полностью (фамилия героя всё-таки отрицательна), но интегрирует её в самобытное русское целое. Китайское в Некитаеве видоизменяет русское, обновляя и обуславливая его уникальность.

Определение «иерогамии» (древнегреческого ритуала, обозначающего сексуальный акт между возлюбленными-богами), которое даёт в романе старик-пламенник, также обобщается и возводится в евразийский синтез: «Священный брак между землёй и небесами»², т. е. Россией и Поднебесной. В другом месте приводится предсказание «оптинского старца», который предрёк, что «новый поводырь мира ... родится между молотом России и наковальней Поднебесной и что зачат он будет от мёртвого, выносит его рыба, а дерево, пока он будет мал и слаб, даст ему кров и схоронит от непогоды»³. Учитывая тот факт, что мать Некитаева обратилась в серебристую уклейку, а опекун Татьяны и Ивана, Легкоступов-старший, пошедший на лесной голос, превратился в дерево, можно сказать, что нарратив предсказания полностью сбывается в сюжете романа, проходя по основным мифологическим звеньям.

Избранность героя определила заглавие романа: «Государь всегда меченый, – говорит Ивану старец, – только отметина та простому глазу не видима. Как бы тебе... Точно ангел его поцеловал – вот. Да не печально, а со страстью – с прикусом»⁴. «Завещательная привеска», указующая на будущего «поводыря народов», действует для того же выделения избранности: она накаляется при приближении к тому, кому суждено стать правителем. Путь от рождения до воцарения Некитаева замкнут в цепочку свёрнутых мифологических сюжетов и предначертан магами: «иерогамии», мотивирующая исключительность возникновения императора, в речи прорицателя-пламенника простирается ещё дальше. Старец предрекает, что «священный брак» осуществится между царём («небесным женихом») и державой («земной невестой»), и тогда родится «царство истое»: «Жених, помазанник небесный, и есть тайный государь, а невеста – держава земная со всеми её обитателями»⁵. «Иерогамия», таким образом, становится более широкой аллегорией, охватывающей два главных события в жизни героя: рождение и воцарение, и они смыкаются в едином концепте «священного брака». Разнообразные сюжеты воссоединяются вокруг евразийской темы, совмещая китайский и русский уровни.

Китайская родословная Некитаева подтверждается на первых страницах романа. Приводя сведения о происхождении рода Джан Третьей, автор упоминает имя знаменитого китайского военного стратега – Сунь-Цзы⁶. Как и многие другие аллюзии, указание на Сунь-Цзы в романе тематизировано и по-новому раскрывает тезис: «Литература – это ещё и война, блестящая война, дух которой неизбывен»⁷.

В стратегических манёврах Ивана трудно найти связь с его китайским предшественником. Иван Некитаев рассказывает о принципах ведения войны перед

¹ Крусанов П. В. Укус ангела. СПб.: Изд-во К. Тублина, 2000. С. 6.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 10.

«Коллегией престолов». Например, он подчёркивает важность хорошего знания повадок противника: «Затевая свою войну или, если угодно, отправляясь полевать, охотник должен знать повадки дичи: он должен знать, где у зверя водопой, какие он оставляет следы, что и где он ест, как брачуетса и когда спит. Хороший охотник может угадывать поступки зверя: именно поэтому он – ловец, а зверь – добыча»¹. Слова героя отчётливо переключаются с изречением Сунь-Цзы из главы «Стратегическое нападение» его военного трактата: «...если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение» [8, с. 42].

Отец Джан Третьей тоже не был простолюдином. В романе говорится, что он владел рыбной лавкой на окраине Хабаровска и «славился тем, что, подбросив сазана, мог на лету вспороть ему брюхо и достать икру, не повредив ястыка»². В процитированных строках содержится аллюзия на знаменитого китайского «мастера ножа» – повара Дина из притчи «Чжуан-цзы». Повар по имени Дин разделял бычью тушу для царя Вэнь-хой. Отделяя мясо от костей, он проводил нож «через главные сочленения, произвольно проникая во внутренние пустоты», «не наталкиваясь на мышцы или сухожилия, не говоря уже о костях» [11, с. 74]. Согласно притче, когда царь вслух восторгается умениями своего повара, Дин отвечает ему, что его мастерство состоит в соблюдении Пути и в тонком знании закономерностей своего дела. В романе Крусанова всё происходит по-другому. Отец хунхузки, узнав о победе дочери, иронически переворачивает каноническое повествование о «мастере ножа» и «мастерски перерезает себе горло тесаком для разделки рыбы»³. Аллюзия на

«Чжуан-цзы», в данном случае, менее тематизирована, если сравнить её с остальными восточными аллюзиями, и служит декоративным целям. Однако и она показывает, в какой степени роман наполнен имплицитными указаниями на традиционные китайские образы.

Китайская мифология и культура

В романе находят отражения также некоторые фундаментальные элементы китайских верований, например, метемпсихоз. В райском имении Некитаевых через несколько дней после рождения сына Джан Третья «перебралась в страну китайских духов: выносив дитя, зачатое от мёртвого, и тем до конца исполнив долг перед едва не оскудевшей фамилией, она вышла майским вечером к озеру, по глади которого молочными завитками стелился туман, и старой косою вскрыла себе яремную жилу. Вместе с кровью из настезь отворенной вены вырвалась и скользнула в воду серебряная уклейка»⁴. Сцена трансформации (как в случае и с Легкоступовым-старшим) вполне вписывается в китайские представления о загробном мире. Согласно даосизму, жизнь протекает без начала и конца в непрерывной метаморфозе. Концепция поочерёдного взаимного протекания жизни и смерти выражена в даосском памятнике литературы «Чжуан-цзы»: «Жизнь – это преемница смерти, а смерть – начало жизни... И если даже жизнь и смерть преемствуют друг другу, о чём мне горевать! Все вещи в мире суть одно» [11, с. 196]. На почве даосской концепции о цикличности жизни, представляющей собой непрерывный ряд реинкарнаций, появился и стал популярным сюжет о переселении души в другую субстанцию, например в насекомое. К таковым относятся легенда «Влюблённые бабочки» или «Сверчок» – рассказ из цинской классики «Странные истории из Кабинета Неудачника» (XVII в.). Метаморфозы прочно вписаны в парадигму китайской письменности.

¹ Крусанов П. В. Укус ангела. СПб.: Изд-во К. Тублина, 2000. С. 48.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

Отдельного упоминания заслуживают культурные маркёры в образе Татьяны. Даже при выборе русского имени учитывается китайский подтекст. Джан Третья одобряет имя «Татьяна» ввиду его созвучия с династией Тан (VII–X вв.), правление которой ознаменовало расцвет средневекового Китая. Именно династия Тан традиционно считается периодом наивысшего могущества и влияния Поднебесной. К нему относится, в частности, расцвет китайской поэзии: Ли Бо и Ду Фу. Указание на эпоху Тан равносильно поэтому воспоминанию о китайском «золотом веке».

Другие важные сведения по поводу имени героини были указаны в статье Е. А. Волк «Неомифологическая эсхатология в романе “Укус ангела”», где мифологические элементы в образе Татьяны, устанавливающие связь между ней, феей Ван Цзыдэн (кит. 王子登) и богиней Си-ван-му (кит. 西王母), истолковываются как составные единицы в нарративе Судного дня. Си-ван-му (в переводе «Владычица Запада») является «одним из наиболее известных и почитаемых божеств в китайском пантеоне»: она царица всех богинь, фей и всех существ женского пола, хранительница эликсира бессмертия [5, с. 111]. В древнекитайской мифологии есть специальный термин *Ван-му шичжэ* (кит. 王母使者), т. е. ‘посланцы Матери-владычицы’¹. Наиболее известна из них Ван Цзыдэн, которая отвечает за передачу и исполнение приказов Си-ван-му. Настоячивое наименование героини на китайский манер (Ван Цзыдэн) содействует усилению китайских мотивов: «Фея Ван Цзыдэн готова была расцвести пунцовым румянцем»²; «Фея Ван Цзыдэн внимательно слушала»³ и др. Аллюзия в имени героини может интерпретироваться двояко. С одной стороны, действительно, богиня Си-

ван-му, как хранительница источника бессмертия и направительница «стихийных бедствий и болезней», вписывается в цепочку образов, связанных с эсхатологией и чумой (стоит вспомнить, что жители империи нарекли государя прозвищем Иван Чума), и тогда фея Ван Цзыдэн (Таня) служит посредником между богиней заграничного мира и Некитаевым-императором [4]. С другой стороны, многократное упоминание феи Ван Цзыдэн подчёркивает сакральное происхождение героини: неземную красоту и божественность её природы.

Чтобы усилить китайские коннотации в облике героини автор обращается к традиционным языковым средствам: каноническому эпитету «луноликий» и идиоматическому словосочетанию «нефритовые пальцы»: «Когда Иван ... появился на террасе дома, лунолика Таня, сидя у самовара и держа в нефритовых пальцах ромбик земелаха, пила чай с мятой»⁴. Классический китайский портрет, воспроизведённый в цитате, отразился в известных фразеологизмах. Напр., 纤纤玉手 – ‘тонкие, изящные, как нефрит, пальцы’ или 花容月貌 – ‘наружность красивая, как цветок и луна’. Луна в китайской мифологии считается женским началом (Инь), ассоциируется с женской красотой и восходит к «богине луны Чанъэ» в даосской мифологии [10]. Архетип луны (Татьяна) противостоит солнцу (Ивану), но Крусанов оговаривается, что если Иван и был солнцем, то только «солнцем в затмении»⁵.

В одном месте повествователь пишет, что Татьяна «хотела славы жены государя У-ди, о красоте которой говорили: “Раз только взглянет – и рухнет город. Взглянет ещё раз – и опрокинется царство”»⁶. Автор цитирует известное стихотворение «Песня о красавице» (кит. 《佳人曲》) придворного музыканта Ли Яньняня, служившего при императоре У-ди (II–I вв. до н. э.). Текст звучит так:

¹ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2007. С. 403.

² Крусанов П. В. Укус ангела. СПб.: Издательство К. Тублина, 2000. С. 42.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 40.

«На севере живёт красавица, // Выделяясь из всех, чья красота стоит особняком. // Раз взглянет – сокрушится город, // Два взглянет – рушится царство» (Перевод наш. – Л. Г.). Стихотворение дало жизнь фразеологизму 倾国倾城 — «бесподобная красота, которая способна опрокинуть царство и свергнуть город», который стал частым образом в китайской поэзии (например, он упоминается в поэме Бо Цзюйи «Вечная печаль»).

Иными словами, Крусанов подчёркивает исключительную прелесть Татьяны, напоминая о деструктивной силе женской красоты. В другом месте, рассуждая на тему тщеславия в помыслах Татьяны, не уступавшей в амбициозности своему брату, автор возводит сюжет к платоновскому архетипу, когда говорит, что Татьяна могла добиться чего-нибудь, «лишь отразив первообраз, перенеся на себя контур чужого величия, присвоив себе заслуги оригинала»¹. У Платона идея (ум) – это «первообраз», «духовный контур», активное начало, которое ассоциируется с мужской сущностью; материя (женское начало) – это пассивная восприимлющая среда, которая рождает первообразы в изменчивой форме, т. е. «присваивает себе заслуги оригинала». Так писатель проводит параллель, которая соединяется с прежними китайскими архетипами (Инь и Янь), и обогащает историю «преступной любви», переводя её в онтологический план. Татьяна, таким образом, вводит деструктивную струю в твёрдую волю правителя. Таким образом, тема табуированной любви между Некитаевыми-богами, расширяет концептуальный круг за счёт философских включений и фундаментальных образов, характеризующих «мужское» и «женское».

Заключение

Попытаемся теперь обобщить наши наблюдения. На протяжении всего текста автор подкрепляет образы главных

героев мифологическими ассоциациями, которые, в свою очередь, можно считать в «Укусе ангела» основным приёмом художественной типизации. Различные интертекстуальные элементы пронизывают фигуру главного героя, собирают его из частиц разнородных культурных систем: рождение Ивана, например, обставлено как круг перевоплощений смерти-жизни – и мать, и отец умирают при возникновении сына, будто рождают жизнь смертью. Восточная доктрина о перерождении душ находит отражение затем в перевоплощениях его матери (Джан Третьей) и его опекуна (Легкоступова-старшего). Китайские же корни Ивана и его сестры Татьяны подробно прописаны Крусановым в самом начале романа. Он указывает на то, что Иван, во-первых, является кровным преемником легендарного стратега Сунь-цзы; дед Ивана по китайской линии косвенно сопоставляется с архетипическим «мастером ножа». Образ государя дополняется и достигает более широкого единства во взаимодействии с образом Татьяны, неоднократно сравненной с феей Ван Цзыдэн, прислужницей богини бессмертия Си-ван-му. В образе Татьяны Иван приобретает свою диалектическую противоположность: с одной стороны – это луноликая женственность (архетипическое воплощение женского начала Инь), с другой стороны – пассивное чувственное начало (материя), преобразующее «духовные контуры» мужского ума. Любовное противостояние-единство двух образов прочерчивает сюжетно-символическую основу всего романа. Роль китайского подтекста же в его структуре трудно переоценить, ведь именно он в конструктивном взаимодействии с другими слоями текста формирует «генеалогический портрет» центральных образов романа: образа государя и его возлюбленной.

Статья поступила в редакцию 04.08.2022.

¹ Крусанов П. В. Укус ангела. СПб.: Издательство К. Тублина, 2000. С. 40.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н. Г. Китайские мотивы и образы в современной русской прозе // Русская речь. 2007. № 4. С. 26–32.
2. Бологова М. А. Мотивы античной мифологии в герменевтической структуре романа П. Крусанова «Укус ангела» // Русская литература XIX–XX вв. Поэтика мотива и аспекты литературного анализа: сборник научных трудов к юбилею Л. П. Якимовой. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2004. С. 311–322.
3. Борода Е. В. Петербургский фундаментализм. Незримая империя Павла Крусанова // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 50–61.
4. Волк Е. А. Неомифологическая эсхатология в романе «Укус ангела» П. Крусанова // Учёные записки УО ВГУ имени П. М. Машерова. 2020. Т. 31. С. 131–135.
5. Ежов В. В. Мифы древнего Китая. М.: Астрель, АСТ, 2004. 495 с.
6. Кротова Д. В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова // Филология: научные исследования. 2017. № 3. С. 19–26.
7. Львова К. А. Мифологическая структура романа П. Крусанова «Укус ангела» // Молодой учёный. 2019. № 3 (241). С. 394–396.
8. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве / пер. с кит., предисл., комм. Н. И. Конрада. СПб.: Terra Fantastica, 2002. 558 с.
9. Торосян А. С. Евразийское пространство в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 175–180.
10. Чжан Мэн. Образ красивой женщины в китайских фразеологизмах // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2016. № 181. С. 35–39.
11. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст., прим. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.

REFERENCES

1. Babenko N. G. [Chinese Motifs and Images in Modern Russian Prose]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2007, no. 4, pp. 26–32.
2. Bologova M. A. [Motifs of Ancient Mythology in the Hermeneutic Structure of P. Krusanov's Novel "Angel's Bite"]. In: *Russkaya literatura XIX–XX vv. Poetika motiva i aspekty literaturnogo analiza: sbornik nauchnykh trudov k yubileyu L. P. Yakimovoi* [Russian Literature of the 19th–20th centuries. Poetics of Motive and Aspects of Literary Analysis: A Collection of Scientific Papers dedicated to the Anniversary of L. P. Yakimova]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 311–322.
3. Boroda E. V. [Petersburg Fundamentalism. The Invisible Empire of Pavel Krusanov]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2009, no. 4, pp. 50–61.
4. Volk E. A. [Neo-mythological Eschatology in P. Krusanov's Novel "Angel's Bite"]. In: *Uchenye zapiski UO VGU imeni P. M. Masherova* [Uchenye zapiski UO VGU named after P. M. Masherov], 2020, vol. 31, pp. 131–135.
5. Ezhov V. V. *Mify drevnego Kitaya* [Myths of Ancient China]. Moscow, Astrel Publ., AST, 2004. 495 p.
6. Krotova D. V. [Principles of Modeling Autobiographical Myth in the Work of P. Krusanov]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2017, no. 3, pp. 19–26.
7. Lvova K. A. [The Mythological Structure of P. Krusanov's Novel "Angel's Bite"]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2019, no. 3 (241), pp. 394–396.
8. Sun Tzu. Sun Tzu's Military Method (Rus. ed.: Konrad N. I., transl. *Traktaty o voennom iskusstve*. St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002. 558 p.).
9. Torosyan A. S. [Eurasian Space in P. Krusanov's Novel "Angel's Bite"]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2015, no. 1, pp. 175–180.
10. Chzhan Men. [The Image of a Beautiful Woman in Chinese Phraseological Units]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2016, no. 181, pp. 35–39.
11. Chuang Tzu. Liezi (Rus. ed.: Malyavin V. V., transl. *Le-czy*. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 439 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Гэнь – аспирант по совместной подготовке Университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне и МГУ; аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: 75547351@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Li Gen – Postgraduate Student of the joint program of Shenzhen MSU-BIT University and MSU; Postgraduate Student, Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: 75547351@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Гэнь. Культурные коды Китая в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 110–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-110-117

FOR CITATION

Li Gen. Cultural Code of China in P. Krusanov's Novel "Angel's Bite". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 110–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-110-117

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-118-123

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Яровой С. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Проследить феномен литературной кинематографичности в современном художественном пространстве на примере повестей Н. В. Гоголя, входящих в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» в целом и повести «Сорочинская ярмарка» в частности.

Процедура и методы. В работе исследуется явление литературной кинематографичности путём анализа эстетических установок и методов искусства кино, которые ранее использовались как нарративные стратегии в литературном произведении. На примере повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» описываются кинематографические художественные эффекты, позволяющие читателю воспринимать литературный текст в плоскости эмоциональных образов и пространственно-временных перемещений. Помимо этого, данные эффекты мотивируют реципиента к углублённой интерпретации замысла автора. Особое внимание в статье уделяется такому литературному приёму, как «немая сцена», описывается её влияние на «воспринимающее сознание» – читателя, а также обосновывается тезис, что данный приём является одним из средств реализации кинематографичности в литературном произведении.

Результаты. Установлено, что Гоголь строил прозаические произведения по законам визуальной перцепции, для чего использовал различные приёмы драматического искусства, привносящие в текст эффект некоторой «театральности», делающие его более «зримым» для читателя. Впоследствии данные приёмы исследователи обозначат термином «литературная кинематографичность».

Теоретическая и/или практическая значимость. Проанализированы последние исследования и публикации по данной теме, обозначены выводы. Отдельные результаты исследования могут быть использованы для чтения определённых научных дисциплин в учебных заведениях. Материалы могут быть использованы для подготовки статей и рефератов.

Ключевые слова: диалог, интермедийность, кинематографичность литературного текста, монтаж, нарративные принципы, «немая сцена»

CINEMATIC TECHNIQUES IN N. V. GOGOL'S SHORT STORY "THE FAIR AT SOROCHYNTSI"

S. Yarovoy*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract**

Aim. The purpose is to analyze the phenomenon of cinematic features in modern artistic sphere on the example of N. V. Gogol's short stories from his collection "Evenings on a Farm near Dikanka" in general and his story "The Fair at Sorochyntsi" in particular.

Methodology. The paper explores the phenomenon of cinematic features in literature by analyzing the aesthetic conventions and relying on methods of cinematography that correspond to the narrative strat-

egies originally applied in a literary work. Based on N. V. Gogol's "The Fair at Sorochyntsi", we describe the cinematic effects in verbal art that enable the reader to perceive a literary text from the perspective of emotional images and spatio-temporal relocations. In addition, these effects provoke the recipient to reflect deeply and carefully while interpreting the author's idea. Special attention is paid to such a literary device as a so-called silent scene, to its impact on the "perceiving mind", namely, the reader. We also justify the assertion that this device is a means of introducing cinematic features to a literary work. **Results.** It is found that Gogol created his prose following the laws of visual perception. To that end, he utilized various devices of drama that transform the text into a somewhat "theatrical" one, making it more "visible" for the reader. Subsequently, scholars would define such literary devices as "literary cinematic features".

Research implications. Most recent studies and publications covering the issue are analyzed and conclusions are drawn based on these studies. Some results of the present study can be used for lecturing in educational institutions. The materials can be used for preparing scientific articles or summaries.

Keywords: dialogue, intermediality, cinematic character of a literary text, montage, narrative principles, "silent scene"

Введение

В эпоху романтизма отчётливо начали проявляться признаки переплетения языков живописи и литературы, повлёкшие за собой создание новых способов выражения и в дальнейшем возникновение совершенно нового языка, который впоследствии будет назван «языком кино». Данные процессы взаимодействия искусств отечественные исследователи в последние десятилетия всё чаще определяют термином «интермедальность», предложенным немецким учёным Оге А. Ханзен-Леве. В широком смысле данное понятие можно трактовать как процесс создания единого поли-художественного пространства в той или иной культурной парадигме; в узком – как отдельный тип интертекстуальных связей в произведении, где переплетены несколько видов искусства [1, с. 14]. Одним из проявлений данной тенденции является феномен литературной кинематографичности, который, с одной стороны, предполагает активное использование писателями кинематографических приёмов в своих произведениях, а с другой – формирует у читателей-реципиентов качественно иное, гибридное восприятие литературного текста. Литературная кинематографичность как особый вид интермедальности в некоторой степени характерна для всех произведений литературы, в том числе и для тех, которые были написаны до появления

искусства кино. Ярким примером использования средств кинематографической поэтики в литературе докинематографического периода являются произведения Н. В. Гоголя.

История вопроса

К описанию «зримой» составляющей повестей Гоголя обращался Ю. В. Манн в исследовании «Поэтика Гоголя» [6, с. 11–18], Ю. М. Лотман посвятил данному аспекту отдельные статьи: «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», «Структура художественного текста», [4, с. 287–372, 13–285], «Художественное пространство в прозе Гоголя» [5, с. 621–658].

Позднее особенности языка кино и пути его интермедального взаимодействия со словесными художественными произведениями всё чаще становились предметом изучения в литературоведении. Общим для этих двух видов искусства является сообщение-образ, который передаётся характерными для них средствами – описательным языком в литературе и аудиовизуальным рядом в кино. Так, по мнению Ю. М. Лотмана, в отличие от литературы, нарратив в кинематографе «строится не из слов, а из последовательности иконических знаков, в нём наиболее ярко обнаруживаются некоторые глубинные закономерности всякого нарративного текста»

[4 с. 341]. Базовым носителем значения в кино является кадр – минимальная смысловая единица, которая является эквивалентом слова в естественном языке. Так, информация, которую передаёт зрителю каждый отдельный кадр, выходит далеко за пределы непосредственно чувственных образов, ведь художественные смыслы фильма генерируются в первую очередь через взаимодействие с сознанием и эмоциями зрителя-интерпретатора.

Главная особенность киноязыка – его динамическая аудиовизуальность, когда адресат самостоятельно интерпретирует то, что видит и слышит. Это уподобляет кинематограф человеческому восприятию реального мира. Однако такую реалистичность кинематографа следует считать условной, ведь кинорежиссёр, как и писатель, оперирует рядом художественных приёмов построения сюжета, сознательно манипулирует повествованием и расставляет в нём акценты, из-за чего кино является собственно вымышленной реальностью, а не документальным воспроизведением действительности. К числу кинематографических приёмов конструирования сюжета можно отнести раскрытие психологии персонажей через действия и диалоги, разделение на кадры и сцены, монтаж, смену точки зрения и перспективы, перемещения хронотопа и т. п.

Методология исследования

Одной из особенностей «кинематографического» текста выступает его выразительная визуальность, когда автор описывает череду событий посредством чувственного восприятия. Так, в исторической повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» присутствует эпизод, когда Тарас с сыновьями отправляется на Запорожскую Сечь. Перед этим дано описание сцены прощания братьев с матерью. Автор вместо повествования о подавленном настроении Остапа и Андрия отмечает лишь, что «день был серый; зелень сверкала ярко; птицы щebetали как-

то вразлад»¹. И с помощью одной фразы передано всё состояние героев – персонажи расстроены, поэтому и в окружающей среде, по их мнению, всё лишено стройности и гармонии.

К значимым чертам литературной кинематографичности также можно отнести особую фрагментарную структуру повествования, схожую с композиционными приёмами монтажа в кино. Так, Б. А. Успенский в работе «Поэтика композиции» отмечал, что понятие «монтаж» (как создание целого из отдельных частей) может быть применено к художественному тексту [8, с. 13]. Техника монтажного соединения сцен в кинематографе заключается в том, чтобы заставить зрителя воспринимать разрозненные кадры как целостный художественный мир, где последовательность соединяемых фрагментов продиктована определённым повествовательным и эстетическим замыслом. Применяя принцип монтажа в литературном тексте, писатель аналогичным образом руководит читательским восприятием, «создавая неожиданные перебросы в пространстве, сжимая или растягивая время текста» [7, с. 138]. В данном случае задание читателя-адресата (как зрителя во время просмотра фильма) заключается в том, чтобы восстановить хронологию событий и причинно-следственные связи между ними, встраивая эпизоды в «высшее смысловое целое» [4, с. 335] и самостоятельно заполняя белые пятна.

Наконец, не менее важными приёмами кино в литературном тексте являются такие исконно театральные средства художественного повествования как действие, мимическая коммуникация и диалог (или его отсутствие – «немая сцена»). Соответственно, внутренний мир героев раскрывается не с помощью описания их мыслей и ощущений, а опосредованно – через поступки, жесты, мимику и общение между собой.

¹ Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 2: Миргород. М.: Московская Патриархия, 2009. С. 312.

Кинематографичность повестей Н. В. Гоголя

Ярким примером использования описанных выше кинематографических приёмов в литературном тексте являются произведения Н. В. Гоголя, в частности повести, вошедшие в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Отличительной чертой некоторых повестей цикла является их диалогическое строение. Если в «Вечере накануне Ивана Купала», «Пропавшей грамоте», «Заколдованном месте» большее внимание уделено описаниям и повествованию, то в «Сорочинской ярмарке», «Ночи перед Рождеством» и «Страшной мести» сюжетобразующую роль выполняют диалог.

Уникальность гоголевского диалога заключается, в первую очередь, в его способности не только раскрыть через слова характер героев, но и создать определённую атмосферу. В кратком диалоге-ссоре Грицька и Хиври, персонажей «Сорочинской ярмарки», сразу вырисовываются черты как Грицька – бесшабашного забияки, весёлого и смышлёного «парубка», так и Хиври – девушки скандальной, крикливой. Более того, писатель с помощью столкновения двух противоположных характеров моментально создаёт конфликт, который впоследствии получает бурное развитие. Перечисленные приёмы создают у читателя впечатление, что перед ним произведение не эпическое, а драматическое, рассчитанное в большой мере не столько на читателя, сколько на зрителя.

В диалогах героев присутствуют просторечия, малороссийские слова, что придаёт убедительности коммуникации персонажей. Мастерски использованное слово или оборот речи в «Вечерах» – не второстепенные дополнения, создающие колорит, – они вплетены в ткань повествования, являются выразителями неповторимой театральной манеры мышления писателя. Некоторые отрывки произведений Н. В. Гоголя предстают перед читателем как словесные описания театрализованных эпизодов. Автор будто ставит между

рассказчиком и местом действия сцену. Действительность сначала изменяется по законам театра, а потом уже превращается в повествование. Таким образом, действие изначально концентрируется на сравнительно небольшой сценической площадке, в связи с чем литературный текст получается выстроенным по законам драматического искусства, разделяясь на монологи, диалоги, полилоги. Можно найти указания на интонацию, с которой необходимо произносить ту или иную фразу, на жесты и мимику действующих лиц.

«Немая сцена» как приём драмы в повести

Движения героев повестей часто переведены на «язык театра» – позы: «Ужас оковал всех находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверстые пальцы остались неподвижными на воздухе»¹. Приведённый отрывок из «Сорочинской ярмарки» созвучен хрестоматийной финальной «немой сцене» в пьесе «Ревизор» [2, с. 149], что свидетельствует об использовании Гоголем приёмов и средств драмы в прозаических произведениях.

Одним из первых данную проблему обозначил Ю. В. Манн. Используя термин «окаменение», он отмечает, что: «Особенный характер окаменения обычно подчёркивается Гоголем длительностью сцены. Персонажи застывают надолго, храня неподвижность намного дольше, чем потребовало бы мгновенное изумление или испуг» [6, с. 371]. Сценическое окаменение уникально как приём. Оно является одной из форм воздействия на зрителя. И при этом предполагает и активнейшее участие адресата в представлении, поскольку помимо трансляции авторского замысла позволяет каждому реципиенту увидеть

¹ Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов, комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Московская Патриархия, 2009. С. 103.

какие-то свои детали и сделать собственные выводы.

Важную роль в понимании замысла «немой сцены» играет эпиграф, предваряющий VIII главу «Сорочинской ярмарки», – отрывок из поэмы «Энеида» (1798) украинского писателя И. П. Котляревского, передающий состояние главного героя, Энея, на суде перед Зевсом. В переводе с украинского языка данный отрывок звучит так: «Поджав хвост, как собака, как Каин, затрясся весь, из носа потёк табак». Таким образом, Гоголь даёт отсылку к возможному источнику замысла «немой сцены» – как сцены неминуемого возмездия. Данный фрагмент иллюстрирует эсхатологические размышления писателя, который «и в жизни, и в творчестве ... шёл самым трудным, самым сложным путём – путём церковной аскетики» [3, с. 107].

Заключение

Таким образом, повести цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» могут служить примером активного использования средств кинематографичности в литературном произведении. В частности, «Сорочинской ярмарке» свойственны детальные описания внешности и поведения героев, которые становятся приоритетными для раскрытия психологического портрета персонажей, в противовес более традиционному в литературе того времени непосредственному описанию их мыслей и ощущений.

Не менее значимой чертой поэтики «Сорочинской ярмарки» является диалог, поскольку с его помощью автор вводит в повествование дополнительные детали и символы, позволяющие придать динамизм описываемым сценам, а также более полно раскрыть характеры героев.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеева С. А. Философско-антропологические аспекты художественного творчества Л. Н. Толстого в контексте феномена интермедialности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 27 с.
2. Виноградов И. А. Эволюция текста: авторский комментарий Н. В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174.
3. Воропаев В. А. «Лествица» преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н. В. Гоголя // Русская речь. 2018. № 6. С. 101–108.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство–СПБ, 1998. 704 с.
5. Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования. История русской прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство–СПБ, 1997. 848 с.
6. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2007. 744 с.
7. Мартыанова И. А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 136–141.
8. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.

REFERENCES

1. Aseeva S. A. *Filosofsko-antropologicheskie aspekty khudozhestvennogo tvorchestva L. N. Tolstogo v kontekste fenomena intermedial'nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Philosophical and Anthropological Aspects of the Artistic Creativity of L. N. Tolstoy in the Context of the Phenomenon of Intermediality: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2017. 27 p.
2. Vinogradov I. A. [Evolution of the Text: N. V. Gogol's Author's Commentary on the Poetics of the Comedy "The Inspector General"]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 146–174.

3. Voropaev V. A. "Ladder" of St. John of Sinai in the life and work of N. V. Gogol]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2018, no. 6, pp. 101–108.
4. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 1998. 704 p.
5. Lotman Yu. M. *Stat'i i issledovaniya. Istoriya russkoi prozy. Teoriya literatury* [On Russian Literature]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 1997. 848 p.
6. Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's Work: Meaning and Form]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2007. 744 p.
7. Mart'yanova I. A. [Cinematography of the Literary Text (On the Material of Modern Russian Prose)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 1, pp. 136–141.
8. Uspensky B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Сергей Александрович – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ser_yarovoy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Yarovoy – Postgraduate Student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ser_yarovoy@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой С. А. Кинематографические приёмы в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 118–123.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-118-123

FOR CITATION

Yarovoy S. A. Cinematic Techniques in N. V. Gogol's Short Story "The Fair At Sorochyntsi". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 118–123.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-118-123

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ И. Ю. ГАЦ «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ: БОЛЕЕ 5000 СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ».
М.: ПРОСВЕЩЕНИЕ, 2021. 640 С.

Леденёва В. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

REVIEW ON I. YU. GATS'S "UNIVERSAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR SCHOOLCHILDREN: MORE THAN 5000 DICTIONARY ENTRIES".
MOSCOW, PROSVESHCHENIE PUBL., 2021. 640 P.

V. Ledeneva

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Мир словарей велик. В XXI веке уже трудно перечислить не только разработанные лексикографами жанры, а даже все существующие издания, многие из которых быстро становятся известными и доступными благодаря Рунету или подготавливаются в качестве проектов специально для этой сети, т. е. электронные словари.

Но словарь как *настольная книга* для регулярного использования остаётся важным средством, помогающим обучающимся – прежде всего школьникам – ответить на трудные вопросы, точно в смысловом отношении и стилистически оправданно использовать слова, фразеологизмы в тексте или оценивать правомерность их введения каким-либо автором, сопоставлять единицы по происхождению, выявлять различные их связи и роль в трансляции культурного кода – иначе говоря, успешно овладевать русским литературным языком с его сложной уровневой системой и исторически сложившимися нормами и традициями функционирования ресурсов.

Совершенно ясно, что в сфере конкурирующих в настоящее время словарей выигрышные позиции занимают комплексные, универсальные – такие, контент которых обеспечивает формирование и лингвистических, и культуроведческих компетенций, помогает подготовиться к государственной аттестации по русскому языку. Подобные словари – настоящие справочные пособия, обеспечивающие правильную включённость развивающейся личности в современную языковую ситуацию. Убедённо относим к их числу вышедший в издательстве «Просвещение» в 2021 г. «Универсальный словарь русского языка для школьников», созданный доктором педагогических наук профессором Ирэн Юрьевной Гაც, который выполнен на высоком лингвистическом и научно-педагогическом уровне, достойно и с большой заботой о пользователе полиграфически оформлен. Его отличают методологическая база¹ и верность устойчивым традициям лексикографии (алфавитный порядок расположения материала, несмещение омонимов, например).

¹ Гაც И. Ю. Универсальный словарь русского языка для школьников: более 5000 словарных статей. М.:

Рецензируемый словарь адресован учащимся 5–11 классов, включает 5000 словарных статей, отражающих сведения о единицах всех частей речи, междометиях. Он предлагает полиаспектную информацию в отношении специальной лексики, которая введена в тексты учебников и учебных пособий по различным дисциплинам, необходима для овладения школьниками универсальными учебными действиями (см.: «**ВЯЖУЩИЙ** – 2. спец. Вязкий и стягивающий» O^1 . *Вяжущие материалы* – скрепляющие минеральные или органические вещества»²), выделяет архаические и стилистически окрашенные («**НЕПРЕЛОЖНЫЙ**, кратк. ф. -жен, -жна, -жно, -жны; *качеств.*; $\blacktriangle$ непреложн-ый; **Дискон.** рус. *высок*. Не подлежащий изменению, неоспоримый O *Непреложное мерило чего-л.* $\blacktriangleright$ *Непреложный закон, факт, документ.* $\blacktriangleright$ *Непреложная истина.* *нареч. **непреложно, непреложность** [с'т']»³) слова или лексико-семантические варианты («**ТАЛАНТ** – 2. разг. Способность, умение»⁴).

И. Ю. Гац справедливо включены в «Универсальный словарь русского языка для школьников» и общеупотребительные, частотные слова, для которых указаны актуальные коллокации, фразеологизмы, отобранные в соответствии с принципом учебно-методической целесообразности школьного курса (например: « O *разг.* **Семь пятниц на неделе** – о человеке, который часто меняет свои намерения, решения. O **Страстная пятница** – предшествует празднику Пасхи и посвящена воспоминанию о дне распятия и смерти Иисуса Христа» – в статье **ПЯТНИЦА**⁵; « $\blacktriangledown$ **Мусульманская эра** – ведётся у мусульман с момента бегства Мухаммеда из

Мекки в Медину в 662 г. $\blacktriangledown$ **Христианская эра** – ведётся от предполагаемого дня рождения Христа» – в статье **ЭРА**⁶). Подобные иллюстрации компактны, однако насыщены культурологически ценной информацией, благодаря которой воспитывается интерес, уважение, толерантность к разным традициям и верованиям народов России, ведь сведения о различных в этимологическом плане единицах, говорящие об исторических контактах народов, лексикон государственного языка хранит (см.: « $\blacktriangle$ **яхонт**-□; F от польск. *jachant* < греч. *Hyakinthos* – название камня восходит к названию цветка гиацинта»⁷).

В современном социуме, «поражённом» речевой инволюцией, ясные примеры сочетаемости, раскрытие фразеосемантики и секретов жизни слова должны способствовать росту когнитивного потенциала, укреплению коммуникативных навыков языковой личности школьника. В этом плане полезны и превентивная подготовка к разграничению паронимов в речи через соответствующий комментарий («**ПУГЛИВЫЙ** [*не смешивать с пуганый*]»⁸), и приведение групп производных – гнезд однокоренных к заголовочному слову, вбирающих компоненты его значения и мотивирующих самостоятельную работу школьника по осмыслению их семантики, концептуализации («**ОБОЖАТЬ ...** ***обожание, обожатель, обожательница, самообожание, себяобожание**»⁹ и т. п.).

Большую ценность имеют сведения о морфемном составе слова, предлагаемые И. Ю. Гац в строгой синхронии, предохраняющие от «воскрешения» исторически выделявшихся корней в основах с опрощением (« $\blacktriangle$ **запят-ая**; F *искон. рус.*, от *страдат. прич. гл.* запятъ – задержать»¹⁰; « $\blacktriangle$ **яров-ой**; F от *искон. рус.* яро – весна»¹¹ и др.).

Просвещение, 2021. С. 4.

¹ В данном словаре разработана очень удобная для пользователя, прежде всего с методической стороны, система символов, указывающих на вид предлагаемой характеристики, вместо которых мы используем другие из числа доступных.

² Гац И. Ю. Универсальный словарь русского языка для школьников: более 5000 словарных статей». М.: Просвещение, 2021. С. 181.

³ Там же. С. 412.

⁴ Там же. С. 522.

⁵ Там же. С. 484.

⁶ Там же. С. 623.

⁷ Там же. С. 635.

⁸ Там же. С. 482.

⁹ Там же. С. 420.

¹⁰ Там же. С. 274.

¹¹ Там же. С. 634.

Материал, предлагаемый в данном словаре, справедливо отобран И. Ю. Гац как вызывающий орфоэпические или орфографические, грамматические, стилистические трудности. Автор помогает успешному их преодолению, демонстрируя пользователям грамматические формы с постановкой ударения, указанием ассимилятивной мягкости и других орфоэпических особенностей: это сделано с заботой об экологии языка. Букве «ё» отведено её законное место, как и букве прописной, внимание к использованию которой привлекается особым значком. Таким образом, «Универсальный словарь русского языка для школьников» И. Ю. Гац предлагает различную ортологическую и прагматическую информацию, и совершенно очевидно, что яркий учёный, выдающийся методист, автор многочисленных работ по русскому языку и методике его преподавания опирается в её отборе и презентации на большой педагогический опыт, высокопрофессионально представляет проблемы и потребности современных обучающихся 5–11 классов.

В методическом отношении работа с материалами школьного словаря сводится к общеучебным умениям в процессе освоения языковых действий и видов языкового разбора как эффективного средства для обобщения лексико-грамматических умений школьников. А собственно словарная статья рассматривается как специфическая форма хранения лексикографической, лингвистической, культурологической информации. Перевод этой информации в устные и письменные высказывания школьников и есть содержание деятельности учителя, как следует это из установок автора издания.

«Универсальный словарь русского языка для школьников» И. Ю. Гац ориентирован на требования Федерального государственного образовательного стандарта, учитывает также требования Примерной программы по русскому языку и рекомендуемых Федеральным перечнем учебников по этой дисциплине. Он нужен в школьной аудитории! Это лексикографическое сокровище поможет педагогам и родителям в создании здоровой, воспитывающей языковой среды.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after P. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В. Рецензия на издание И. Ю. Гац «Универсальный словарь русского языка для школьников: более 5000 словарных статей». М.: Просвещение, 2021. 640 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 124–126.

FOR CITATION

Ledeneva V. V. Review on I. Yu. Gats's Edition "Universal Dictionary of the Russian Language for Schoolchildren: More than 5000 Dictionary Entries". Moscow, Prosveshchenie Publ., 2021. 640 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 124–126.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ»

Лагузова Е. Н.

*Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
150000, Ярославская обл., Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Российская Федерация*

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “SEMANTICS AND FUNCTIONING OF LANGUAGE UNITS IN DIFFERENT TYPES OF SPEECH”

E. Laguzova

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
ul. Respublikanskaya 108/1, Yaroslavl, Yaroslavl Region, Russian Federation*

27–28 мая 2022 г. в Ярославском государственном педагогическом университете имени К. Д. Ушинского состоялась традиционная Всероссийская научная конференция с международным участием «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи». Она была посвящена 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора П. А. Леканта.

В работе конференции приняли участие ученики Павла Александровича: преподаватели кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, носящей его имя, – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Т. Е. Шаповалова, доктор филологических наук, профессор Н. А. Герасименко, доктор филологических наук, профессор В. В. Леденёва, доктор филологических наук А. В. Канафьева, преподаватели других вузов страны: С. М. Колесникова (МППГУ), Е. Н. Лагузова (Ярославль), И. Г. Родионова (Пенза), Ю. А. Южакова (Рязань).

На пленарном заседании выступили ведущие учёные-лингвисты из Москвы, Костромы, Владимира, из Тунисской Республики.

В докладе Т. Е. Шаповаловой «Лингвистический портрет наречия *тут*» на материале очерков В. Пескова «Земля за океаном» представлен анализ детерминантной позиции наречия и его способности выражать пространственные, временные, синкретичные отношения в структуре предложения. Доказано, что лексико-фразеологические элементы, модель предложения, порядок слов, использование частиц, союзов, строевых лексических элементов обеспечивает целостность выражаемого в очерках В. Пескова ценностного смысла.

В докладе профессора, главного редактора журнала «Русский язык в школе», профессора кафедры русского языка МППГУ Н. А. Николиной «Активные деривационные процессы в современной художественной речи» отмечены словообразовательные явления, характерные как для языка СМИ, так и для художественной речи.

Выделены основные тенденции словотворчества в современных художественных текстах: установка на компрессивное словопроизводство, интенсивное использование контаминации, употребление дефисных комплексов, являющихся аналогом слияния или сращения, голофразис, транспозиция в сфере частей речи.

В докладе **Н. А. Герасименко** «Художественные функции связочно-субстантивного сказуемого в очерках В. М. Пескова как отражение авторского взгляда на мир» представлен анализ очерков В. М. Пескова с целью выявить ценностные ориентиры известного публициста, реализованные в тексте через связочно-субстантивное сказуемое. Установлено, что природа и человек в творчестве журналиста – важнейшие ценности, взаимно связанные и влияющие друг на друга.

В докладе доктора филологических наук, профессора **Е. А. Красиной** (Москва) раскрыто взаимодействие линейной и нелинейной грамматики в аспекте актуального членения с точки зрения порядка слов и интонации. Показано, что нелинейная грамматика выявляет природу структурных компонентов текста на глубинном уровне, поверх синтагматики слов и их сочетаний.

Доклад **В. В. Леднёвой** посвящён исследованию составляющих смыслового объёма центрального концепта христианства «Слово» в тексте проповеди священноисповедника Луки, произнёсшего её как архипастырь на Светлой седмице 8 мая 1945 г. Охарактеризованы возможные коммуникативные и прагматические установки Святителю Луки как проповедника. С использованием наблюдения, контекстуального анализа, при учёте данных словарей было показано, что религиозный концепт интериоризирован адресату в представлении Спасителя рода человеческого Господа Иисуса Христа – опоры любви к Родине и подателя сил для преодоления врага.

В докладе доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка

и методики преподавания филологических дисциплин МГПУ **Н. М. Девятовой** «О сравнительном потенциале предметных существительных» рассмотрен когнитивный и сравнительный потенциал существительных, обозначающих средства транспорта: *трамвай, поезд*. Показана зависимость сравнительного потенциала от сочетаемости имён, выступающих в качестве компаративных констант сравнительных конструкций. Выявлены сравнительные смыслы, актуализированные при помощи соответствующих существительных, – опасность, быстрое движение, теснота, удобства / неудобства и др.

В докладе **И. Ю. Третьяковой**, доктора филологических наук, профессора кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, проанализированы особенности преобразований фразеологических единиц с компонентами, выражающими отрицание.

В докладе кандидата филологических наук, доцента Высшего института языков г. Туниса (Университет Карфагена), президента Тунисской ассоциации «Российское наследие» **Е. Н. Ельцовой** рассмотрен культуроним *Карфаген* в рецепции поэтов XX века, раскрыто его семантическое наполнение и образное содержание.

В докладе доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России **Е. И. Бегловой** «Семантика и прагматика фразеологизмов в журнальных статьях 2021–2022 гг.» выявлены основные функции фразеологизмов, характерные для заголовочного комплекса и вида публицистического текста.

В докладе доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка Владимирского государственного университета **М. Вас. Пименовой** рассмотрены основные способы толкования символов в древнерусском тексте – определительный и идентифицирующий. Подчёркнуто, что данные способы упо-

требляются в современном русском языке как виды метафорических переносов значения.

На секционных заседаниях обсуждались проблемы семантики и прагматики высказывания, семантики слова и фразеологизма в текстах разных типов, национально-культурный и когнитивный аспекты изучения языковых единиц, вопросы преподавания русского языка как иностранного в современном лингвокультурном пространстве. Выступили учёные и молодые исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Костромы, Мичуринска, Пензы, Рязани, Ярославля, из Китая и Алжира.

В секции «Прагматика и семантика высказывания» обращено внимание на аксиологические смыслы синтаксических конструкций в составе предложения и текста.

Так, в докладе доктора филологических наук, профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта МГОУ **А. В. Канафьевой** «*Вопросительные конструкции в сфере фатической модальности*» представлен анализ конструкций с условно вопросительной формой – риторических высказываний, используемых в речи как знаки фатической модальности. Отмечены их структурная организация, семантические оттенки, направленные на успешность коммуникации, достижение понимания, усиление воздействия на воспринимающего речь в нужном для отправителя направлении.

В докладе доктора филологических наук, профессора **Е. Н. Лагузовой** «*Особенности немецкого и французского типа пунктуации*» рассмотрено употребление знаков препинания в русском и французском языках. Особое внимание обращено на сложноподчинённые предложения и простые предложения с детерминантами. Различия в пунктуационном оформлении текста связываются с преобладанием формального принципа пунктуации в русском языке и смыслового принципа во французском языке. Показано, что привлечение мате-

риала иностранного языка способствует развитию лингвистического мышления обучающихся, повышению их интереса к родному русскому языку.

В докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка Ярославского высшего военного училища ПВО **А. П. Ушаковой** показано своеобразие семантики неодобрения, выражаемой в синтаксических фразеологизмах типа *Надо же такой беде случиться*. Проанализирована роль контекста, лексического наполнения перемного компонента, пунктуационного оформления высказывания.

В секции «Семантика слова и фразеологизма в текстах разных типов» затронут когнитивный аспект исследования метонимии в вербально-образной картине русского фэнтези (канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка МПГУ А. Т. Грязнова), освещены проблемы заимствования в диахроническом аспекте (канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка ЯГПУ Т. К. Ховрина), интертекста (канд. филол. наук, доцент И. А. Суханова, Ярославль; И. И. Рыжаченков, МГОУ), семантики слова в художественном тексте (д-р филол. наук, проф. кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета М. А. Фокина; аспирант М. Шохра, Алжир), активные процессы в современной речи (канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка ЯГПУ Е. М. Мельникова) и др.

Актуальным проблемам преподавания русского языка как иностранного посвящены доклады доктора филологических наук, профессора Е. Ю. Геймбух (МГПУ), доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка РУДН М. Л. Новиковой, доктора филологических наук О. И. Просянской (г. Санкт-Петербург), кандидата филологических наук У Ляньлянь (Лоянский политехнический университет, г. Лоян, КНР) и др.

По материалам конференции издаётся сборник научных статей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лагузова Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского; e-mail: laguzova.e@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia N. Laguzova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Russian Language Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; e-mail: laguzova.e@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лагузова Е. Н. Всероссийская научная конференция с международным участием «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 127–130.

FOR CITATION

Laguzova E. N. All-Russian Scientific Conference with International Participation “Semantics and Functioning of Language Units in Different Types of Speech”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 127–130.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» ([https:// cyberleninka.ru](https://cyberleninka.ru)).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2022. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузнов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,25, уч.-изд. л. 10,5.

Подписано в печать: 30.09.2022. Дата выхода в свет: 12.10.2022. Заказ 2022/09-08.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А